

Ульяна Егормина

Эксперт *Для Ангела*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Егормина

Эксперт для ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69062239

SelfPub; 2024

Аннотация

Меня зовут Паола Блэк. Я – эксперт. Никогда бы не подумала, что такая размеренная, спокойная работа выльется в сотню опасных приключений, да ещё приведет прямо в руки бандита Каморра. Ну и как теперь навыки скрупулезного анализа помогут мне справиться со стихийным бедствием по имени Анжело Валлара? Что ж, придется найти и отвоевать свое место в криминальной семье, а потом в сердце ее эксцентричного лидера.

Содержание

Переделка	4
Открытия	12
Сардиния	20
Не первая первая встреча	32
Валенсио	48
Экспертиза	59
Странности семейства Валлара	72
Анжело	84
Новый день	97
Попытка	108
Эмиль Сфорца	120
Прогулки и развлечения	135
Возвращение синьора Валлара	148
Перстень короля Неаполя	158
Между двух братьев Валлара	179
Деревня на юге Италии	191
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Ульяна Егормина

Эксперт для ангела

Переделка

Три года назад.

Ох уж мне эти саммиты по экологической безопасности! Так бы и сказали, что некуда приткнуть помощницу накануне выходных, потому лучше спихнуть ее с глаз подальше, чтобы не путалась под ногами. Какое отношение экология имеет к оценке антикварной стоимости? Правильно – совершенно никакого. Но меня все же отправили через пол страны, на эту чёртову конференцию. В Лос-Анджелес.

Неприятные ощущения, от осознания ненужности всего происходящего немного сглаживали ожидания появления возможности скорого отдыха. Я мечтательно вздохнула и быстрее припустила по улице. До пешеходного перехода оставались считанные метры. Если удалось бы успеть пройти регистрацию до начала форума, то был шанс убежать оттуда на первом же перерыве и сходить на пляж. Погода настраивала на развлечения, а не нудное просиживание штанов в огромном конференц— зале, под монотонный ропот выступающего. Все равно толку от пустого брюзжания стариков с высокими учёными степенями, ровным счётом не обнару-

живалось никакого. Кроме премии по возвращении, разумеется.

Погруженная в свои мысли, поминутно поглядывая на часы, я наконец добралась до пешеходного перехода. От здания научного центра меня отделяла примерно пара кварталов по другой стороне улицы. Едва нога вступила на полосатую разметку, как из-за поворота вылетел черный автомобиль: наглухо тонированный и наверняка бронированный. Шины со свистом стирались об асфальт, угрожая раскатать по дороге любого, кто встанет на его пути... А потом последовала очередь. Гулкие, словно быстрые удары в большой барабан выстрелы заставили шум города в одно мгновение смолкнуть. Я закрыла ладонями уши и отвернулась, в попытке уклониться от огненного шквала, обрушившегося на автомобиль, и казалось, что на меня вместе с ним. Душу стремительно наполняла паника. Никогда раньше мне не доводилось участвовать в криминальных разборках и уж тем более слышать выстрелы... Так близко... У самого уха. Страх растекся по коже ознобом и проник в легкие, стягивая их тугими оковами подступающей истерики.

Когда все стихло, осталась лишь я, рядом с напоминающей дымящееся решето машиной. Пара глубоких вздохов и страх удалось немного унять. Сознание, все же отказывалось верить в происходящее, голова кружилась, мысли расползались, не желая фокусироваться. Испуганный взгляд быстро скользил по блестящему корпусу, каждый раз, будто спо-

тыкаясь о многочисленные рытвины пулевых отверстий. Из щели под дверью вытекла тонкая струйка густой, алой крови. Такая яркая...

Внутри железной коробки что-то зашевелилось и, затем, последовал сдавленный стон. Призыв к действию чувствительно толкнул прямо в спину. Не раздумывая, я бросилась к автомобилю, открыла дверцу и с криком отскочила в сторону. С заднего сиденья выпал седой мужчина в дорогом, классическом костюме. Пуговицы его пиджака были застегнуты полностью, все три, будто он собирался в суд или церковь. Скорее церковь. Красивые, ровные черты благородного лица выдавали южное происхождение, а глаза... Его взгляд: такой теплый, янтарный, мягкий... Остановился, безучастно взирая в небытие. Старик был мертв. Широкая грудь пестрела мелкими, алыми точками, постепенно расплывающимися в бордовые пятна, как круги от камня, брошенного в воду. Меня охватило оцепенение. Смерть, такая яркая, живая, настоящая... Словно прошла совсем рядом, задев меня краем своего балахона. Но не тронула... Этот человек... Еще минуту назад он дышал, говорил, смеялся... А теперь его больше не было с нами, он умер. Ощущение бренности бытия заструилось по коже ознобом. Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, в недрах светлого, кожаного салона снова кто-то застонал.

Взяв себя в руки, я забралась на сиденье и обнаружила там ещё одного мужчину, значительно моложе первого. Он

прижимал руку к большому багровому пятну у плеча справа, с непониманием и даже каким-то изумлением взирая на собственные, окровавленные пальцы.

– Эй. С вами все хорошо?

Мужчина перевел взгляд на меня и закашлялся, сплевывая темные сгустки. В горле мигом пересохло, но сознание сразу прояснилось в ответ на сложившуюся ситуацию. В голове будто щелкнул рычаг переключения направления. Его можно спасти. Этого смерть забрать не спела и мне совершенно не хотелось уступать ей. Я судорожно перебирала в памяти те скудные лекции по взаимопомощи, которые проходила ещё в институте на отделении археологии. Тогда старый профессор нудно и долго убеждал нас, что подобные знания могут спасти жизнь нашему товарищу где-нибудь в джунглях Амазонии, после неудачного падения со стены храма, или ещё чего в этом духе. Я была отличницей. Всегда выполняла практические работы, раз за разом повторяя одни и те же действия, пока не добивалась от тренажёра правильного, положительного сигнала. Кто бы мог подумать, что сейчас вся эта, никому ненужная ерунда могла действительно спасти чью-то жизнь. Например, его.

– Пробито лёгкое, – с нарастающей паникой констатировала я скорее себе, чем пострадавшему, и начала судорожно шарить по салону в поисках чего-нибудь, способного закрыть рану.

На полке, за сидением обнаружилась плоская коробка с

большим, красным крестом на крышке.

– Аптечка!

Находка поразила до глубины души. Кто же возит подобное в таком дорогом автомобиле? Его хозяева наверняка настолько круты, что должны были гвозди зубами перекусывать. А тут правила дорожного движения... Даже смешно немного. Как бы там ни было, сейчас содержимое этой коробки мне оказалось необходимым, как никогда. Я легко разорвала рубашку на груди мужчины, распечатала пакет и крепко прижала изоляционную салфетку к ране. Его дыхание тут же немного выровнялось, лишившись неприятного, булькающего свиста.

– Смотри на меня, – уверенно приказала я и потянула его за подбородок к себе. – Постарайся не отключиться, концентрируй внимание на моем лице.

Больше не было страшно. Только ясная, чистая, холодная решимость заполняла грудь осознанием правильности предпринимаемых действий. Мы сможем. Мы справимся. Пальцы свободной руки уже всюду шарили по карманам дорогого костюма пострадавшего в поисках телефона, поскольку свой я выронила ещё до начала перестрелки, и искать его сейчас времени определенно не было. Черный аппарат скоро обнаружился в недрах узкого, модельного пиджака. Беззастенчиво приложив окровавленный палец мужчины к окошку идентификации, я набрала номер экстренной помощи.

– Алло! Мы находимся на углу седьмой и двадцать пер-

вой авеню, в расстрелянной машине. Тут человек. Он ранен в грудь, истекает кровью... – голос дрожал, а слова путались, откровенно свидетельствуя в пользу не отступающей паники.

– Скорая помощь за два квартала от вас. Держитесь, мэм. Они едут.

Мужчина охнул, привлекая внимание к себе. Я отложила телефон и перевела встревоженный взор на попутчика. Он смотрел внимательно и сосредоточенно, словно мое лицо было единственным, что ещё держало мятежную душу на этой земле, не давало ей покинуть тело. Ясные, несколько удивлённые глаза, старательно изучали черты, силясь запомнить их навсегда. Глубокий, осмысленный взгляд теплого янтарного цвета с крупными, темными крапинами, радиально расходящимися от зрачка, светился умом и решительностью, а в сочетании с грубой внешностью, выдающей латинское происхождение, казался особенно необычным. Как же легко было представить, что нас и раньше связывали некие тесные отношения. Будто мы были давними друзьями, братьями или даже близкими родственниками. Казалось – я вечность знакома с мягким, смеющимся блеском его темных, янтарных глаз. Неожиданно сохранность жизни совсем незнакомого мне мужчины стала самой важной составляющей существования всей Вселенной.

– Держись. Ещё немного и они доберутся. Ты будешь жить. Обещаю, – уверенно убеждала мужчину я, а внутри

все сжималось от холода и страха.

Как же хотелось верить в собственные слова, но суровая реальность неумолимо диктовала обратное. Машина была расстреляна из крупнокалиберного оружия. На передних сиденьях, куда я страшилась даже заглянуть, растекалось сплошное кровавое месиво. Ладонь, зажимавшую рану, при каждом новом его вздохе покалывало осколком той самой брони, что воткнулся в грудь странного мужчины, наверняка вследствие перестрелки. Сам же потерпевший скорее всего принадлежал к криминальным кругам этого города... Хотя выделяющаяся внешность больше наводила на мысли о Кубе, Мексике или Колумбии. Мужчина на миг закрыл глаза, и я тут же судорожно вздохнула, силясь унять панику, мгновенно вскипевшую удушливой волной в груди.

– Нет-нет-нет! Не смей терять сознание, Пабло Эскобар, не отвлекайся на постороннее, осталось совсем немного, смотри на меня. Прошу!

Раненый вымученно, но при этом саркастически усмехнулся и послушно вернул ко мне свой чудесный, такой необычный взор, который то затуманивался, то прояснялся вновь. По моим щекам ручьями покатались слезы, которых я совсем не замечала. Эмоции начали брать верх, застилая сознание мутной пеленой необъятной тревоги за нас обоих. Мужчина поднял ладонь и окровавленными пальцами коснулся моей мокрой скулы, будто силясь стереть соленые струйки, успокоить, приободрить. Поддержать. Вдали

завыла сирена скорой помощи.

– Слышишь! Все будет хорошо, – прошептала я и обняла его, запуская пальцы в жёсткие, выющиеся, темные волосы. – Обещаю.

Вокруг началось движение. Открылись двери машины, люди вынули трупы, отчётливые крики, напоминающие команды, возвестили о том, что врачи готовы принять пациента и бороться за его жизнь. Меня кто-то взял за плечи, потянул наружу, начал уговаривать. В янтарных глазах незнакомца блеснул страх вперемешку с раздраженным непониманием. Цепкие пальцы сомкнулись на запястье, не желая отпустить. Он терял ориентир и не хотел этого. Совсем.

Нас бесцеремонно разлучили. Меня куда-то вели, о чем-то спрашивали, что-то обещали. Его подключили к странному аппарату, погрузили на каталке в машину реанимации и увезли.

Я беспомощно наблюдала, как удаляются красно-голубые огни, растворяясь среди домов, в направлении юго-западной больницы. Полиция в сотый раз записывала мои показания о том, что с потерпевшим я не знакома, помогла ему потому, что услышала стон из машины, стрелявшего не видела, калибра оружия не знаю и постоянной прописки в городе не имею. Тем временем мое, отрешённое сознание повторяло из раза в раз: «Только бы жил. Я хочу, чтобы он жил».

Открытия

Наши дни.

– На сегодня больше не запланировано дел, мисс Блэк, – возвестила секретарша из громкоговорителя стационарного телефона.

– Спасибо, Мари. Тогда можешь быть свободна.

Я сняла стильные туфли на высоких каблуках и блаженно потянулась в кресле, а потом встала и подошла к большому панорамному окну. За стеклом жил своей жизнью город. Мне нравились вечера субботы, когда в агентстве уже никого не оставалось. Густая тишина заполняла собой пустые коридоры, погружая пространство в медитативное состояние, позволяющее мыслям систематизироваться, а шуму в голове утихнуть. Сварив себе кофе, я уселась прямо на пол, перед окном и принялась рассматривать чёрное, непрозрачное, ночное небо над городом.

Когда-то все было по-другому. Мой путь к креслу управляющего пусть и маленькой, но весьма известной, уважаемой компании по оценке предметов старины, начинался с простой помощницы, которых теперь у самой было две. Потом, заметив стремление к совершенству и неумную тягу к скрупулезности, старый хозяин – Эмиль Сфорца, повысил свою девочку по поручениям до рядового специалиста-оценщика. Впоследствии, было несколько удачных сделок, среди

которых встретила одна сомнительная.

Тогда, ещё будучи юным экспертом, я не видела разницы между частными, нелегальными аукционами и анализом древностей в государственных национальных музеях Европы. Прибыль оказалась значительной, лишь поэтому бедный Эмиль и не уволил меня, без подобающих рекомендаций. Но как же он кричал! Впервые пришлось наблюдать спокойного и доброжелательного синьора Сфорца взбешённым...

Новая меланхоличная улыбка коснулась губ при подобных воспоминаниях. Что ж, пришлось немало всего запомнить, отточить мастерство, научиться общаться с людьми... Я много, старательно, скрупулёзно работала, чтобы оправдать проявленное господином Сфорца доверие. Стремилась быть достойной доброго, светлого, интеллигентного наставника, заменившего стеснительной девушке в новом городе всех родных и друзей. Меня никогда не волновал статус, доход или табличка на кабинете, но Эмиль... Разочарование, сверкающее в его теплых, пронизательных глазах было истине невыносимо. Потому я и лезла из кожи вон, чтобы только начальник гордился мной.

А теперь мисс Блэк уже занимала пост генерального директора в то время, как наш славный ворчун отправился на покой, жить на дивиденды от моих заработков.

Став во главе организации, правилам и традициям я по-прежнему изменять не посмела, всеми силами старалась теперь избегать частных и нелегальных аукционов. Хотя доход

от них был всегда в разы больше того, что позволяли себе мы, зато репутация быстро начала работать на руку, обеспечивая постоянными клиентами.

Рассуждая о превратностях судьбы, я и не заметила, как в комнату вошёл Майкл, мой заместитель и по совместительству жених.

– Привет. Опять сидишь на полу?

Тон его тихого голоса мне совсем не понравился. Он легко обнаруживал жалкие, просительные нотки, которые я давно научилась улавливать. Наши не слишком уж тесные взаимоотношения продолжались без малого полтора года, и Майкл быстро стал для меня открытой, неинтересной книгой. Опять будет клянчить досрочный аванс, или очередной, внеплановый выходной. Но показывать раздражение накануне субботнего вечера совсем не хотелось, чтобы снова не ссориться по пустякам. В последнее время мы с женихом как-то отделились, скорее напоминая соседей по комнате, чем влюбленную пару. Меня в целом положение вещей устраивало. Он ездил пить чай к моим родителям раз в месяц. Потому-то они и перестали упрекать свою взрослую дочь в нежелании заводить семью. Я же оплачивала счета и старалась не развивать ненужных конфликтов. Жизнь постепенно приобретала определенность, что вселяло в душу чувство уверенности в завтрашнем дне. Именно это и привлекало меня в Майкле, вызывало уважение и где-то, наверное, даже благодарность... Отчасти.

– Да... Подождёшь, вот только...

– Я ухожу Паола.

– Допью, и пойдем вместе.

– Нет, ты не поняла. Ухожу из компании, уезжаю из города, покидаю твою жизнь навсегда.

Душу наполнила неприятная горечь непонимания, странного ощущения близкого предательства. Я никогда не любила Майкла. Даже в начале наших отношений не испытывала тех ярких эмоций, что описывают в коротких дамских романах. Как говорится: «не горела в его руках». Но сейчас стало больно, обидно и гадко от того, что мне ввали в глаза, нагло пользуясь моим безграничным доверием.

– Объяснения будут?

Он глубоко, обречённо вздохнул.

– Мари беременна. Мы больше не можем скрывать наши отношения.

Слезы, только проступившие в уголках глаз, моментально высохли, а к горлу подступил ком. Та самая секретарша, что пару минут назад сообщила об окончании рабочего дня? Серьезно? Вот на кого ты, любимый, променял свою без пяти минут невесту?

– Для чего было скрывать вообще? – я меланхолично отхлебнула кофе и уставилась на свое отражение в стекле.

– Эмиль никогда не дал бы нам хороших рекомендаций. Он любит тебя, как родную дочь! – начал заметно злиться Майкл, будто это мне удавалось изменять ему за спиной и

мило улыбаться, преданно глядя в глаза.

Ах вот как. Меркантильный ублюдок боялся за собственную паршивую шкурку? Конечно, в мире оценки без хорошего протектората никуда не устроиться. А тут ещё нежная привязанность господина Сфорца. Вокруг часто говорили о том, что старый коллекционер оставит дело всей своей жизни именно мне. Удачная партия, как ни крути. Только брюхатая подружка испортила планы.

– Нам семью кормить, Паола! Ты же не такая... – умоляюще протянул парень, переминаясь с ноги на ногу.

– Не волнуйся, я ограничусь профессиональными качествами, в список которых не входит предательство.

Не позволить себе разреветься было невероятно трудно, но приходилось держаться, кожей ощущая огромное, всепоглощающее одиночество. Как же так? Почему я? Чем моя очень скромная, разумная и всегда доброжелательная персона так претила окружающим? Не была ведь уродиной, грубой или наглой, всегда отличалась добрым, покладистым характером, чистой речью и строгой приверженностью к морали. Что ж не так-то? В свои тридцать, мне не посчастливилось встретить избранника. Даже Майкл попался как-то под руку, словно со стороны. Он не слишком изящно, но настойчиво ухаживал. Мы проводили много времени вместе, поскольку оба занимались экспертизой в агентстве Эмиля. Казалось, что подобная тихая гавань и позволит наконец обрести семью, о которой так грезили милые родители... Но нет.

– Ты никогда не любила меня, – с обидой в голосе бросил он и поднял с вызовом подбородок.

– Я всегда тебе верила. Безоговорочно, – в тихом шепоте явственно проступила тоска по разрушенному.

– Прости, – обречённо произнес теперь уже бывший жених, опуская голову.

Чтобы не расплакаться прямо перед ним, пришлось глубоко вздохнуть и взмахом руки отослать предателя за дверь, якобы не желая больше слушать пустые оправдания. Едва тихий щелчок узорчатой ручки прозвучал за спиной, как слезы ручьем покатались по щекам. Да что ж могло случиться? Почему нельзя было завести этого ребенка со мной? Неужели я оказалась бы худшей матерью, чем она? С губ сорвался саркастический смешок. Не грел моей постели Майкл уже больше полугода. Говорил, что занят, устал... Понятно теперь, какого рода была его усталость.

Стараясь отвлечься от горестных мыслей и полного, беспроблемного одиночества, я принялась машинально листать ленту новостей на своем старом, потертом смартфоне. Родители часто порывались купить в подарок новый, современный аппарат, в качестве аргументов упоминая статус и высокую зарплату... Но мне нравился этот. С кривой полосой по экрану, полученной три года назад. Царапина напоминала о теплых, удивительного цвета, янтарных глазах, с надеждой и болью взирающих прямо в мое лицо.

Позвонить в больницу я тогда так и не решилась. Не хо-

тела услышать, что незнакомец умер, не приходя в сознание. Мне было жизненно необходимо думать, что тот странный мужчина, с незабываемого цвета глазами, остался жив. Воспоминания раз за разом возвращали к пронзительному, колдовскому взгляду, с иронией и вниманием изучающему черты моего лица. Я была нужна ему... такой, какая есть. Он хотел видеть меня рядом. Чувства, родившиеся в тот день, никак не удавалось списать на стресс, забыть или интерпретировать. Они просто жили внутри независимо от моего мнения. Не давали покоя ночами, роились где-то глубоко в душе и вспыхивали каждый раз, когда на улице мерещился тот самый незнакомец, с янтарного цвета глазами.

Во всех церквях Европы, где только не доводилось бывать по долгу службы, горели свечи, поставленные за здоровье колумбийского гангстера с осколочным ранением в грудь. Это стало какой-то негласной традицией – молиться о сохранности жизни человека, не имевшего к мне совсем никакого отношения.

Палец замер на ярком фото с крупной, анонсирующей надписью: «Синьор Анжело Валлара, с невестой, прибыл в Дубай для участия в традиционном светском рауте.»

С фотографии на меня смотрели те самые, янтарно-карие глаза. Серьезно и сосредоточенно взирал высокомерный фронт, вальяжно обнимая идеальную, во всех смыслах, брюнетку. Тихие всхлипы переросли в откровенные рыдания.

«Синьор Анжело Валлара» – вбивали пальцы в поискови-

ке, словно против моей воли.

«Глава крупной корпорации «Валлара – индастриз», специализирующейся на гостиничном бизнесе Италии. Родился и вырос в Неаполе, в семье магната Жозефе Валлара, трагически погибшего три года назад в перестрелке, во время делового визита в Штаты...»

Старик с точно таким же взглядом... В тот день мой спасённый бандит потерял отца, они были в одной машине... А теперь, с невестой, синьор Валлара прибыл в Дубай.

Какой «восхитительный» сегодня день!

Сардиния

Майкл получил лаконичные рекомендации и расчет, как и Мари, после чего они оба поспешили удалиться. Эмиль не был согласен с таким положением вещей, но предпочел не вмешиваться, полагая советы в подобных вопросах бестактностью. Дни потянулись унылой, нескончаемой чередой. Пустая квартира вгоняла едва ли не в отчаяние, работа увлекала все меньше, абсолютная апатия накрывала с головой, не выпуская из своего плена, не позволяя двигаться дальше.

Громкий, необычно раздражающий звон телефона заставил выбраться из-под подушки. Какого черта? Воскресенье. На экране появилась фотография представительного вида мужчины: толстого, высокого, в дорогом костюме и с тростью.

– Да, Эмиль. Что-то случилось?

– Нет, дорогая, совсем нет. Хотел просто пригласить тебя на чашечку чая. Не против?

– Я... Эм...

– Отлично. Жду к десяти.

Моего мнения он конечно слушать не стал, желая добавить хлопот, чтобы убить и без того никудышнее настроение. Будильник сдавленно пискнул – половина девятого. Чудно.

Дорога до большого, викторианского особняка, сплошь заставленного предметами старины, от чего напоминавшие-

го антикварную лавку, заняла больше часа. Водитель компании неприязненно молчал, обиженный необходимостью работать в выходные, а мне совсем нечем было его успокоить.

Дом Эмиля возвышался среди обширного, пышно цветущего сада. Дверь была не заперта, поскольку хозяин ожидал посетителей. В гостиной встретил престарелый, глухой лакей, в безукоризненно пышной ливрее, дополняемой белыми, старомодными перчатками. Слуга проводил меня в маленький, бордовый салон, являвшийся, по сути, рабочим кабинетом эксперта Сфорца.

– Паолита! – изысканно одетый старик радушно обнял и чопорно расцеловал в обе щеки.

– Эмиль, – мягко улыбнулась я. – Надеюсь ничего серьезного?

Теплый взгляд начальника и близкого друга сразу поменялся, наполнившись смесью противоречивых эмоций, при этом приобретая откровенную сосредоточенность. Такие перемены в господине Сфорца говорили о том, что у нас будет серьезное и весьма щепетильное задание, которое он не решился доверить никому другому, кроме меня. Это значило, что в скором времени придется нестись в самый центр какой-нибудь дальней раскопки. Частный, неболтливый эксперт, очевидно, понадобился чтобы лично определить подлинность вещи сомнительного происхождения, а так же установить источник ее появления в руках знатного коллекционера. Подобные выводы не действовали ободряюще, по-

скольку уже год я исполняла лишь обязанности главы компании, и не брала в руки даже лупы.

– Садись дорогая. Я приготовил чай, – печально произнес Эмиль и тяжело опустился в широкое, велюровые кресло.

– Давай без прелюдии. Что нужно сделать?

– Видишь ли, Паолита... – он сложил пальцы домиком, поджимая губы. – Дело весьма деликатное.

– Я поняла. Что необходимо оценить?

– Перстень пятнадцатого века. Нужно определить подлинность, это жизненно важно, дорогая... И конфиденциально.

– Где?

– Сардиния, Италия.

Я саркастически усмехнулась, представляя себе контингент, с которым придется иметь дело.

– Кто-то рискнул впихнуть подделку бандитам Каморра?¹

Взор начальника стал злым и цепким, похоже, моя шутка невольно попала точно в цель.

– Дорогая... – он тяжело вздохнул и продолжил. – На заре своей карьеры я встретил одного человека... Мы оба были молоды и амбициозны... Он очень помог мне, Паола, я в долгу перед ним.

– Почему же ты сам не поедешь?

– Мои старые глаза не годятся для такой работы, а дове-

---

¹ Неаполитанская бандитская группировка, иерархией и устройством сходная с сицилийской Коза Ностро. Каморра является более юной, потому ее нравы жестче, агрессивней, циничнее.

ряться я могу лишь тебе.

– Конечно, Эмиль, сделаю в лучшем виде. Не волнуйся.

Начальник благодарно наклонил голову и доброжелательно улыбнулся, будто никогда и не сомневался в моей преданности.

– У этого самого друга трое взрослых сыновей. Горячая кровь Италии согреет твое ледяное сердце.

– Замуж решил спихнуть? – издевательская усмешка невольно тронула губы.

– Майкл совсем не подходил тебе, Паолита. Ты – факел, а чтобы он светил, его нужно зажечь.

– Вряд ли твои воротилы теневого бизнеса окажут на меня должное впечатление, – снисходительно улыбнулась я, на что Эмиль совсем ничего не ответил, задумчиво переведя взгляд в окно, на красивый сад.

Не прошло и пары дней, как я уже покидала самолет ранним вечером в Кальяри. Как только таможенный контроль остался позади, ко мне подошёл высокий итальянец с широкой, белозубой улыбкой.

– Синьорина Блэк?

– Она самая, – незамедлительно подтвердила я, стараясь уложить документы в походную сумку.

– Мое имя Лучо, я отвезу вас на Вилла Эмануэлла.

– Спасибо, когда можно будет увидеть предмет?

Спутник вновь легко, располагаяще улыбнулся и дал взглядом знак носильщику забрать мой багаж.

– Вам некуда торопиться, синьорина Паолита. Сегодня у нас большой праздник: моему старшему брату исполнилось тридцать пять. Будет много гостей, музыка, танцы, фейерверки, – тон его голоса был как незрелый виноград – ещё кислый, но уже обнаруживающий будущие достоинства вкуса и запаха. При этом звенел в воздухе трелью колокольчиков, – о делах поговорим завтра, или на днях.

Беседуя, юноша легко подхватил меня под локоть и увлек за собой на парковку, где по знаку его пальцев был подан черный автомобиль. Увидев машину, я вздрогнула и отшатнулась, вцепившись в руку спутника. Точно такой же джип расстреляли на моих глазах три года назад. Живо представилось, как из щели под дверью сочится кровь.

– Мы должны поехать на этом? – голос дрожал, а мысли путались.

– Что-то не так с транспортом? – непонимающе уставился на меня юноша. – Вам нечего бояться, он бронированный.

До смерти перепуганный взгляд поднялся к красивому, юному лицу спутника и замер – на меня внимательно смотрели те самые, янтарные, с темными лучами глаза. Парень был несомненно моложе и выглядел более худым, но взор... Начинал вгонять в откровенную истерику. Похоже воспоминания наложились на реальность и теперь сознание жестоко шутило со мной, выдавая прошедшее за действительность.

– Не поеду, – уверенно отрезала я, сильнее вцепляясь в широкую, горячую ладонь.

Мягкий, вежливый, немного беззаботный Лучо как-то сразу посуровел, являя движениями непоколебимую сталь уверенности. Казалось, что он повзрослел в один миг лет на двадцать. Аккуратно поглаживая мое плечо, парень достал свободной рукой телефон, выбрал номер из быстрого набора и коротко осведомился у начальства о чем-то, по-итальянски. С той стороны последовал такой же лаконичный ответ, а потом, очевидно какое-то распоряжение. Провожатый убрал аппарат и посмотрел на меня так, будто увидел только что впервые.

– Тише, малышка. Скоро подгонят другую машину. Не плачь.

Мягкий тембр шелестел, точно баюкал, выражая живейшее участие в моих переживаниях. При этом не по-юношески крепкие руки обнимали настолько бесцеремонно, будто мы были знакомы всю жизнь. Я аккуратно выбралась из излишне фамильярных объятий, вновь обретая самоконтроль.

– Простите. Воспоминания неприятные...

Лучо спокойно ослабил хватку, но продолжил смотреть, как на близкую родственницу, подобное только усиливало невроз.

– Простите, мы раньше не встречались?

– Нет, – парень усмехнулся как-то надменно, словно с высока взирая на меня. – Я бы запомнил.

– Тогда почему Вы обращаетесь так... фамильярно?

Перемены в его поведении наводили на сомнения в пси-

хическом здоровье моего юного спутника.

– Это Италия, малышка, – он непринужденно подмигнул мне, возвращаясь к прежнему легкомысленному характеру общения. Мягкая, лучезарная улыбка выражала определенное нежелание больше ограничиваться деловым тоном.

Скоро действительно подали другой транспорт, на котором мы и отправились на Вилла Эмануэлла. Поместье оказалось большой усадьбой в псевдо-викторианском стиле с массивными ограждениями и серьезной охраной по всему периметру.

– Откуда такое название? – я старалась вежливо дистанцироваться от своего нового друга, внимание которого становилось навязчивым.

– Так звали нашу мать. Она любила бывать здесь.

– Простите за бестактность, ее больше нет?

Лучо погрустнел, словно в солнечный день появилось на небе облачко, а потом опустил взгляд к носкам своих лёгких, белых Lacoste.

– Мама умерла при моем рождении. Я даже лица ее ни разу не видел живую.

– Мне так жаль, – холодные пальцы коснулись его запястья, и задорный взгляд парня опять приобрел прежнюю беззаботность.

– Благодарю, у меня большая семья. Все вокруг заботятся обо мне до сих пор. Иногда это даже... Злит.

Высокие скулы его грубоватого латинского лица, чуть ост-

рее выступили, выдавая раздражение, но даже так он все равно казался ребенком. Любимым, ухоженным, заласканным малышом, основной проблемой которого был лишь поиск конфет по дому или выбор подарка на рождество.

Шорох шин о гравий подъездной дорожки стих, возвещая о том, что мы добрались до места. Водитель вышел первым и учтиво открыл двери: сначала для Лучо, а уж потом и мою. Обширный сад был изысканно украшен мелкими, желтыми огнями гирлянд, утопающих в кронах деревьев. Повсюду сновали люди, обустроивая зону банкета, заставленную круглыми маленькими столиками, покрытыми белоснежными скатертями. Сияющее в свете огней полотно выгодно перекликалось со светлым оттенком стен особняка. В отдалении, на большой сцене монтировали лазерное и звуковое оборудование. Судя по всему праздник должен был иметь по истине королевский размах.

– Гости приглашены к девяти, ты тоже можешь спуститься к нам, а сейчас пойдем.

Юноша легко взял меня за руку и, как лучшую подругу, провел в дом, словно предлагая присоединиться к его шалостям. Внутреннее убранство поместья разительно отличалось от обиталища моего хозяина Эмиля. Каждая вещь, даже самая мимолётная, будь то ваза с цветами или полка для обуви, четко и грамотно вписывалась в интерьер. У всего было конкретное место, что свидетельствовало о колоссальных масштабах проведенной дизайнерами работы. К тому

же убранство иллюстрировало собранность и педантичность самих хозяев жилья.

Мне предложили несколько гостевых комнат на выбор. Все они были изысканно, но лаконично обставлены и отличались только цветовой гаммой. Мое внимание, в одной из них, привлекло старое, потертое и совершенно не вписывающиеся в интерьер кресло. Оно стояло прямо в центре, и обращено было к постели так, словно кто-то сидел в нем, наблюдая за спящими в кровати.

– Пожалуй остановлюсь на этой, – кивнула я Лучо, пересекая порог.

– А знаешь, я даже не удивлен, – широко улыбнулся парень, отдал короткое распоряжение носильщику и растворился в воздухе подступающей ночи.

Рассуждая на тему внезапного панибратства странного молодого человека, я побрела в душ. За широкой дверью на противоположной от входа стороне, обнаружилась ванная комната, обустроенная по последнему слову техники душевой зоной, с панелью управления струями воды, тропическим дождем и прочими удовольствиями. Всю конструкцию отсекала от остального пространства помещения плексиглазовая стена.

С наслаждением избавившись от одежды, я вступила под теплые струи и расправила затёкшие от напряжения плечи. Горячая вода расслабляла, выветривая из головы мысли, позволяя ощущениям ненадолго занять главенствующее по-

ложение в сознании. Постепенно теплые ручейки, медленно стекающие по коже от плеч до самых пяток, стали вызывать приятный трепет, расплзающийся мурашками по плечам и позвоночнику. Мягкая, чуть взволнованная дрожь влечения отзывалась лёгким, едва болезненным, но приятным спазмом в низу живота. Я прикрыла глаза от удовольствия, и уже не замечала как, пальцы сами скользнули по мокрой коже, опускаясь все ниже... И ниже...

Вдруг спину словно обжёг чей-то жаркий, внимательный взгляд. Все мое существо натянулось, явственно ощущая постороннее присутствие. Оглянувшись в поисках источника, вызвавшего такое острое беспокойство, я замерла, затаив дыхание. В углу спальни, сразу за настежь открытой дверью ванной комнаты, стоял мужчина в белой рубашке с закатанными на треть рукавами и черных, модельных брюках. Запотевшее стекло душевой не позволяло рассмотреть его внимательно, но широкие плечи, высокая фигура и расставленные, в демонстрации господствующего положения, ноги однозначно свидетельствовали о половой принадлежности. Незнакомец, запустив ладони в карманы брюк, наклонил голову и внимательно наблюдал за мной.

Приступ животной паники потек по позвоночнику вместе с горячей водой. Так наверное чувствует себя загнанный в угол кролик, заглядывая в спокойные глаза завершившего охоту волка... Или нет, скорее филина. Меня насквозь прожигал полыхающий адовым огнем, кровавый взгляд бес-

шумного хищника, обнаружить появление которого можно лишь когда станет уже слишком поздно, и пути к спасению будут отрезаны.

Казалось, что в комнате вмиг стало холодно, по коже свободно струился озноб, а бешеный стук сердца в ушах откровенно оглушал. Несколько секунд я не могла сдвинуться с места, молча взирая на странного незнакомца, как статуя застывшего у самой двери. Потом, собравшись с духом, все же взяла с полки полотенце, обернула его вокруг мокрого тела и протёрла перегородку, в намерении выяснить, кто столь бесцеремонно нарушил мое личное пространство. Сразу стало понятно, что спальня за дверью совершенно пуста, а мужская фигура, скорее всего, оказалась плодом моего разбушевавшегося от неги воображения.

Через некоторое время появился официант с подносом. На ломаном английском слуга сообщил, что хозяин велел принести мне еду в комнату, ожидая, что спуститься на торжество я все же не решусь.

Что ж это было весьма учтиво с его стороны. Признаться меня удивляло совершенно все в этом странном доме. Ожидания рисовали малограмотную, неотесанную братию, до крайности избалованную деньгами и вседозволенностью. Реальность же иллюстрировала весьма образованное, вежливое и интеллигентное семейство, способное ценить личное пространство и не настаивать на своих правах. Все эти выводы омрачала только картина присутствия мужчины, наблю-

давшего за мной в душе, но полной уверенности в ее реальности у меня все же не было.

Итак, добро пожаловать в Кальяри, мисс Блэк.

Не первая первая встреча

Из открытых дверей небольшого балкона доносились звуки музыки и громкие, одобрительные окрики на итальянском, очевидно призванные чувствовать именинника. Я ощущала некоторую неловкость от своего уединения, все же у хозяев поместья был праздник. Игнорировать мероприятие было проявлением дурного тона, что не красило образ эксперта в области антикварных ценностей.

Торжественной одежды, подходящей под случай, в чемодане не нашлось. Захватить с собой пару выходных платьев даже в голову не пришло, ведь меня никто не предупредил о возможности участия в официальных приемах. Потому я просто выбрала наряд попримичнее, заложила каштановые волосы в высокую прическу, открывая шею, надела такие неудобные, но вместе с тем единственно уместные туфли на высоких, тонких каблуках и отправилась присоединяться к поздравлениям.

Коридоры поместья, увешанные картинами разных эпох, без сомнения подлинными, извивались точно змеи, уводя меня все дальше от гула празднующей толпы. Если судить по количеству пройденных лестниц, то скорее всего я давно попала в цоколь или даже подвал, но выбраться из хитроумных лабиринтов никак не получалось. Внимание привлекло одно из украшавших стены полотен, такое яркое, светлое,

живое... Будто глоток воздуха в спертой атмосфере давящих со всех сторон, толстых, каменных стен. С него улыбалась женщина, бесспорно итальянка. Глубокий, томный взор прозрачных, карих глаз светился совершенным, чистым, неподдельным счастьем. Ей было тепло и уютно тут, все окружение приносило радость, спокойствие и умиротворение.

Эмануэлла.

Сомнений в том, что передо мной портрет матери Лучо не было никаких. Очень красивая и, судя по лицу, добрая хозяйка дома конечно была его душой. Даже сейчас незримое присутствие этой женщины нагревало пространство вокруг, вселяя в душу лёгкие отсветы ее собственного счастья.

Нехотя оторвавшись от портрета, я огляделась. Справа чернела острыми, вырезанными прямо на дереве узорами массивная дверь, на кованых петлях с элементами, напоминающими засов. Внутри обнаружился небольшой, оформленный в строгом, европейском стиле рабочий кабинет, очевидно принадлежащий хозяину поместья. Черная кожа кресел поблескивала тусклыми отсветами скудного освещения. Стены от пола до потолка занимали стеллажи с книгами разных эпох и направлений. Лёгкая пыль в некоторых местах была стёрта пальцами обладателя коллекции, что говорило о недавнем использовании фолиантов по назначению. На столе в некотором беспорядке лежали бумаги и фотографии.

Меня не покидало подспудное ощущение тревоги, словно чувства уже уловили источник опасности, а сознание ещё

не сумело его идентифицировать. Лёгкая, неприязненная дрожь текла по позвоночнику, сковывая движения, заставляя сердце биться чаще, побуждая боязливо оглядываться в поисках отсвета алых глаз того самого огромного филина. Напряженно прислушиваться, в ожидании тихого шороха мягких перьев на крыльях, возвещающего о неминуемой гибели.

Передернув в волнении плечами, я попыталась сосредоточиться на материальном. На краю стола, тыльной стороной ко мне, стояла маленькая фотография в простой, деревянной рамке. Любопытство вскипело в крови неконтролируемой волной, и чуть дрожащая ладонь потянулась к ней, намереваясь обнаружить изображение. Да так и замерла в воздухе. По позвоночнику хлынула мелкая, ледяная дрожь.

– Ты любопытна, малышка.

Мужской голос за плечом был до крайности необычен. Он звучал низко и мягко, вызывая ассоциации с тонким велюром, бережно обволакивающим кожу. На самом дне тихого рокота явственно проступали звенящие, стальные нотки абсолютного доминирования, давящие на сознание, вызывающие желание втянуть голову в плечи и опустить взгляд, уступая.

В голове словно щёлкнул механизм автоматического затвора. Вот она – та самая опасность, преследовавшая меня с момента приезда на Вилла Эмануэлла. Тот самый тихий шорох пера крыльев филина, сулящий кролику только смерть.

По коже расползся неприятный озноб, справиться с которым было почти не возможно. Сделав над собой усилие, и пару раз глубоко вдохнув, я обернулась... Да так и замерла с распахнутыми от страха и удивления глазами. Тихий стон, уже готовый сорваться с губ, напрочь застрял в лёгких.

Сложив рельефные руки на широкой груди и небрежно облокотившись о дверной косяк, на меня внимательно смотрел он – Анжело Валлара. Человек, которого три года назад повезло достать с Того Света в напрочь покореженном автомобиле. Прозрачный блеск мягкого, янтарного взора отдавал сталью жёсткой уверенности, словно нож, спрятанный в складках красивого платья или яд в кубке с медом.

Смирить чувства, хлынувшие бурным потоком в душу, оказалось не так-то просто. Впервые за три года я снова видела этот взгляд. Теперь он был совершенно другим: дерзким, надменным, немного злым, но... Продолжал оставаться все тем же, в глубине полыхая какой-то неуловимой нежностью... Или это лишь чудилось моему измученному таким долгим ожиданием разуму?

– Малышка? – мне едва удавалось унять биение сердца и сохранить голос ровным... Более или менее.

Он безразлично пожал плечами.

– Так ведь тебя зовут – Паола, – а потом вдруг мужчина снисходительно усмехнулся. – На моем языке.

– Слишком вольная трактовка перевода с латинского.

Слова застревали в горле, но я все равно почему-то вы-

прямилась и подняла голову, понимая однако, как безумно глупо смотрюсь, пойманная в чужом кабинете за непонятным занятием.

– Считаешь?

Мужчина вел себя подчёркнуто фамильярно, всем видом демонстрируя превосходство. Это немного злило, выбивая из равновесия ещё больше.

– Простите, синьор Валлара, я просто заблудилась в доме и похоже нарушила личное пространство.

Итальянец приподнял смольную бровь и усмехнулся, демонстрируя снисходительное удивление.

– Знаешь, кто я?

Мой растерянный взгляд, блуждающий по пуговицам его белоснежной рубашки, поднялся к янтарным глазам и с изумлением обнаружил в них едва заметный отблеск мучительной, болезненной надежды, лишь на миг вспыхнувший где-то на самом дне. Мысли окончательно спутались. Что можно было сказать ему сейчас? Ведь скорее всего он совсем не запомнил меня. В том состоянии мы оба с трудом фокусировали сознание. Как же теперь начать разговор?

«Я – та, которая попыталась спасти тебе жизнь после обстрела... Та, что молилась за тебя каждый день своей длинной, одинокой, безрадостной жизни... Та что мечтала повторно попасть в страшную аварию, лишь бы снова увидеть твой взгляд...»

Как облечь в слова такую острую, мучительную боль,

пронзающую грудь каждый раз, когда рука тянулась к телефону, чтобы набрать номер юго-западной больницы L. А.? Что сказать человеку, сохранность жизни которого стала для меня просто навязчивой идеей? Мне никогда не было нужно личное присутствие в его судьбе. Я не считала себя в праве чего-то требовать, винить или настаивать... Но знать, что он все еще смотрит своим колдовским, янтарным взором на этот мир... Еще дышит, чувствует, слышит... Печалится, злится или радуется где-то там, в своем собственном, никак не связанном со мной, будущем... Это было необходимо, как воздух.

А теперь... Мои желания исполнились, молитвы были услышаны, даже окупилась с лихвой. Я стояла с ним рядом, на расстоянии вытянутой руки и как будто в другом измерении одновременно. Нас разделяла всего пара метров, но при этом целая жизнь.

Валлара коротко провел верхним рядом зубов по нижней губе и опустил свой невероятный, завораживающий и пугающий одновременно взгляд в пол, встряхнув смольной головой, как недовольный жеребец гривой.

– Ты совсем не изменилась за три года, – тихий рокот велюрового голоса вызывал трепетную дрожь, расплзающуюся по позвоночнику дрожью, а по коже мурашками.

К страху мигом добавилось волнение. Он помнит! Помнит мое лицо, знает, кто я такая и... Возможно... Даже рад встретить меня вновь?

Судорожно вздохнув, я собрала все оставшиеся силы в кулак, с опаской поднимая взгляд. Он сосредоточенно изучал носки своих лакированных туфель. От напряжения высокой фигуры, казавшейся каменной глыбой в сравнении с моей собственной, в воздухе четко ощущалось приближение грозы, словно в любой момент тишину мог расколоть оглушительный раскат грома. Высокие скулы на грубом, латинском лице выступили ещё чётче, придавая ему сходство с работами античных скульпторов.

– Так странно, что ты запомнил меня.

Мой тихий лепет звучал в извинительном тоне и вовсе не был призван обидеть его. Валлара однако саркастически, горько усмехнулся, поднимая злой, темный, полный неприязненного разочарования взор.

– Я узнаю тебя из тысячи... В крошечной тьме.

Сердце замерло, отказываясь продолжать поддерживать жизнь в хрупком теле. Дыхание сбилось, ограничившись рваным, судорожным вздохом.

– Мне казалось, что ты не...

Широкая ладонь взметнулась в воздух, призывая к молчанию. Он по-прежнему избегал смотреть в глаза, сжимая челюсти до скрежета зубов.

– Ты тогда не позвонила. Не пришла. Просто, – он повел ладонью в пространстве, описывая неясный пируэт, – растворилась в воздухе.

Состояние вмиг изменилось, заполняя грудь жаром облег-

чения в понимании его поведения. Он обижен! Как и мне, возможно Валлара хотелось встретиться снова. Может быть чувства, роящиеся в самом центре моего существа, с того самого дня, знакомы отчасти и ему?

Слезы покатались по щекам будто против воли. Я сделала пару шагов в его сторону и вновь замерла в нерешительности. Хотелось обнять Анжело, прижаться к широкой груди, почувствовать запах чуть смуглой кожи, резко контрастировавшей с совершенной белизной рубашки... Хотелось...

– Я боялась, – неожиданное признание как-то сразу разрядило обстановку, принося облегчение нам обоим. – Боялась, что ты не выжил. Не хотела знать, что тебя больше нет... Рядом.

Мне никак не удавалось заставить себя посмотреть на него. Такие простые, естественные... Обычные чувства теперь казались чуть ли не постыдными. За долгие годы я постепенно научилась жить с этой тоской внутри, даже нашла способ дать ей выход, заказывая заздравную службу в любой церкви города, куда заносила весьма специфическая работа. Но теперь...

Валлара легко преодолел расстояние, разделявшее нас, и, взяв двумя пальцами за подбородок, потянул мою голову вверх, вынуждая поднять взгляд. Я ожидала увидеть что угодно в янтарном блеске его колдовских глаз: одобрение, расположение, понимание... Но в них горела ярким пламенем страсть, согреваемая болью, виной, или даже отчаянием

– дикая смесь совершенно не сочетающихся эмоций. Глубокое, прерывистое дыхание Анжело покидало грудь с шумом, а пальцы вцепились в кожу настолько, что причиняли боль.

– Ты такая трусиха, малышка.

Пылающий взор опустился от глаз к губам и замер, не желая отрываться. Мы стояли так близко, что я легко ощущала напряжение, быстро растекающееся по его крупному телу, натягивая каждую мышцу. Этот мужчина был огнем, чистым гудящим пламенем, которое не умело согреть, а могло только сжечь, оставляя лишь горку пепла. Я инстинктивно отшатнулась назад и тут же крепкая ладонь легла на спину, предупреждая бегство, а темный взгляд вспыхнул закипающей решимостью, словно мои сомнения заводили его ещё больше. Каждой клеткой, немеющего то ли от страха, то ли от влечения тела, я ощутила необходимость к действию.

– Побежишь, и я поймаю, – мгновенно понял мое намерение неаполитанец, а низкий голос потерял бархатный оттенок, просел, посуровел и стал жёстким.

И все же Анжело медлил, то ли давая возможность выбора, то ли упиваясь собственной властью. Рассудив, что глупо противиться неизбежному, я привстала на носочки и приникла к мягким, горячим губам итальянца. Валлара сразу перехватил инициативу, запуская цепкие пальцы в аккуратно уложенные кудри на затылке.

– Не завязывай волосы, – тихо, вкрадчиво прорычал бандит и, рывком выдернув красивый, серебряный гребень из

подпорченной прически, с раздражением бросил заколку на письменный стол. – Мне не нравится.

Возражения утонули в жарком, сладком, жадном, глубоком поцелуе, напрочь лишая возможности мыслить здраво. Стало до края души плевать на все доводы логики, нормы морали и постулаты поведения в цивилизованном обществе. Остался лишь чистый, гудящий огонь его тела, растекающийся по венам, сковывающий мышцы волной напряжения, заставляющий прогнуться, повинувшись властным рукам, казалось стремящимся задушить меня в крепких объятьях.

Открытые ладони медленно, с нажимом спустились по спине, обогнули рельеф немного ниже поясницы и крепко, по собственнически, вжались цепкими пальцами в напряжённые мышцы. «Ты моя» – кричало каждое его движение, каждый шумный вздох, каждый нетерпеливый, жадный поцелуй.

Я в панике вцепилась в белоснежную рубашку у самого плеча итальянца, но желание вырваться из сильных рук таяло на глазах, уступая место совсем другим порывам. Валлара прислонил меня спиной к стене и плотно прижал к шершавой, холодной кладке, каменным от напряжения телом, недвусмысленно иллюстрирующим возбуждение. Сильные руки продолжали нескромно, с наслаждением оглаживать изгибы изящного, в соотношении с ним самим, тела, опускаясь все ниже. Когда длинные пальцы зацепили подол лёгкого платья, зажимая его в кулаке и плотно натягивая

ткань, я истерично рванулась из стальных объятий, прерывая такие жаркие, такие сладкие, такие... Желанные ласки.

– Чего испугалась, сладкая?

Чуть хриплый рокот велюрового баритона обжигал шумным дыханием кожу. Анжело коснулся моей щеки тыльной стороной ладони и, не отрывая пылающего, темного взгляда, соскользнул к вспухшим губам, побуждая шире разомкнуть их. Понимая, что теряю контроль над собой и ситуацией, я повела головой в сторону, уклоняясь от ласки, и аккуратно надавила на широкое плечо, давая понять, что хочу освободиться.

Реакции не последовало. Мой немного возмущенный, непонимающий взор поднялся к янтарным глазам, и сердце снова пропустило удар. Приподняв бровь, он надменно усмеялся, наблюдая за мной.

– Думала, что все твои прихоти станут выполняться по щелчку пальцев? – прозрачный взгляд наполнился озорным блеском самодовольного удовлетворения.

– В цивилизованном обществе...

Валлара коротко рассмеялся и отпустил подол платья, вновь возвращаясь ладонью у бедра.

– Это Неаполь, малышка. Тут действует только один закон – право сильного.

Обида вытеснила из груди трепет физического влечения, проясняя мысли.

– Отпустите меня, синьор Валлара. Пожалуйста.

– Нет.

Он все шире улыбался, принимая происходящее за игру. Учитывая размеры и силу оппонента, мне ничего было ему противопоставить, кроме слов, разумеется.

– Интересно, что скажет невеста, узнав о подобном поведении своего жениха?

Янтарный взор вмиг утратил озорной блеск, стал злым, жестким, темным. Цепкие пальцы сомкнулись на моей шее, лишая возможности двигаться, не получилось бы даже опустить голову. Анжело медленно склонился к губам и вкрадчиво произнес едва не касаясь их:

– В этом доме абсолютно все подчиняется мне. Никто не откроет рта без моего разрешения.

Я судорожно вздохнула, тщетно пытаюсь смирить страх, подступающий комом к горлу. Пальцы скребли по холодной кладке стены в неосознанном поиске точки опоры. Сердце гулко стучало в ушах, оглушая, развеивая мысли.

– Все начнется и кончится только тогда, когда я захочу. Поняла?

Анжело рассерженно развел руки в стороны, выпуская меня, а потом отвернулся, резкими движениями достал зажигалку и начал крутить ее в пальцах, будто в попытке успокоиться. С мягких, чувственных губ синьора сорвалось короткое емкое ругательство на итальянском, прорываясь через плотно сомкнутые зубы

Атмосфера сладостной близости, принадлежавшей лишь

нам двоим, разбилась вдребезги, безжалостно возвращая в неумолимую действительность. Мы чужие люди, из разных миров, у каждого своя, собственная жизнь и ничего общего между нами нет... Кроме расстрелянной машины и лужи запекшейся крови под приоткрытой дверцей.

Валлара обернулся. На широкой шее, под воротом растегнутой на две верхние пуговицы рубашки, блеснула жёлтым тонкая, золотая цепочка. Синьор резко вытянул руку вперёд и больно сжал моё запястье цепкими пальцами.

– Пошли, малышка. Я вас познакомлю.

Неаполитанец бесцеремонно потащил меня за собой по бесконечным переходам коридоров на улицу. Свет множества лазерных прожекторов чувствительно ударил по глазам, когда мы миновали открытые, входные двери, очутившись на крыльце парадного входа. Воздух сразу наполнился множеством звуков, запахов, цветов. Шумная толпа бесвязно плясала под открытым небом, внимая зажигательным ритмам какой-то популярной музыки. На небольшой, летней сцене коротко подпрыгивал в такт ударным, диск жокей, размахивая руками. Веселящаяся молодежь подбадривала его криками, поднимая ладошки к подсвеченным замысловатыми узорами облакам. Атмосфера всеобщей радости подогрела воздух вокруг, создавая налет легкомысленной беззаботности.

В удалении от танцпола восседали степенные синьоры, почтительного возраста и презентабельного вида.

Анжело несколько секунд искал кого-то глазами, а затем призывно вытянул руку вверх, привлекая внимание. Скоро к нам подошёл улыбающийся Лучо с высоким бокалом чего-то алкогольного.

– А я искал тебя, Паолита.

– Приведи Джулию, – скорее приказал, чем попросил его брат.

Лицо младшего Валлара поменяло выражение, выдавая смущённое непонимание. Меня осенила догадка, объясняющая недавнее, странное поведение юноши.

– Постой... – я развернулась к Анжело. – Ты знал!

Он одобрительно усмехнулся и чуть наклонил голову в бок, демонстрируя грубые, черты смуглого лица.

– Мне прислали досье, и я сразу узнал тебя. Убедился наверняка, когда ты разревелась при виде машины.

– Это тебе звонил Лучо? – моя рука взметнулась в направлении чуть сконфуженного парня, указывая на него. – Ну конечно! Ты и сказал ему – кто я. А машина? Ее подали специально, чтобы проверить?

– Догадливая малышка, – усмешка мягких, чувственных губ стала шире, – с тобой не будет просто. Прости поведение моего брата, он молод, я много позволяю ему, потому что люблю.

– погоди, – я пыталась не дать разговору уйти в другое русло, игнорируя мягкий бархат его вкрадчивого, но при этом покровительственного баритона. – А в комнате? Тоже

был ты?

Прозрачный блеск лучистых глаз стал темным. Валлара приложил большой палец к губам, соскальзывая по моей фигуре нескромным взглядом.

– Не понимаю о чем ты.

– Прекрасно понимаешь!

Янтарный взор потемнел и наполнился яркими сполохами злости. Анжело вскинул ладонь вверх, призывая к молчанию. Лучо почти напугано бросился исполнять поручение, с облегчением избавляясь от пристального внимания к своей персоне.

Крепкая рука синьора Валлара продолжала сжимать мое запястье, когда от веселящейся толпы отделилась та самая, идеальная брюнетка. Встретившись взглядом с женихом, она сразу погрузилась. Милое личико приобрело выражение высокомерного пренебрежения, когда томный взгляд больших, карих глаз скользнул по мне.

– Джулия, это Паола Блэк, – спокойно произнес Анжело, стоило девушке приблизиться лёгкой уверенной походкой, в сопровождении Лучо.

Я кивнула ей, стараясь незаметно высвободиться из цепких пальцев именинника. Со стороны казалось, что глупая, скорее всего ещё и пьяная гостя суетливо ёрзает на месте, не зная, как реагировать на невесту. Девушка медленно, с кошачьей грацией, подошла к нам и положила узкую ладошку, увенчанную бриллиантом нечеловеческой величины и стои-

мости, на широкую грудь жениха. Валлара склонил к ней голову, прикрывая глаза, словно блестяще исполняя свою партию показательного выступления, но моего запястья так и не выпустил.

– Приятно познакомиться, мисс Джулия. Ещё раз с праздником, синьор Валлара. Вынуждена вас оставить, – в голосе прозвучала почти мольба, ведь изменить ситуацию другим способом у меня никак не получалось.

Цепкие пальцы медленно, по одному разжались. Я тут же сделала несколько больших шагов в сторону, как перепуганная жертва, выпущенная из лап хищника.

– Лучо, проводи синьорину к гостям, – низко пророкотал Анжело, не отрывая горящего взгляда от невесты.

Паренёк несомненно смутился, поскольку бросил умоляющий взгляд на брата, которого положение вещей казалось уже ничуть не трогало. Увлеченным, горящим взглядом именинник исследовал полуоткрытые губы невесты, не смевшей поднять глаз.

– Я провожу, – послышался такой же бархатный баритон прямо за моей спиной. Анжело сразу отвлекся от своей прекрасной возлюбленной, явственно иллюстрируя, как поведением, так и выражением грубого лица крайнее раздражение. – Ведь со мной синьорина Блэк ещё не знакома.

Валенсио

Обернувшись, я увидела второго по возрасту синьора Валлара. Сомнений в том, что стоящий передо мной мужчина приходится двум предыдущим родственником, не было никаких: такой же янтарный взгляд, та же крепкая, высокая фигура... Сыновья определенно являли собой копию их отца...

Стоп! Жозефе Валлара умер три года назад в злосчастном автомобиле! Я лично видела его труп, он выпал прямо мне на руки... Значит друг Эмиля больше не может просить его о помощи. Тогда почему я здесь?

– Позвольте представиться. Валенсио. Младший брат того остолопа, что так бесцеремонно тратит ваше время, синьорина Паола.

Он был единственным из трёх сыновей, кто не называл меня с первого мгновения Паолитой или попросту малышкой. При этом относился вежливо, смотрел заинтересованно, а манерами являл скучающее пренебрежение к происходящему.

– Что ж, Валенсио. Очень любезно с вашей стороны.

Я протянула ладонь, и средний Валлара аккуратно принял ее, бережно сжимая своей крупной рукой. Затем синьор повел меня в толпу веселящихся гостей, под грозный, неодобрительный взгляд именинника.

– Мой брат, похоже, был не слишком вежлив с вами, –

сверкая белозубой улыбкой осведомился спутник.

– Думаю, что он не хотел ничего дурного, просто такова привычная для него манера общения.

Валенсио саркастически усмехнулся, протягивая мне высокий бокал с искрящимся в свете многочисленных огней шампанским.

– Не обижайтесь на него, синьорина Паола. Этот парень – молоток, а молоткам все вокруг кажется гвоздями.

Я улыбнулась и уже собиралась пригубить вино, как спутник чуть приподнял свой фужер, вновь обращаясь ко мне.

– Позвольте тост?

– Слушаю.

– За вас, самая красивая роза на этом празднике, – он без сомнения стремился произвести на меня впечатление и у него это превосходно получалось.

Благосклонно кивнув, я вытянула руку вперед, намереваясь продемонстрировать, что поддерживаю комплимент. Валенсио тут же скрестил наши бокалы, предлагая пить на Брудершафт. Показывать смятения не хотелось, потому я непридуманно осушила свой и опустила его на столик неподалеку.

Стоило вновь развернуться к спутнику, как мягкие, чувственные губы легко завладели моими. Поток сладких, медленных поцелуев увлекал в полные неги и ласки глубины, вынуждая самостоятельно проявлять инициативу. Не в силах сдерживаться под властью нарастающей истомы от жар-

кого трепета в животе, я поддалась жадным, чувственным, острым, восторженным ощущениям. Крепкие руки аккуратно легли на спину, будто спрашивая позволения, опустились на поясницу, замерли на секунду, и медленно соскользнули чуть ниже, смыкая наши, полыхающие напряжением тела.

Валенсио не давил, не принуждал, как Анжело. Он делал только то, о чем молило мое натянутое тугой струной тело, аккуратно касаясь лишь там, где позволяли определенного рода приличия. В груди начал подниматься ураган, растекаясь трепетной дрожью по венам, сворачиваясь в тугий узел удовольствия в животе, побуждая теснее прижаться к каменному рельефу внушительных размеров, свидетельствующему о его неподдельной заинтересованности.

С тихим, разочарованным вздохом прервав чувственные исследования, средний синьор Валлара отстранился и мягко заглянул в глаза.

– Прости, что давлю, но ты кружишь голову не хуже вина, детка. Я тону в этом дурмане и совсем не хочу быть спасённым, – неаполитанец демонстрировал возможность обращаться ко мне на «ты», сочетая ее с потоком комплиментов.

– Стоит ли нам так отчаянно торопить события, Валенсио?

Мой едва ли не встревоженный, удивленный взгляд не желал отпускать его темных, пылающих страстью глаз. Как такое вообще было возможно? Время моего пребывания на Вилла Эмануэлла не превышало и двенадцати часов, а коли-

чество поцелуев уже побило рекорды полугодовой давности, как по числу, так и по разнообразию участников. Странно, но угрызений совести я совсем не испытывала. Мне понравилось целоваться с обоими. Анжело больно сжимал своим поведением душу, заставляя отзываться те самые чувства, что три года подряд не имели названия и не поддавались логическому осмыслению. Они просто жили внутри и отказывались стираться со временем. Валенсио же являл своими манерами верх заинтересованной галантности, нежно ухаживая за понравившейся дамой на празднике.

– Нам? Что ж, синьорина, ты подарила мне крылья, – мягко улыбнулся средний Валлара и погладил меня по щеке.

Непонимание проступило по коже дрожью. Я наклонила голову в бок, изучая черты его грубоватого, латинского лица.

– Что за чертовщина творится в этом доме? Почему каждый из Валлара считает своим долгом поцеловать меня? Странная манера приветствия эксперта по древностям.

Надо было признать – от себя такой резкой реакции я так же не ожидала. Если порыв, связанный с Анжело, ещё можно было как-то оправдать трепетными чувствами, роившимися глубоко в душе, то Валенсио... Это был явный перебор. И не пила ведь. Но мне нравилось... Решительно все: его взгляд, мягкий, ненавязчивый напор, чувственность прикосновений. Средний Валлара определенно впечатлял не меньше старшего.

– Что поделать, нас с братьями всегда привлекало одно и

то же, – усмехнулся мой умелый кавалер, вновь опуская томный взгляд на губы, – и мы предпочитаем действия словам.

– Почему же тогда Джулия выходит за Анжело, а не за тебя?

Я ехидно улыбнулась, принимая из цепких пальцев второй бокал. Валенсио только безразлично пожал плечами, всем видом продемонстрировав отсутствие интереса к невесте брата.

– Не люблю пафосных дур.

– Не слишком изящное определение.

– Зато точное.

Желание продлевать двусмысленную ситуацию окончательно пропало. Отчасти это было обусловлено неуверенностью в мотивах столь стремительных ухаживаний. Я сделала шаг назад, высвобождаясь из крепких рук, и перевела бесцельно блуждающий взгляд на пёструю толпу веселящихся гостей. Причина перемены темы разговора нашлась мгновенно.

Неподалеку, расположившись лицом ко мне, беседовал с женщиной средних лет полыхающий ненавистью Анжело. Гость активно жестикулировал, увлеченно рассказывая нечто невероятно важное, по его собственному мнению. В это время горящий злостью, встревоженный взгляд хозяина не отрывался от среднего брата, желая очевидно, испепелить наглеца на месте. Высокая, статная фигура именинника натянулась, приобретая сходство с грацией леопарда перед

решающим броском. Старший Валлара напряжённо провел кончиком языка по сурово поджатой, нижней губе. Тяжелая ладонь резче положенного опустилась на плечо собеседника, и взбешенный синьор отослал поздравителя, намереваясь направиться к нам. Заметив реакцию брата, Валенсио ещё больше оживился, сжимая мою холодную ладошку в своих крупных руках.

– Потанцуешь со мной?

– Мне достаточно на сегодня. Лучше пойду спать.

Не хотелось принимать поспешных решений, поскольку происходящее следовало внимательно осмыслить и систематизировать.

– Давай провожу. Поначалу в доме трудно ориентироваться, – нежно улыбнулся заботливый ухажёр, не желая сдаваться без боя.

– Лучо проводит, а ты нужен мне. Сейчас.

К нам тяжелой, размашистой поступью приближался взбешенный Анжело, до побелевших костяшек сжимая крупные кулаки. На широких руках, сразу под закатанными на треть рукавами рубашки, проступили тугие вены.

– Это не может подождать до утра?

Валенсио нежно положил ладонь на мою поясницу. Горящий взор его старшего брата неприязненно проследил за непринуждённым движением и соскользнул в сторону. Анжело плотно сжал челюсти, от чего суровое, латинское лицо стало казаться чуть более грубым. С крупных, словно очер-

ченных по краю губ именинника сорвалось беззвучное, но несомненно емкое ругательство.

– Пойдем, Лучо, – я решительно прервала пререкания, не желая быть больше разменной монетой в их странной, двусмысленной партии.

Младший из господ Валлара шагнул в мою сторону, и тут же мягкие губы настойчивого ухажера коснулись виска, прямо над ухом.

– Хочу увидеть твою комнату... И постель.

Жаркая дрожь окатила плечи, сбивая дыхание. Чтоб их всех! Вот теперь и Валенсио присоединился к братьям в попытках залезть мне буквально под юбку. Хватит, господа Валлара. Достаточно для меня горячей итальянской крови на сегодня.

– В другой раз.

Я аккуратно похлопала своего неугомонного воздыхателя по плечу, ненавязчиво дистанцируясь. Проходя мимо Анже-ло, пальцы нечаянно коснулись крепких, широких ладоней хозяина вечера. Меж лопаток тут же хлынула ледяная дрожь то ли страха, то ли влечения, отзываясь болезненно острым спазмом в бедрах.

– Доброй ночи, – встревоженный взор быстро метнулся к суровому лицу старшего из братьев, чуть ли не в попытке извиниться за неуместную бестактность.

Именинник порывисто сжал мою ладонь. Долгий взгляд наполнился болью и надеждой, жаркой жадой безраздельного

обладания и нежной, трепетной заботой одновременно.

– Сладких снов, малышка, – едва слышно прошептал неаполитанец одними губами.

Цепкие пальцы медленно, словно нехотя разжались, освобождая меня. Синьор продолжал прожигать мою спину голодным, жадным взглядом, поворачивая голову так, чтобы не выпустить из виду. Я словно в испанском танце обходила его кругом, почти касаясь рукой крепкого, рельефного плеча. Казалось, что время замерло, вновь оставляя нас наедине друг с другом. Анжело часто, прерывисто дышал, выпуская короткие вздохи через открытые губы, а я захлебывалась биением собственного сердца. Секунда, и расстояние разорвалось, как тугая струна. Ощущение близости разлетелось осколками в воздухе, заставляя испуганно вздрогнуть от неожиданности. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы взять стянутое влечением тело под контроль и покинуть, наконец, именинника.

Лучо беззаботно болтал, всю дорогу до комнаты, потом панибратски обнял на прощание и ушел веселиться дальше. В полном смятении я осела на гладкий, горячий пол у шершавой, белой стены и закрыла голову руками. Что происходит в этом доме? Что происходит со мной? Узнавать себя получалось с трудом. Больше шести месяцев я не приближалась к мужчинам на расстояние вытянутой руки, не испытывая при этом особенного дискомфорта. Мое тело спокойно переносило отсутствие секса, не обнаруживая значительного

недовольства по этому поводу. Сегодня же, за один вечер, я умудрилась побывать в объятьях двоих, да ещё и братьев, каждый раз сгорая от желания и мечтая только о том, чтобы откровенные ласки не прекращались.

При воспоминаниях о произошедшем, тело сладко заныло, отзываясь короткими спазмами в низу живота. По вспухшим губам стекал трепетный жар при каждом новом выдохе. В надежде унять возбуждение, я положила ладонь на пол, между ног и сжала руку коленями, напрягая при этом бедра. Тихий, разочарованный стон сорвался с чувственных губ, довершая провалом попытку успокоиться.

«Ты факел, Паола. Чтобы он горел, его надо зажечь».

Похоже на Сардинии огня было слишком много. Но помимо зова тела, существовал ещё и разум, которым стоило воспользоваться, причем немедленно. Встряхнув головой, я вытеснила из сознания ощущения и эмоции, сосредоточившись на логическом анализе пережитого.

Анжело несомненно был рад меня встретить вновь и яростно ревновал к брату, даже не пытаясь скрывать своего недовольства. Вот только мотивы подобного поведения уловить удавалось лишь только отчасти. К тому же существовало еще одно огромное «но» – Джулия. Невесту Валлара демонстрировал прямо, охотно, открыто, как великое достижение. Это сводило с ума. Чего он тогда добивался от меня, если без памяти влюблен и собирался вскоре жениться?

С другой стороны – Валенсио, внимательный, горячий,

нежный, а главное совершенно свободный. Но и в этой бочке меда присутствовала ложка дегтя. Средний брат без сомнения стремился позлить старшего. Возможно было ему известно о привязанностях Анжело чуть больше, чем мне. Тогда уж немного гротескное поведение сразу обретало смысл. Вот только в этом случае я опять переходила из раздела объекта желания, в плоскость инструмента для достижения каких-то собственных, непонятных пока мне целей.

Романтика улетучивалась из взволнованной груди, оседая горечью разочарования. Оставался ещё один выход: использовать их обоих в своих собственных интересах. В конце концов, постучись я сегодня в спальню любого из Валлара, ни один не оставил бы дверь запертой. Подобные размышления поднимали самооценку и вселяли в душу уверенность в собственной неотразимости, такую неожиданно приятную, волнующую.

Рассудив, что разбираться во взаимоотношениях братьев друг с другом, да и со мной тоже, стоит на трезвую, во всех смыслах голову, я отправилась в душ. Голова немного прояснилась, возвращая в сознание долгожданное рассудительное равновесие. Дышать стало легче. Вечерняя жара, наконец, сменилась ночной прохладой, и с моря подул солончатый ветерок. Переоделась в пижаму и, усевшись на пороге балкона, я уставилась восторженным взглядом в ночное небо, полное ярких, мерцающих звёзд, для которых любое наше переживание было короче мгновения вечности.

Черный купол внезапно расцвел ярко-алыми цветами, потом послышался гулкий залп и все повторилось. Внизу стихла музыка. Над садом разнеслись одобрителъные возгласы и аплодисменты. А мне все представлялся мягкий, янтарный взор Анжело Валлара, неотрывно следящий за движением тени на перилах знакомого, маленького балкона.

Экспертиза

Моё утро началось ближе к обеду. Потянувшись в мягкой, удобной постели, я открыла глаза и вздрогнула, обнаружив в широком, потертом кресле прямо напротив кровати, спокойного, ухмыляющегося Анжело.

– Доброе утро, малышка, – он с жадностью изучал каждую черту моего лица, каждый изгиб тела, ловил тихие вздохи, старался зацепить взгляд, и этого синьору Валлара было несомненно мало.

– Не помню, чтобы приглашала тебя посмотреть на мою постель.

Издавательская ухмылка тронула его губы, отзываясь почти болезненным трепетом в животе.

– Решил опередить Валенсио.

– Послушай, Анжело...

Я поднялась на локтях намереваясь пресечь непристойные шутки и пояснить свое вчерашнее поведение. Хотелось еще задать ряд вопросов самому хозяину дома, но синьор предупреждающе поднял ладонь, призывая к молчанию.

– Эта комната раньше принадлежала нашей матери. Детьми мы часто прибегали сюда по утрам, чтобы поцеловать ее, или за утешением после ночных кошмаров.

Суровое лицо немного просветлело, приобретая более мягкое выражение. Прозрачный блеск янтарных глаз напол-

нился тихим, меланхоличным удовольствием от приятных воспоминаний.

– После ее смерти отец мог часами сидеть здесь, наблюдая пустую кровать. Тогда я не понимал его.

– А сейчас?

Сердце бешено рвалось из груди, заставляя задыхаться собственными чувствами, мучиться тягостным томлением и испытывать безграничную лёгкость одновременно. Неужели так и должно быть с людьми под горячим, южным солнцем Италии? Почему же хотелось плакать и смеяться одновременно?

– Мне близки его чувства, – тихо произнес Анжело, низким, хриплым голосом и шумно вздохнул, отводя полыхающий взор в сторону.

– А что же Джулия?

Я беспомощно наблюдала, как он поднимается и тяжёлой походкой направляется к двери. У самого выхода Валлара обернулся, через плечо, прожигая взглядом край моего покрывала, и медленно процедил через сомкнутые зубы:

– Увижу ещё раз с Валенсио рядом – убью. Так и знай.

Высокие, грубые скулы чётче выступили на точечном лице. Крупная фигура натянулась в немом раздражении. Резко дёрнув узорчатую ручку двери, гангстер пружинистой походкой взбешенного хищника покинул мою комнату.

Я шумно выдохнула и запустила пальцы в волосы, пытаюсь собрать мысли обратно в голову. Нужно поскорее выпол-

нить работу и убираться из этого дома к чертовой матери, поскольку понять странных братьев Валлара на трезвую, как впрочем и на пьяную голову, было просто не возможно.

К завтраку, на просторную террасу, выходящую в обширный, ухоженный сад, спустилась только Джулия.

– Доброе утро, синьорина Блэк.

Девушка выглядела простой и дружелюбной, совсем не так, как встречала меня накануне вечером. Это откровенно обескураживало. Ещё одна нестыковка в мою коробочку непонимания.

– Здравствуйте, синьора Валлара, – не зная ее подлинной фамилии, я почла за лучшее указать на причастность дружелюбной хозяйки к жителям поместья.

– Ох, уж это ещё рановато, – рассмеялась она, присоединяясь ко мне за завтраком.

– От чего же?

Безымянный палец девушки по-прежнему украшал невероятных размеров и цены бриллиант. К тому же, как бы неприятно мне не было вспоминать подобное, но Анжело ни разу не опроверг своего желания жениться на ней. Тогда откуда же вдруг подобный скептицизм?

– Мой жених – дон Валлара, очень неординарная личность, Вы верно заметили?

– Возможно, – я попыталась уклониться от скользкой темы и внимательного, испытующего взгляда Джулии, – он не постоянен в увлечениях?

– Что? – девушка горько, разочарованно засмеялась. – Ох нет. Если Анжело вобьет себе что-нибудь в голову, то идёт до конца, лишь бы получить желаемое. В том и проблема, синьорина.

Я сосредоточенно посмотрела на нее. Что же ты хочешь сказать мне, красотка? Уж не то ли, что хозяин жизни, непоколебимый синьор Валлара задумал заменить тебя мной? А может, все было совсем наоборот? Может это ты – пышногрудая красавица – итальянка заменяла ему меня все это время?

– Не очень понимаю Вас, простите.

Она вздрогнула, словно уже пожалела о сказанном, и отвела взгляд в сторону, старательно пытаясь наводящими вопросами поменять направление беседы. Я с неохотой переключила внимание на завтрак. Крепкий, горький колумбийский кофе был восхитителен, в очередной раз демонстрируя привычки хозяев поместья. Пожалуй, немногие из длинного списка, которые мне пришлось по душе.

Вскоре на террасе появился необычно серьезный и собранный Лучо.

– Доброе утро, Паола. Тебя уже ждут в большом кабинете. Готова?

– Только переоденусь и захвачу инструменты.

Для проведения детальной экспертизы требовалось внимание и настрой, потому я весьма скрупулёзно подходила к вопросу, продумывая каждую мелочь, включая одежду и

обувь. Ещё дома, в агентстве моя команда отобрала самые тонкие инструменты и точные, не искажающие поверхности линзы, поскольку важность оценки для Эмиля была очевидна и невооруженному глазу.

Плоские невысокие каблуки туфель стучали об каменные плиты пола, как подковы лошади о брусчатку площади. Массивная дверь отворилась, впуская меня в просторный, овальный кабинет. С левой стороны от входа расположился целый ряд простых, кожаных диванов. На них устроились братья Валлара в полном составе, исключая Лучо, что привел меня, а так же ещё несколько мужчин в возрасте от пятидесяти и старше. При моем появлении все они одновременно встали.

– Господа, – я приветственно наклонила голову и направилась к освещенному столу, на котором лежал небольшой черный футляр.

– Синьор Сфорца уверил нас в вашей компетентности, – произнес один из присутствующих: полноватый, лысый с цепким, острым взором. Анжело смерил его неприязненным взглядом и мужчина тут же замолчал, опустив глаза.

– Я могу озвучивать свои выводы в слух? – вопрос относился к старшему Валлара в большей мере, чем ко всем остальным.

Предводитель задумчиво кивнул, не отрывая от меня внимательного взгляда.

Внутри футляра оказался массивный перстень – печатка семнадцатого века с традиционным рыцарским гербом. Ве-

щица довольно дорогая, но исторической ценности не представляющая, поскольку у каждого богатого рода имелись подобные символы власти и часто не в единственном экземпляре.

Аккуратно счистив окись на самом краю, я обнаружила признаки сплава серебра с высоким содержанием меди и железа. Подобные выводы опять же не свидетельствовали в пользу большой стоимости артефакта. Очевидно, хозяин кольца был из разорившегося рода, что и толкнуло его на мухлеж с фамильными украшениями.

Характерные потёртости, крапины и глубокие царапины, покрытые окисью, однозначно свидетельствовали о длинной, полной приключений жизни предмета. Это говорило о его подлинности и отметало сомнения в недавнем происхождении.

Герб не вызывал удивления или подозрения. Традиционные львы, орлы и драконы – ничего необычного, но внимание привлек девиз: «Дальше предела».

– Испанский, – произнесла я скорее себе, чем присутствующим.

– Простите, что? – подал голос один из старших мужчин.

– Хозяин перстня когда-то прибыл из Испании. Они переселенцы.

В повисшей тишине компания обменялась взглядами, говорившими нечто вроде: «Да – именно это мы ожидали услышать».

– Он подлинный? – продолжал допрос седой представитель Каморра, проявлявший больше живого интереса, чем все остальные.

Я молчала, поскольку внимание было полностью поглощено странными рубцами на буквах девиза. Они выступали совсем не много, но делали надпись плохо читаемой, и скорее всего смазывали оттиск печати на сургуче. Такое для знатного рода было бы совершенно недопустимо. Аристократы стремились подчёркивать свое высокое происхождение при каждом удобном случае.

– Синьорина Блэк? – поторопил вопрошающий.

– Мне нужен солнечный свет, – я вскинула азартный, полный предвкушения скорого открытия взгляд на Анжело. – Проводите меня, синьор Валлара.

Остальные участники делегации вновь переглянулись. На этот раз немного обескураженно, словно мое обращение вызвало у них недоумение, граничащее с неприязнью. Старший из братьев однако невозмутимо поднялся и застыл у двери, предлагая следовать за ним на улицу.

Бесконечные коридоры сменяли один другой, постоянно пересекаясь. Мы шли молча, друг за другом на небольшом расстоянии.

– Что смутило этих людей в моей просьбе? – решила, наконец, нарушить молчание я.

Неаполитанец обернулся и замер, надменно взирая на ме-

ня с высоты собственного роста. Янтарный взор загорелся надменным удовольствием, словно причины немного забавляли синьора Валлара.

– Я – их глава, Полита. Семья подчиняется мне. У нас не принято, чтобы женщина обращалась к старшему мужчине в доме... – он замолчал, подбирая слово. – Панибратски. Это их удивляет.

– А как же тогда положено обращаться к тебе в соответствии со статусом? Дон Корлеоне?

Искренняя усмешка проскользнула по мягким губам итальянца, а прозрачный взор в миг наполнился озорным, издевательским блеском.

– Дон Валлара, если хочешь, но у нас так не говорят.

– И как говорят?

– Никак, ты вообще не должна обращаться ко мне. Твой уровень – Лучо.

– Ах вот оно что! Прости, но для меня странно подобное отношение, особенно со стороны человека, определенно стремящегося попасть в мою постель.

Я злобно смерила его неприязненным взглядом и когда поднялась к глазам, замерла в нерешительности. Озорной янтарный блеск потемнел, наполняясь горячими сполохами влечения. Анжело разомкнул губы и медленно положил ладони на ремень, заправляя большие пальцы за широкую кромку.

– Если бы все женщины, побывавшие в моей постели, об-

ращались ко мне на «ты», – мерный голос чуть подернулся хрипотцой, понижаясь до тихого, гортанного рыка. – Ни один из мужчин не стал бы меня уважать.

Щеки согрел румянец, который я предпочла скрыть за официальным тоном. Чтобы не выдать смущения пришлось покорно опустить глаза и спокойно, вкрадчиво произнести на выдохе, всеми силами стараясь сохранить невозмутимость голоса.

– Благодарю за разъяснения, впредь постараюсь не нарушать установленной субординации. Мне лучше обратиться за сопровождением к кому-то другому?

Анжело разочарованно цокнул языком и, буркнув нечто невнятное, отправился дальше по коридору. Совсем скоро мы оказались на небольшом балконе, кованые перила которого были густо увиты хмелем. На низком, плетёном столике у самого края, стояли чистые чашки и красивый, покрытый голубой персидской росписью кофейник. Рядом расположилось большое уличное кресло с пёстрыми, квадратными подушками. Удивляло то, что оно тут было одно, в то время, как чашек на подносе стояло несколько. Хозяин предпочитал пить кофе в одиночестве? Или стул посетителям не полагался по этикету?

На мой вопросительный взгляд Валлара просто пожал плечами, не пожелав давать пояснений. Смирившись с непониманием этого, в высшей степени странного семейства, я нашла нужный угол освещения, устроила там кресло и при-

ступила к дальнейшему осмотру перстня. Хозяин поместья оперся на перила, широко расставив ноги и закурил, не отрывая внимательного взгляда от меня.

– Ты сегодня официально одета, – он спокойно констатировал увиденное, продолжая свои исследования. – И волосы собраны. Мне не нравится, ты же знаешь.

– Здесь все делают только то, что нравится тебе? – серьезно спросила я, стараясь не отвлекаться.

– Кроме тебя, – как-то беззлобно ухмыльнулся неаполитанец.

– У меня скверный характер. Прости.

– Я заметил.

Анжело положил сигарету в пепельницу и подошёл к столу. Присев на корточки перед креслом, он чуть запрокинул голову вверх и с шумным выдохом стал пристально рассматривать мое лицо.

– Ты смущаешь меня своим вниманием. И отвлекаешь, – не перевести взгляда к лучистым, янтарным глазам синьора стоило больших усилий.

– Твое лицо.

– Что с ним не так?

– Я помню его в мельчайших деталях, – он подцепил непослушный локон и аккуратно заправил его за ухо. – В тот день ты велела не закрывать глаз, смотреть на тебя.

– Концентрация сознания мобилизует жизненные силы и не даёт сосудам расслабиться увеличивая кровотечение, –

мой взгляд переметнулся с предмета к неаполитанцу и конечно замер, утопая в янтарном море теплого, ласкающего блеска. – Я не хотела, чтобы ты умер.

– Знаю, малышка.

Он смотрел на мои губы, жадно, неотрывно. Дыхание невольно сбилось, поднимая волну трепетной дрожи по телу. Нас разделяли считанные сантиметры. Слова откровений уже готовы были покинуть грудь, сопровождаясь слезами непонимания. Нестерпимо хотелось спросить о чувствах, мыслях, планах. Узнать о положении чертовой Джулии... А быть может вообще не спрашивать ни о чем, просто самозабвенно целоваться, наплевав на весь окружающий мир. Валлара встряхнул головой, будто отметая наваждение, и резко встал, разрывая дистанцию.

– Что с кольцом.

Я ощутило вздрогнула. От холода официального тона его низкого голоса даже воздух на балконе потерял свое комфортное тепло, покрывая плечи мурашками мелкого озноба.

– Я готова дать заключение. Хочешь услышать сам?

– Да.

Он напряжённо выпрямился, по прежнему стоя ко мне спиной, и опустив руки в карманы брюк.

– Оно поддельное.

Синьор порывисто обернулся, темный взгляд засветился непониманием.

– Как я предполагаю: один из подчинённых богатого, вли-

ательного испанского рыцаря получил от сюзерена письмо, заверенное личной печатью. С нее и отлили в последствии оттиск, ставший основой для этого кольца. Возможно, вассал выдавал с помощью подделки себя за родственника господина, либо за его самого.

Грубоватое лицо неаполитанца приобрело сосредоточенное выражение. Он приложил пальцы к подбородку и в задумчивости, потирая ими аккуратную щетину, начал мерно расхаживать по балкону.

– Как давно?

– Не позднее семнадцатого века. Точное время может дать радиоуглеродный анализ.

– Значит его бывший владелец не рыцарь?

– Нет. Он скопировал печатку. Об этом говорят рубцы на буквах девиза, да и сам металл предмета довольно дешевый.

Прекратив свои метания, Анжело развернулся ко мне и протянул ладонь, предлагая вернуть кольцо ему. Я аккуратно положила перстень в широкую руку и отступила назад.

– Мне оформить заключение?

– Ни к чему, – синьор зажал перстень в кулаке и вновь внимательно посмотрел на меня. – Спасибо за помощь. Она важна.

– Если мои услуги больше не потребуются, то я бы хотела узнать...

Валлара прервал мою тираду, на ходу распорядившись через плечо.

– Обсудим чуть позже, сейчас я занят. Наслаждайся солнцем, сходи на пляж с Лучо. Чувствуй себя, как дома. Здесь все для тебя. Прислуга предупреждена.

Едва закончив фразу, он растворился в переплетении коридоров, а из боковой двери бесшумно появился лакей, жестами предлагая мне следовать за ним.

Странности семейства Валлара

Едва я попала в свою комнату, как в дверь постучали, и тут же, не дожидаясь разрешения, вошёл расстроенный Лу-
чо.

– Дай угадаю: тебя отправили нянчить гостью, покада остальные обсуждают насущные проблемы?

Парень заметно злился, переминаясь с ноги на ногу.

– В общем, так, – хотелось приободрить его, потому пришлось отказаться от провожатого. – Мне совсем не нужна компания для прогулок. Если уж возникнет такая необходимость, то позову Джулию. Можешь идти.

В янтарных глазах паренька вспыхнула благодарность.

– Ты, правда, так считаешь?

– Конечно. Давай же.

Дважды просить его не пришлось. Через минуту младшего Валлара и след простыл. Поразмыслив, я все же решила прогуляться до пляжа. Мужчины влиятельного семейства сейчас наверняка были заняты, и не стали бы докучать мне своим присутствием.

Наскоро собравшись и уложив множество нужных и не очень вещей в большую, плетёную сумку, я отправилась на поиски дороги к морю. Это оказалось совсем не просто. Встречная прислуга не понимала по-английски, а жесты помогали не достаточно. Я кажется, осведомилась о правиль-

ности выбранного направления у каждого второго, в манере американских туристов, путешествующих без знания языка автостопом. Старания, однако, не прошли даром, и скоро теннистая, мощеная дорожка рассыпалась мягкими волнами белого, теплого песка.

Небольшой, частный пляж был полностью оборудован для активного отдыха. Деревянные дорожки пересекали песок, упираясь в мощеные досками помосты. На гладком, импровизированном полу стояли широкие низкие лежанки, покрытые тонкими, белыми матрацами. Миниатюрные, коктейльные столики, несколько грубоватые и казалось вырезанные из цельного куска дерева, располагались на самом краю площадок, идеально дополняя респектабельный ансамбль. У кромки воды, на песке примостились несколько водных мотоциклов и моторная лодка.

Отмахнувшись от улыбающегося итальянца в широких, пляжных шортах, я устроилась под одним из навесов, намереваясь для начала осмотреться. Мужчина скоро вернулся с бокалом чего-то алкогольного, поставил его на столик передо мной и осведомился на своем о причинах прибытия... Наверное. Мне ничего другого не оставалось, как только вновь жестами объяснить ему, что он может быть свободен. Приходилось всем сердцем надеяться на то, что передо мной все же работник, а не очередной член влиятельной семьи, желающий завязать знакомство.

Наконец навязчивый итальянец покинул мое общество,

оставив созерцать прозрачную лазурь чуть зеленоватых волн. Очень хотелось искупаться, но осторожность побуждала внимательно оглядеться на предмет наличия братьев Валлара в зоне непосредственной близости. В этой странной компании, я определенно становилась параноиком. Убедившись однако в полном, абсолютном одиночестве, все же удалось уговорить себя хоть немного расслабиться, наслаждаясь покоем и роскошью, окружающими со всех сторон.

Прозрачная вода оказалась удивительно теплой. Соленые брызги, разлетающиеся при каждом движении во все стороны, сверкали на солнце, как драгоценные камни. В душе незаметно поселилось искренне, детское счастье. На какое-то время даже удалось забыть о причинах собственного недовольства, увлеченно исследуя морские глубины и гладкую поверхность, ласкающих вод. Пловец из меня выходил никудышный, зато шума и визга получалось достаточно. Мое поведение смущало того самого работника, что неотрывно, сосредоточенно взирал из кресла под большим, синим зонтом.

– Хватит резвиться, Паолита. Выходи, ты замёрзла.

Я подпрыгнула на месте, неуклюже оборачиваясь. На песке, раскрывая огромное, пушистое полотенце стоял обнаженный по пояс, довольный Валенсио. Добившись привлечения моего внимания, он насмешливо поманил пальцем, приглашая в свои объятия.

– Давай-давай, чего застыла.

Медленно перебирая ногами по мягкому песку, я выбралась из воды, подошла к нему и протянула руку к полотенцу. Средний Валлара сделал большой шаг вперед и обернул меня широким краем, заключая в крепкие объятия. Мою немую просьбу о сохранении дистанции синьор предпочел полностью проигнорировать. Мягкое, чуть сбивчивое дыхание неаполитанца зашелестело у самого уха, всколыхнув мелкие, влажные локоны на виске. Сильные руки, спустились по предплечьям до локтей, плотно прижимая беглянку к широкому, напряженному, рельефному торсу. Он был красив и смел, а ещё ласков и внимателен... Средний Валлара с обыденной непринужденностью напрочь игнорировал мое мнение, как впрочем и остальные члены этого влиятельного семейства.

– Хочешь, согрею, – хриловатый шепот стек по шее.

Поднимая волну мурашек, глубокое дыхание синьора скользнуло мелкой, трепетной дрожью по позвоночнику. Я встряхнула головой и легко высвободилась из сильных рук. Томный, янтарный взгляд собеседника вспыхнул неприязненным разочарованием.

– Давай на чистоту, Валенсио. Я не намеренна участвовать в ваших глупых забавах. Ты хочешь позлить старшего брата, перехватывая его игрушку в песочнице, и мне это совсем не нравится.

Прозрачный взор вмиг просветлел, став серьезным. Валлара опустил руки и заинтересованно усмехнулся.

– А ты умнее, чем кажешься на первый взгляд, малышка.

– Можно просьбу? – я старалась дышать размеренно, унимая тем самым взволнованный трепет в животе.

Синьор удовлетворенно усмехнулся, проводя ровным рядом белоснежных зубов по нижней губе.

– Конечно. Все, что хочешь, детка.

– Избавь меня от кличек, уменьшительно-ласкательных прозвищ и вольных трактовок моего имени. Пожалуйста.

Валлара приподнял бровь, демонстрируя уважительное удивление. Его забавляла моя реакция.

– Хочешь общения на равных?

– Насколько это уместно в сложившихся обстоятельствах.

Я внезапно осознала, что все же веду себя вызывающе по отношению к влиятельному человеку, который нанял меня на работу. Это было не вежливо и не свойственно покладистой натуре, но похоже солнце Италии зажигало даже самые несостоятельные факелы.

– Как пожелает синьорина, – янтарный взор сверкнул неподдельной заинтересованностью. – Хотя в нашем семействе так не принято.

– Почту за комплемент, – глаза пришлось спрятать, поскольку дискомфорт от проявления необходимой дерзости неприятно шелестел по коже мурашками.

– Так и есть.

Валенсио вытянул руку в сторону помоста, предлагая присесть. Я последовала за ним и опустилась на белоснежный

матрац, накинув на плечи полотенце.

– Выпьешь? – предложил хозяин, вежливо, дружелюбно улыбаясь.

– Кофе.

Синьор парой коротких, острых фраз перекинулся с женщиной под зонтом, и скоро тот поставил на столик перед нами кофейник, две чашки и запотевшую бутылку пива.

– Итак? Я слушаю.

Валенсио непринужденно отпил из бутылки, прижимая горлышко к мягким чувственным губам. Кадык на широкой шее качнулся, по темному гляncу стекла соскользнула небольшая, холодная капля, очерчивая край его длинного, изящного пальца. Я невольно сглотнула, пытаюсь унять взволнованную дрожь, стекающую по телу к бедрам. Заметив мой пристальный взгляд, Валлара хитро прищурился, наклонив голову в бок.

– Что?

– Да с чего ты вообще взял, что Анжело заинтересован во мне? С чего вы все это взяли? Ваш ненаглядный дон Валлара целует свою невесту с ног до головы. Каждому встречному демонстрирует немедленное желание жениться на ней. А со мной обращается соответственно статусу – как с обслуживающим персоналом.

– Ты ревнуешь, Паолита, – насмешливо протянул Валенсио, опуская бутылку.

От его плавного движения крупный серебряный браслет

скатился по загорелой, чуть смуглой руке и глухо звякнул о темное стекло.

– Я не понимаю.

Неожиданное признание вдруг принесло облегчение. Плечи опустились, а с губ сорвался невольный, удовлетворённый вздох.

– Чего?

– Откуда такой ажиотаж вокруг моей скромной персоны?

Валенсио хмыкнул, опуская взгляд себе под ноги. Казалось, что именно сейчас он живой и настоящий. Не грозный участник мафиозной семьи, а просто человек, со своими переживаниями и слабостями.

– Ты действительно многого не знаешь, Паолита. Анжело у нас первенец, любимец отца, каменная скала, закрывающая гавань семьи Валлара от бурь и штормов, – горькая усмешка, с едва скрываемым разочарованием искривила чувственные губы неаполитанца. – Между долгом и эмоциями у него выбора не бывает, он всегда прав и единственное верное мнение – его собственное.

– Смотрю, с политикой партии ты не согласен?

Валенсио вскинул жёсткий, надменный взгляд, с вызовом всматриваясь в меня.

– Он застыл в суждениях. Не хочет и слышать о чем-то новом. Его стремление всеми и вся управлять при помощи грубой силы не сулит семье ничего хорошего.

– Тем не менее, уже три года Анжело руководит делами.

Пока что, как погляжу, корабль Валлара ко дну не отправился?

– О да! Главный аргумент всех приспешников отца. А ещё эта неподкупная принципиальность... Папочкина кровь.

– Ты считаешь, что нужно быть хитрее?

Валенсио посмотрел на меня так, словно видел впервые.

– Точно. Будь он лояльнее, податливей, менее... Щепетильным, мы уже давно бы заняли место главенствующего клана в Неаполе, – синьор неприязненно тряхнул головой. – Но Анжело не такой. Белый рыцарь без страха и упрёка.

Последовала ёмкая, произнесенная с выражением фраза на итальянском. Дословного перевода я не знала, но суть была ясна и так, по выражению строгого лица собеседника.

– А тут ещё эта... Джулия.

– С ней тоже что-то не так? – скрыть оживлённое возбуждение стало сложно, но похоже мне удалось сохранить налет вежливой заинтересованности.

– Дочь одного сицилийского дона. Очень влиятельного.

– Ах вот оно что. Выгодная партия?

– Этот брак ещё больше укрепит наше положение и открывает двери в некоторые круги...

Похоже, я начинала медленно понимать происходящее. Преданный отцовскому делу Анжело намерен был заключить выгодный политический союз с влиятельным семейством. Он ни за что не позволил бы глупой привязанности к простолюдинке поставить под угрозу честь блистательной

семьи Валлара. Но и противиться эмоциям синьору оказалось сложнее, чем ожидалось изначально.

Для меня однако подобные выводы не сулили ничего положительного. Во-первых мы с ним ещё сами не понимали природы взаимной симпатии. Она могла оказаться простой благодарностью, или даже скорее легкой степенью одержимости... Хотя может уже и не легкой... Да чем угодно. Жертвовать перспективами ради такого сомнительного варианта было бы в высшей степени глупо и недальновидно со стороны такого стратега, как Анжело.

– Так отбей царственную невесту и возглавь сицилийскую семью после кончины ее отца.

Неаполитанец иронично усмехнулся, изучая меня мягким янтарным взглядом.

– У нее шестеро старших братьев.

– Тогда брось все. Завоюй собственную славу мечом.

– Как всегда поступали вторые сыновья богатых рыцарских родов?

Я посмотрела на собеседника с нескрываемым уважением. Понять такой специфический юмор историка мог только умный, образованный человек. Валенсио поднял руку, желая убрать мой выбившийся локон за ухо, но замер у самой щеки, не решаясь коснуться.

– Что с вами, синьор Валлара? Вы медлите?

– Знаешь, Паолита, – он сжал ладонь в кулак и отвел ее от моего лица. – Я пожалуй понимаю своего брата. Ты и впрямь

удивительная.

– Теперь будешь спрашивать позволения? – рассмеялась я, что как-то сразу разрядило обстановку.

Синьор опустил взгляд, на миг сверкнувший некоторым смущением, а потом поднял его вновь, сосредоточенно заглядывая в глаза.

– Пожалуй. А ты позволишь?

– Мне кажется, я определила вашу семейную черту.

– Правда? И в чем же она? Ну помимо цвета глаз, – он улынулся открыто и по доброму.

– Вы все невероятно давите и очень торопитесь.

Валенсио запрокинул голову, запуская пальцы в короткие, смольные кудри.

– В Неаполе – год за три. Мы спешим жить.

Я поднялась, зацепила свою сумку и протянула спутнику мокрое полотенце.

– Пойду. Достаточно с меня солнца на сегодня.

Валлара легко поднялся, откидывая махровую ткань на лежанку.

– Давай провожу, без знания итальянского, одна – мигом заблудишься. Вилла огромна.

– Ты же обещал, что станешь спрашивать разрешения.

Валенсио невозмутимо пожал плечами, загадочно усмеялся.

– Так я и спрашиваю. Разве нет?

– Ну... Хорошо. Проводи.

Мы шли по тенистой дорожке, непринужденно беседуя. Синьор объяснял суть расхожих выражений, повторяя их вслух по слогам для меня. Я смеялась над собственными попытками выговаривать певучие, страстные, полные южного солнца, итальянские слова. У самого дома, навстречу нам вышел хмурый, что грозовая туча, Анжело. За братом с виноватым видом семенил Лучо, поминутно бросая на обоих родственников встревоженные взгляды.

Старший Валлара обратился к среднему на итальянском. Тот ответил, стойко выдерживая жесткий, взбешенный взгляд. Слово за слово, завязалась перепалка. Низкий рокот разъяренного голоса Анжело перемежался со все набирающим обороты баритоном Валенсио. Скоро средний уже откровенно кричал на старшего, который стоял, напряжённо выпрямив спину, сложив крупные, рельефные руки на груди и широко расставив ноги. Встревоженный Лучо перевел взор на меня, словно умоляя прекратить их спор, пока все не зашло слишком далеко. Цепкие пальцы Валенсио порывисто сомкнулись на белоснежном вороте рубашки главы клана и терпение Анжело лопнуло.

Двумя резкими движениями он сбросил руки брата, перехватил на запястьях и, двигаясь быстро, четко, почти неуловимо, завернул их за спину. Противник был вынужден наклониться вперед, злобно, сдавленно выругавшись. Тускло сверкнуло дуло пистолета, приставленное к смольному виску Валенсио. Анжело низко, вкрадчиво, медленно зашипел

на итальянском, упоминая мое имя. Брат горько усмехнулся, всем телом предпринимая бесплодные попытки высвободиться, и размеренно проговорил что-то в ответ. Из всего произнесенного я поняла лишь одно слово: «Джулия».

Янтарный взор лидера клана сильнее потемнел, грубые скулы чётче выступили на латинском лице, явственно выражая закипающую ярость. Щёлкнул предохранитель и ситуация начала приобретать размеры безвыходной. Я отчётливо поняла, что просто обязана вмешаться.

Анжело

Понимая, что должна немедленно предпринять решительные меры, я не нашла ничего более умного, чем громко вскрикнуть и упасть в фальшивый обморок. Это подействовало: все три брата вмиг затихли и через секунду бросились ко мне. Едва приоткрыв глаза, мне удалось разглядеть из-под опущенных ресниц, как Анжело смерил полным бешенства взглядом сначала Валенсио, а потом и Лучо. Оба брата опустили руки и отступили на второй план, пропуская его к бездыханному телу эксперта по древностям.

Крепкие руки синьора Валлара аккуратно, словно великую ценность, подняли меня с земли. Мягкие, горячие губы коснулись виска, нашептывая низким взволнованным голосом что-то на родном ему итальянском. Быстрое, гулкое сердце рвалось из груди, а глубокое, порывистое дыхание обжигало кожу у самого края волос. Переведя дух за пару секунд, неаполитанец бережно понес меня в направлении дома. На ходу синьор отдавал короткие, четкие указания, приводящие все вокруг в движение, словно ключ завода сложный механизм часов.

– Паолита, малышка моя, – тихо выдохнул Анжело у самого уха и аккуратно поцеловал бьющуюся на виске, тонкую венку.

– Со мной все хорошо. Не волнуйся.

Я повернула голову в его сторону и едва не коснулась мягких, чувственных губ. От этого кожа сразу покрылась мурашками, а по телу стек короткий, напряжённый спазм удовольствия. Неаполитанец только крепче сжал оковы объятий, шумно, облегчённо выдыхая.

– Что ты устроила?

– А как иначе было прекратить ваш спор?

Прозрачный огонь янтарных глаз быстро потемнел, наполняясь злостью и раздражением. Цепкие пальцы впились в кожу, причиняя ощутимую боль.

– За Валенсио испугалась?

Я не смогла отказать себе в удовольствии наблюдать яркое пламя ревности, разом вскипевшее в горячей крови молодого синьора Валлара.

– А если и так, то что? Он ведь ещё не обручен?

Резкие движения сразу выдали праведный гнев итальянца. Казалось, что каждая мышца в его крупном теле натянулась до каменной жёсткости, проступая под смуглой кожей. Низко наклонив голову, он медленно процедил сквозь плотно сомкнутые зубы, у самого уха.

– Не смей злить меня, Паола.

– И что же мне может грозить? – язвительно усмехнулась я.

Но встретив мстительный, высокомерный взгляд итальянца тут же как-то сникла, притихнув в крепких руках, словно птичка в силках.

– Продолжай в том же духе и скоро увидишь, – злобно прорычал синьор, легко заворачивая, через дверной проем в мою спальню.

Вслед за Анжелло, бесшумно ступая, вошёл седой, но подтянутый, высокий и красивый мужчина с большим, кожаным саквояжем.

– Ей уже лучше, Антонио.

Валлара резко отдернул руки, с силой швырнув меня в самый центр кровати. Затем раздражённо отвернулся, обращаясь по-итальянски к вошедшему. Распоряжения, отданные мужчине, скорее носили ультимативный характер, потому вползали в душу неприятными предчувствиями. Почему-то веселость, вызванная приливом его горячей, очевидной ревности, легко улетучилась уступая место разочарованию. Захотелось, чтобы синьор остался со мной... Для чего только? Наверное я должна была извиниться перед ним за свое поведение, поскольку очевидного он замечать не хотел. Ведь далеко не Валенсио заставлял сердце восторженно биться от странных, но сладостных ощущений, туго сворачивающихся в животе при воспоминаниях о суровом взгляде янтарных глаз.

Но синьор Валлара моих мыслей не знал. Он покинул комнату резкой, легкой поступью, демонстрирующей кипящую злость, не попрощавшись и даже не обернувшись у двери. Его высокая фигура, словно натянутая струна что вот-вот может лопнуть, выдавала быстрыми, четкими движениями

попытки скрыть истинное состояние.

Незнакомый мужчина, оставшийся рядом, проводил хозяйина сосредоточенным взглядом и неуверенно присел на край кровати, привлекая к себе внимание.

– Мое имя Антонио Фоскарелли. Я – семейный врач этого дома. Что вас беспокоит?

Беспокоило меня многое, в особенности собственная странная реакция на пренебрежение сиятельного синьора Валлара. За время пребывания в компании этого гангстера я просто перестала понимать и происходящее, и себя вместе с ним. Обида подступала истерикой, а присутствие доктора совершенно не способствовало самоконтролю.

– Вам лучше уйти, – слова едва слышно срывались с губ в тщетных попытках сдержать слезы. – Пожалуйста.

– Вы позволите осмотреть вас? Обморок может оказаться последствием серьезного заболевания, – продолжал упорствовать врач, показательно не замечая моей неприязни.

– Мне нужно побыть одной!

Звонкий крик быстро сорвался на плач. Не хотелось демонстрировать эмоции постороннему человеку, но поделаться с собой я ничего не могла. Да что же не так?

Почему на меня смотрят, как на пустое место или предмет мебели? Даже тот, кто по факту не должен. Порывисто всхлипнув, я натянула одеяло до самой макушки и отвернулась от врача, демонстрируя нежелание общаться дальше.

– Хорошо, – терпеливо согласился Антонио и, подняв-

шись, направился к своей сумке. – Приготовлю вам седативные капли. Они помогут поспать и вернут душевное равновесие... На какое-то время.

Доктор будто сочувствовал мне, разделяя нелестное мнение о критической сложности общения с мужчинами семейства Валлара, особенно всеми сразу. Словно пытался выразить солидарность моим тягостным чувствам, обречённо вздыхая при каждом слове.

Понимая, что просто так врач не отвяжется, все же пришлось покориться и принять неприятную настойку, запив капли холодной водой. Скоро голова потяжелела, веки закрылись и сознание провалилось в глубокий сон.

Прошла, наверное, пара часов. Открыв глаза, я обнаружила за окном яркие, блестящие, стальные звёзды на прозрачном, высоком небосводе. Теплая, южная ночь властвовала над большим садом и окрестностями. Густой воздух полнился миллионами разных запахов, звуков, движений. В душе снова неприятно зашевелилось смятение.

Для чего мне здесь оставаться? Продолжать злить братьев Валлара? Они нравились мне... Оба. Валенсио в последнем разговоре проявил себя живым, настоящим, без пафоса и наносного внимания, это подкупало. Анжело... Его я скорее всего просто идеализировала. Хотела наделить встреченный три года назад образ теми качествами, которые казались мне особенно привлекательными в мужчинах. Глава клана наверняка был на самом деле жесток, холоден и расчетлив, потому

и сумел удержаться на своем посту, даже не смотря на относительно юный возраст.

Рассудив, что в любом случае лучше будет покончить с подобными переживаниями и торжественно объявить свои южные каникулы закрытыми, я направились на поиски старшего Валлара. Нужно было поставить его в известность о своем завтрашнем отъезде домой, в Штаты.

Прислуга понимала английский час от часу все хуже. понадобилось некоторое время, чтобы выяснить – где находится хозяин поместья и как добраться в указанную часть дома. Наконец передо мной отворились широкие двери огромного спортивного зала, примыкающего к уличному бассейну.

Анжело обнаружился обнаженным по пояс, на узкой скамейке под стойкой штанги, выполняя жим лёжа. Синьор демонстративно не пожелал уделить мне и капли внимания. Он увлеченно поднимал спортивный снаряд, а затем опускал его так низко, что гриф прижимался к широкой рельефной груди, оставляя чуть белесый след. Мой взволнованный взгляд соскользнул по смуглой, покрытой не слишком густой, совершенно черной растительностью коже, которая казалась горячей. Под глянцевым от пота покровом при каждом новом движении бугрились крупные, рельефные мышцы. На ладонь ниже правой ключицы выделялся белесым следом короткий, грубый, широкий шрам.

Я прерывисто вдохнула и вздрогнула, ощущая, как по ве-

нам струится огонь. Захотелось коснуться его без барьера предрассудков и налета условностей. С силой прижать ладонь... Как тогда, в машине, три года назад.

Заметив мое внимание, Анжело медленно опустил штангу на крупные, блестящие в тусклом вечернем освещении крючья стойки и сел, опершись предплечьями о колени. Короткие, рваные вздохи покидали широкую грудь синьора будто бы через силу, а темный, янтарный взор стремительно наполнялся смесью боли и похоти одновременно. Вновь по коже ознобом растекся страх. Валлара внимательно смотрел на меня, чуть наклонив голову в бок. Казалось он ненавидит любое мое проявление, за то, что не может сейчас отвести взгляд.

– Подойди, – низкий, повелительный голос скорее напомнил рык.

Я вздрогнула, будто от пощечины, и поспешно шагнула назад, стараясь дышать ровнее. Анжело медленно, угрожающе поднялся и выпрямился во весь свой немалый рост, расправляя широкие плечи.

Смуглая кожа в тусклом свете редких софитов выглядела глянцевой. Угловатый узор сухого пресса уходил двумя рядами рельефных борозд за пояс мягких спортивных штанов. Я неосознанно прикусила нижнюю губу, ощущая, как приятная судорога влечения расслабляет затёкшие мышцы, сменяет страх возбуждением.

– Нравится? – самодовольно усмехнулся Валлара, обнару-

живая в хриплом тембре мурчащие нотки удовлетворения моей реакцией.

Осознав бестактность своего поведения, я прерывисто вздохнула, возвращаясь глазами к грубоватому, латинскому лицу, и отвела в смятении взгляд.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Так говори.

В низком баритоне велюрового голоса неуловимо проскользнуло разочарование. Совсем не беседовать хотелось сейчас нам обоим. Тело ныло, настаивая на немедленной близости. Мысли путались, замещаясь, и формулировать их становилось сложнее с каждым новым, взволнованным вздохом. Анжело показательно безразлично отвернулся, протягивая руку за небольшим темным полотенцем, чтобы промокнуть им пот. Мелкие капли проступали в тусклом, приглушённом свете закреплённых на стенах ламп. Вновь пришлось сделать пару глубоких вдохов, чтобы унять закипающее воображение.

– Поскольку моя работа здесь окончена, завтра я уезжаю.

Слова слетели с губ на одном дыхании, словно из страха, что неаполитанец станет прерывать меня или противиться. Валлара молчал, опустив голову и расслабив широкие, рельефные плечи. На его шее поблескивала жёлтым цепочка, удерживающая старомодный медальон с изображением Девы Марии. Казалось, синьор никогда не снимал его, поскольку вещица каждый раз обнаруживалась за расстегнутым во-

ротом белоснежной рубашки. Украшение не было старинным, скорее винтажным, возможно подарок матери, и, судя по характеру износа, постоянно эксплуатировалось.

– Нет, – тихо и совершенно без эмоционально произнес синьор, не меняя позы и не оборачиваясь.

– Анжело, послушай...

– Я сказал: «нет», – тон низкого, командного голоса зазвенел стальными нотками непреклонности.

Итальянец повернул голову в профиль, и я заметила, как надулись желваки на грубоватых, высоких скулах. Вся фигура его натянулась, обретая уверенность в отстаивании своей позиции. Крупные мышцы отчётливей выступили на руках, чуть очерченные извивающимися узорами тугих вен. Рельефная, широкая спина распрямилась, сводя лопатки к позвоночнику. Кипящее влечением сознание живо представило картинку сходства синьора с изображением древнегреческих атлетов на античных амфорах времён первых олимпийских игр.

– Почему? – беспомощно взмолилась я, тщетно пытаюсь смирить рвущееся из груди сердце.

Валлара застыл на мгновение, медленно сжимая и расслабляя кулаки, а потом тихо выругался на родном языке и, решительно обернувшись, быстро пошел на меня. Словно в каком то жарком, испанском танце я, интуитивно подчиняясь ощущениям, двинулась мелкими быстрыми шагами назад. Анжело, высокий, крупный, уверенный надвигался,

словно неотвратимая снежная лавина на беспомощного туриста. Его напор вызывал одновременный прилив страха и возбуждения. Янтарные глаза окончательно стали темными, черты грубоватого лица приобрели резкий характер, а тугие мышцы пришли в движение под блестящей кожей. Скоро торопливое отступление закончилось стеной, и преследователь тут же настиг меня, плотно прижимая каменным телом к холодной кладке. Горячие, открытые губы обожгли дыханием, когда он склонил голову в жадных поисках поцелуя. Крепкие руки под шумный, низкий стон соскользнули по спине от плеч к бёдрам, с нажимом оглаживая округлый рельеф ниже поясницы.

Анжело властно обхватил меня сильными ладонями и уверенно потянул на себя, заставляя ощутить его желание. Внушительных размеров каменный выступ недвусмысленно бугрился сразу ниже широкого, мягкого пояса спортивных брюк.

– Потому что я так хочу, сладкая. Поняла?

Синьор нашел мои губы своими, не оставляя пространства для апелляции, и легко разомкнул их горячим, жадным поцелуем. Решимость покинуть Италию мгновенно разбилась в дребезги. Чуть терпкий запах его тела окутал со всех сторон, лишая стремления к сопротивлению. Крепкие руки нескромно опускались уверенными ласками все ниже, заставляя задыхаться влечением.

– Давай, сладкая, мы оба знаем, что ты меня тоже хо-

чешь, – жарко, с запалом прошептал Валлара, едва отрываясь от моих вспухших, чувствительных губ.

«Да какого черта?» – пронеслось в голове. Он ведь прав, так к чему строить из себя недотрогу? Соблюдать приличия, которые ни одному из нас не были сейчас нужны?

Я с отчаянным удовольствием поднялась узкими, бледными ладонями по широкому торсу к плечам. С восторгом позволила огню растекаться по мышцам болезненным напряжением, а сердцу оглушительно стучать пульсом в висках.

– Да, моя сладкая, да... – порывисто прошептал Анжело, с низким стоном забираясь умелыми пальцами, под тонкое, влажное кружево лёгкого белья.

Я прогнулась в спине, чуть откинув голову назад, и вцепилась в недлинные, едва жёсткие кудри его вьющихся волос, прикусив губу в попытке сдержать стон. Он самодовольно усмехнулся, спускаясь откровенными поцелуями по шее к плечу. Кожу вмиг покрыли мурашки, поднимая волну трепетной дрожи.

С тихим шорохом разошелся замок, выпуская меня из оков неуместного платья, чтобы предоставить обнаженное тело горячим губам итальянца. Сдерживать стоны совсем не хватало сил, желание ощутить его напряжение пальцами становилось нестерпимым. Я опустила ладонью на скованный судорогой влечения живот Анжело, и он низко, хрипло застонал, ускоряясь в движениях, утоляя страсть в жадных, глубоких ласках. Скоро горячая пытка натянула каж-

дый нерв до предела возможности, заставляя ощущать друг друга, как никогда остро. Внимать каждому вздоху, стону, прикосновению. Валлара легко подхватил меня под ягодицы и поднял на уровень своего роста, попутно освобождая от одежды. Я сомкнула ноги на его поясице и спустилась мучительно сладкими поцелуями по высокой скуле к уху. Он шумно выдохнул и подался каменным от нетерпения телом вперёд, завершая наконец невыносимо долгое, почти невыносимое ожидание близости.

Жар его похоти наполнил тугим напряжением тело. Растекся от бедер горячими волнами вверх, до самых ключиц. Сильные руки скользили по спине к плечам, удерживая, направляя, настаивая. Низкие, хриплые стоны мешались с моими рваными вздохами. Лишь усиливая нетерпение, пока, наконец, резкие движения не стали быстрыми, приближая разрядку. С каждой секундой ощущения лишь обострялись, даруя невыносимо чувственное, нежное и вместе с тем жаркое, резкое удовольствие.

Пара мгновений на пике и сладкая судорога стянула живот заставляя восторженно замереть, всем телом впитывая струящееся по нервам облегчение экстаза. Он догнал меня, крепко вжимаясь цепкими пальцами в тонкую кожу. С глубоким стоном Анжело опустил голову к влажным прядям волос у самой шеи. По его твердому животу стек спазм чистого удовольствия, заставляя повторно вздрогнуть, внимая отголоскам, все ещё проскальзывающим по онемевшим мышцам

приятной дрожью. Валлара слегка отстранился, не выпуская меня из рук, чтобы найти взгляд.

– Плевать на все. Никому тебя не отдам, – быстро, яростно прошептал он в открытые губы, легонько касаясь их мягким, чувственным поцелуем.

– Ещё... – взмолилась я, прогибая спину навстречу крепким рукам.

Синьор едва усмехнулся, выпуская прерывистый вздох через открытые губы. Длинные пальцы властно впутались в волосы. Темный взор с хищным удовольствием стек по изгибам взволнованно вздымающейся груди.

– Моя горячая малышка, – хриплый шепот соскользнул от уха по шее, когда Анжело наклонился, теснее прижимаясь напряженным телом ко мне. – Только моя, слышишь? Взглянешь в другую сторону – обоих убью. Даже не задумаюсь. Поняла?

Цепкие руки чувствительно потянули вниз запрокинутую голову, не причиняя боли лишь настаивая. А потом сумасшествие: дикое, сладкое, жаркое; снова продолжилось с прерванного места.

Новый день

Я блаженно потянулась под гладким одеялом и, наконец открыв глаза, огляделась. Меня окружала комната Анжело, с разбросанной повсюду одеждой, вперемешку с бельем и покрывалами. Как мы добрались сюда прошлой ночью, и какую часть вещей оставили в спортивном зале, вспоминалось с трудом.

Просторная спальня, оформленная в серо-коричневых тонах современной, весьма аскетичной мебелью, являла пристрастие владельца к порядку и дисциплине. Незамысловатая, обтянутая кожей мебель, практичные светильники, большие, зеркальные двери встроенной гардеробной, все легко и ненавязчиво гармонировало друг с другом, при этом не выделяясь. Картины современных художников на стенах – несомненно, подлинники, были оформлены абстрактным содержанием в кровавых тонах. Обстановка вполне соответствовала положению и статусу хозяина: четко, лаконично, по делу.

Сам синьор шумно сопел рядом, крепко прижимая меня к себе. Спокойное, сосредоточенное выражение его лица являло пример самодисциплины, даже во сне. Потёртый медальон, свисающий с широкой шеи на затейливой золотой цепочке, оказался так близко, что нестерпимо захотелось рассмотреть его подробнее. Но стоило тронуть украшение, как

Анжело открыл глаза и больно перехватил мои пальцы.

– Не смей, Паолита, – прозрачный, янтарный взор сверкнул раздражением.

– Чего в нем такого секретного? – невольно обиделась я.

– Это личное, малышка.

Валлара медленно провел тыльной стороной пальцев по моей щеке, словно сомневаясь в реальности происходящего, а потом склонился к губам. Голодный, горячий, жадный поцелуй вновь с напором накрыл меня, подобно штормовой волне. Тело мгновенно отозвалось на такой однозначный призыв, натягивая мышцы в мучительно-остром влечении. Крепкие ладони собственнически заскользили по мягким изгибам вниз, напрочь сбивая дыхание...

Громкий стук в дверь внезапно разнес чувственную атмосферу в дребезги. Я мягко попыталась высвободиться из крепких рук, но синьор Валлара прерываться был определенно не намерен.

Не дожидаясь ответа, в спальню нервной походкой вошёл Валенсио. Янтарный взор остановился на мне, сверкнув смесью удивления и разочарования. Крупная фигура среднего брата натянулась, высокие скулы очертились резче, подчеркивая сжатые в раздражении челюсти.

С силой сжимая мои плечи, цепкими пальцами, Анжело мучительно медленно продолжал целовать, не позволяя отстраниться. Минуты тянулись будто века. Смущение грело щеки, разливалось огнем по венам, но поделать что-либо с

ситуацией я была не в силах.

Наконец пресытившись комедией и надменно ухмыляясь, неаполитанец неспеша оторвался от моих губ. Показательно огладил спину, чуть спуская одеяло с узких плеч, чтобы продемонстрировать брату женскую наготу, а потом приподнялся на локтях и, нехотя отвлекаясь, с любопытством уставился на Валенсио. Так победитель с высока взирает на поверженного.

– Мать одинаково учила нас приличиям. Почему я помню её уроки, а ты нет?

– Сегодня две встречи в Риме, – средний Валлара старательно отводил взгляд, потому щеки снова вспыхнули помимо воли, побуждая спрятаться в недра постели до самого носа.

Коротко, ёмко выругавшись, Анжело откинул шуршащий покров и поднялся с кровати, совершенно не стесняясь собственной наготы.

– Соберусь за полчаса. Распорядись, чтоб готовили вертолет, – бросил он через плечо, направляясь в ванную комнату. Брату при этом открылась изрядно поцарапанная мной за ночь спина неаполитанца.

– Хорошо, – Валенсио коротко, раздражённо кивнул, проведя ровным рядом белоснежных зубов по широкой, чувственной нижней губе, и быстро вышел из комнаты, оставив нас вновь наедине.

– Для чего было так наглядно демонстрировать то, что

здесь произошло? – сразу вскипела праведным негодованием я, лишь только резная дверь захлопнулась.

Синьор самодовольно, чуть издевательски усмехнулся, приподнимая черную бровь.

– Валенсио не дурак, и без того понял, что мы с тобой не в покер всю ночь играли.

– Тем более, демонстрация определенно была лишней.

– Горе побежденным, – процитировал знаменитого варвара неаполитанец, и, равнодушно пожав плечами, скрылся за мутным, темным стеклом двери в ванную комнату.

Как правильно вести себя в подобной ситуации, представлялось смутно. Ещё никогда я не просыпалась в постели мужчины, с которым не была связана официальными отношениями. Строго говоря это Майкл оставался ночевать у меня, потому по утрам неловкость приходилось испытывать именно ему, если конечно приходилось...

Чуть мокрый хозяин вернулся через пару минут, обернутый темным, махровым полотенцем. С влажных волос мелкие капли стекали по рельефу плеч на грудь и напряжённый живот, вызывая взволнованную дрожь по разгоряченному вмиг вскипевшим воображением телу. Уловив мой внимательный взгляд, итальянец усмехнулся и коротко провел кончиком языка по нижней губе.

– Мне нравится твой настрой, малышка.

Он отошёл к шкафу и непринужденно принялся облачаться в своей обычной официальной манере. Хотелось спро-

силь, что теперь будет дальше, как мне смотреть в глаза Джулии и вообще, как вести себя с окружающими? Но слова застревали в горле, потому я лишь молча взирала на него в некоем подобии смятения.

– Не скучай, – Валлара вновь направился ко мне, застёгивая на запястье металлический браслет крупных часов. – Возьми с собой Лучо, поезжай по магазинам. Развейся.

Мое недоумение стало граничить с паникой. Что он делает? Покупает меня, или расплачивается таким образом за предоставленные услуги? Кем вообще я должна приходиться теперь этому эксцентричному итальянцу?

Не обращая внимания на совершенное, слегка изумленное молчание своей женщины, Валлара отрешённо притянул мою голову и коснулся губами лба, будто думал уже о другом. Потом синьор, не оборачиваясь, вышел из комнаты, глухо хлопнув дверью.

Смятение сбило дыхание, подкрепляясь возмущением. Я вновь оставалась на Вилла Эмануэлла, и ничего... Решительно ничего в моем положении не поменялось. Похоже прошлая ночь не имела для него особенного значения... Или имела? Да и сама я ведь уступила желаниям, не собираясь устраивать нам обоим проблемы с политической женитьбой. Так может Джулия отнесётся к новостям прохладно? Или мне уготована роль одалиски при постели повелителя? Такое положение вещей согревало грудь негодованием, заставляя

злиться на себя ещё больше.

Дверь бесшумно отворилась и в нее скользнула молчаливая служанка. Я вздрогнула, вновь натягивая одеяло на себя. Девушка остановилась и застыла, окинув меня вопрошающим взглядом, мол, не соизволит ли госпожа покинуть хозяйское ложе? Благоразумие подсказывало, что подходящих моющих средств среди банных принадлежностей синьора Валлара не обнаружится.

– Подождите за дверью, – я уверенно повысила тон, намекая на ее непрофессионализм.

Девушка вздрогнула всем телом, будто очнулась, и поспешно выскользнула из комнаты, оставляя меня в одиночестве. Наскоро одевшись, я обнаружила служанку в коридоре, стоящей сцепив пальцы у стены. Пришлось просить ее проводить меня к себе в комнату.

Горничная шла чуть сзади и смотрела мне в спину с любопытством или даже некоторым высокомерием. Создавалось впечатление, что низкосортную шлюху выпроваживают из дома в ранний час окольными путями. Однако стоило оглянуться, как девушка сразу опускала взгляд, стараясь скрыть собственное отношение. Очевидно, вышколенная прислуга боялась гнева хозяина и привыкла к частой смене девиц, обнаруживающихся в его спальне поутру. По коже растеклось неприятное ощущение, словно ее покрывала тонкая, липкая пленка грязи, смыть которую просто так не представлялось возможным.

Раздражающе длинная дорога пролегла через половину поместья. На каждом повороте сознание с облегчением возносило хвалу небесам за ранний час. Ведь коридоры теперь ещё оставались пустыми.

Добравшись до собственной комнаты, я обернулась в дверях, чтобы отпустить служанку и снова столкнулась с укоризненным, осуждающим взглядом. К горлу подкатил ком, но расплакаться прямо при ней значило бы ещё больше усугубить свое, и без того нелестное положение.

Докатилась. Деградация от всеми уважаемого эксперта до дешевой, низкосортной потаскухи за пару дней. Прелестно.

Дверь моей спальни закрылась, и невольный облегченный вздох сорвался с губ. С раздражением сбросив одежду, я отправилась в душ. Тугие горячие струи тропического дождя ударили по плечам, растеклись тонкими дорожками по телу, снимая напряжение, смывая следы произошедшего ночью, уменьшая смятение. Приведение мыслей в порядок заняло много времени, но постепенно душевное равновесие вернулось, уступая место проблемам насущным. Нещадный голод сводил живот неприятной судорогой. Поразмыслив, я решила все же спуститься к завтраку на террасу, вместе со всеми.

За широким столом, в одиночестве восседала Джулия, потягивая из резного, высокого бокала розовое вино. Сделав пару глубоких вдохов, я подошла к ней.

– Рановато для алкоголя, не находишь?

Девушка смерила меня безразличным взглядом и указала

на соседнее плетёное, уличное кресло.

– Присоединяйся.

Бесшумный, словно тень официант отодвинул мне стул и наполнил второй фужер вином из темной бутылки без этикетки.

– За что пьем? – хотелось уточнить степень ее осведомленности, но как это сделать идей не совсем возникало.

В присутствии официальной невесты, мое положение становилось ещё более унижительным. Она имела полное право злиться, и вся Вилла Эмануэлла наверняка поддержала бы Джулию, отдавая свои предпочтения ей. А ведь я даже уехать отсюда никуда не могла. Добровольная заложница в золотой клетке. Наверное так же неприятно было официальным фавориткам королей, в присутствии законных королев. Хотя похоже, что мое нынешнее положение было где-то даже хуже.

– За свободу, – спокойно пояснила девушка и осушила свой бокал одним глотком.

– Чью и от кого?

Она посмотрела на меня внимательным, долгим взглядом и саркастически усмехнулась. Обида, раздражение и искреннее чувство вины, смешались в душе, угрожая в любой момент пролиться слезами. Кого я обманываю, служанка давно разнесла новости по всему поместью, отрицать их конечно же было невероятно глупо.

– Прости, – сдалась наконец я, понимая ее неприязнь и

отчасти считая подобное обращение справедливым.

– За что? – ни капли не смутилась невеста синьора Валлара, с интересом оглядывая меня с головы до ног.

– Ты ведь уже знаешь, что мы, с Анжело...

– Похоже, что ты не понимаешь ситуации, дорогая.

Мое недоумение забавляло ее. Черты красивого лица смягчились, а губы тронула добродушная усмешка, будто очевидность происходящего никак не доходила до меня. Это казалось сицилийке занятым.

– Просвети.

– Мы, с тобой тут ничего не решаем. Наша задача отлично выглядеть, соответствуя статусу мужчины, пожелавшего видеть нас рядом, и молчать при этом. Все. Большого не требуется.

– Хочешь возложить всю вину на него?

В душе понемногу закипало раздражение, словно меня и правда считали безвольной куклой, которую можно использовать по назначению и поставить в шкаф до следующего раза. В конце концов это я сама допустила подобную ситуацию и в целом-то не особенно сожалела о содеянном.

– Да плевать мне на вас обоих, – Джулия мечтательно подняла глаза к небу.

– Почему?

– В моем сердце живёт Валенсио.

Откровение прозвучало ударом грома среди ясного неба.

– Вот это поворот.

Девушка посмотрела на меня с пренебрежительным снисхождением, будто вновь пыталась донести нечто очевидное и не могла этого сделать.

– Ничего не изменится.

– Почему же тебе не выйти за него? Разве не все равно, какой Валлара?

– Для моего отца нет. Только глава семьи и точка, иначе конец всему. Я же говорила, что женщины в нашем кругу – только статусное украшение. Игрушки в руках сильных мужчин.

– Тогда вскружи ему голову и заставь забыть о предрассудках.

Неприятный взгляд томных, черных глаз собеседницы стал надменным.

– Валенсио – это тебе не Анжело, который побежит за любой юбкой, – она почти обречённо вздохнула. – Он умный, проницательный и совсем не заносчивый, к тому же добрый и вежливый. Ему нравятся сильные, смелые, рассудительные девушки. Мне не покорить этот бастион.

Теперь пришла моя очередь саркастически усмехаться. Напряжение между нами незаметно пропало. Противоборствующая сторона неожиданно оказалась со мной в одном окопе. Легковерная девица просто и непринужденно изливала любовнице жениха душу. Комичность ситуации уже начала зашкаливать и я смогла бы смеяться, если бы так сильно не хотелось плакать.

– Нет тех крепостей, которые невозможно осадить, дорогая.

– Что ты хочешь сказать?

Джулия была уже изрядно пьяна, потому конструктивной беседы в этот раз определенно не получилось бы. Картина, однако, складывалась крайне занимательная. Пристрастия дома Валлара так спутались, что разобрать, кто к кому и по какой причине привязан оказалось очень сложно. В сердечных делах у меня не скопилось великого опыта, но эксперт по историческим ценностям был обязан подмечать малейшие детали. Мне часто приходилось анализировать факты и делать на их основе выводы. Этим я с увлечением и занялась, оставив свою несчастливую собеседницу в гордом одиночестве, допивать розовое вино.

Стоило, прежде всего, разобраться в собственных чувствах, определиться с выбором приоритетов и наконец разработать стратегию поведения относительно остальных участников этой комедии. Они ведь так же блуждали в собственных предпочтениях, как корабль в кромешном тумане. Лишенные всяких ориентиров.

Попытка

Я меряла крупными шагами свою комнату, пытаюсь уложить в голове план дальнейших действий. Синьор Валлара старший в компании брата отправился на очень важную встречу в Рим, и намерен был провести там немало времени, как минимум до вечера. В поместье остался один лишь Лучо да пара-тройка мужчин, очевидно не имеющих права голоса.

Другого шанса просто могло не представиться. Действовать нужно было немедленно и наверняка, не полагаясь на монаршую милость. Если конечно я хотела покинуть Вилла Эмануэлла раз и навсегда. А я хотела. Положение официальной шлюхи бандита Каморра совсем не красило и безмерно, до истерики раздражало, создавая ощущение безысходности.

На другой чаше весов оставались взаимоотношения с моим... Даже в мыслях назвать Анжело Валлара своим получалось с великим трудом. Да и была ведь только всего-навсего одна ночь. Дыхание вмиг сбилось, при воспоминаниях о тех, до края, до боли оголенных чувствах, когда можно понять все без слов, когда можно простить что угодно, а выход кажется единственно верным, легким и очевидным. Вчера его темный взор горел болезненной нежностью, мягкие губы шептали мое имя, а крепкие руки ласкали так... Яростно. Синьор был горяч и ненасытен, словно знал, что наутро все

точно закончится. У нас не было будущего, только прошлое. Всегда одно только прошлое.

К горлу подступил ком. Валлара женат... Пусть пока не совсем, но это был лишь вопрос только времени. А я... Даже не знала: люблю ли его. Люблю...

Мучения стали почти невыносимыми, задавать себе вопросы, ответы на которые совсем не имели значения, оказалось невыносимо трудно. Я осела на пол, запустив пальцы в распущенные волосы, и со стоном закрыла глаза. Только в глупых сказках драконы неусыпно стерегут башни лишь с одной целью – сберечь принцессу. А синьор хотел остаться. Я знала это. Видела боль в янтарных глазах, понимала и разделяла ее... Но.

Рассудив, что мучения риск не оправдывают, все же пришлось взять себя в руки и приступить к исполнению плана побега с чертовой Вилла Эмануэлла. Нужно просто забыть о случившемся и жить дальше. Попытаться, по крайней мере.

Полагаться на обещанную поездку в город не стоило. Время конкретно не было оговорено, да и в сопровождение мне наверняка выделили бы целую армию горячих, итальянских мачо. Под таким неусыпным контролем не очень-то просто сбежать из страны. Поразмыслив подобным образом, я достала телефон и позвонила в посольство, сообщив, что меня удерживают силой в одном из особняков острова. На это последовали уверения в скором прибытии помощи и совет не привлекать до приезда представителей Штатов внимания

местного населения.

С балкона моей комнаты открывался отличный обзор на подъездную дорожку и широкую зону ворот ограждения. Через час появилась машина, отмеченная синими государственными номерами посла США. Охранник встретил прибывших вежливо, хотя без особенного энтузиазма и, не открыв им ворот, позвонил кому-то по сотовому. Скоро уверенной, пружинистой походкой к неожиданным визитерам вышел спокойный и собранный Лучо.

Разговора слышно не было, но резкая, ёмкая жестикуляция юного Валлара свидетельствовала о нервозности. В конце концов он устало приложил пальцы к переносице и, развернувшись, отчётливо приказал одному из стоявших поодаль телохранителей что-то по-итальянски. Мужчина быстрым шагом направился к дому, очевидно собираясь позвать меня.

Не успела я взять свои вещи, как на пороге появился высокий, крепкий, немного грузный телохранитель с грубыми национальными чертами гладко выбритого, сурового лица.

– Синьорина, – низкий баритон повелительно рокотал. – Прибыл один из членов посольства вашего государства. Вышло недоразумение, потребуется ваше личное присутствие, для того что бы объяснить ему, что произошедшее – ошибка.

– А иначе? – я вздернула бровь, выпрямляя спину.

– Синьор Анжело будет недоволен, – предупредительно протянул вошедший, полагая, что подобный аргумент дол-

жен полностью убедить меня в правильности его предложения.

– Хорошо, так и поступим, – беззастенчиво соврала я, опуская сумку на пол.

Ради прикрытия своего маленького блефа пришлось оставить вещи в комнате и уехать без них, но особенно крупных потерь мне в подобном не виделось. Деньги и документы уже предусмотрительно лежали в кармане лёгкой куртки. Главное выбраться, а там уж можно и рассуждать о последствиях и перспективах.

Не на ту напали, господа итальянцы!

Я молча проследовала за охранником к воротам поместья и, подойдя, вежливо поздоровались с присутствующими.

– Малышка, скажи этим людям, что звонок был каким-то недоразумением, – почти взмолился Лучо, обращаясь всем корпусом в мою сторону. – Анжело голову мне оторвёт, когда узнает.

– Мисс Блэк? – атташе протянул руку, внимательно изучая мой внешний вид. – Вас подвезти в аэропорт?

– Пожалуйста, – я шагнула к нему, разрывая дистанцию с младшим Валлара. – Отпуск затянулся, а господа не желают смириться с его окончанием.

– Позвольте взглянуть на ваши документы? – атташе с сомнением наклонил голову в бок. Казалось, что незнание мной итальянского языка его совсем не смущало.

Я невозмутимо вынула паспорт и протянула ему. Мужчи-

на долго, вдумчиво осматривал каждую страницу, а потом со вздохом вернул документы мне и обратился к Лучо.

– Синьор Анжело осведомлен? – с сомнением уточнил посол, опасливо озираясь на паренька, будто сама принадлежность к семье Валлара вызывала у него оторопь.

– Нет. Он в Риме, и когда вернётся, доволен не будет, – выпалил юноша на одном дыхании, крепко сжимая кулаки.

Атташе посмотрел на меня с мольбой, из чего становилось предельно ясно, что с буйным нравом главы клана он хорошо знаком.

– Возможно, мисс Блэк ошиблась?

– Нет. И по закону моей страны, вы обязаны сопроводить меня в аэропорт, – отчеканила я тоном не приемлющим возражений.

– Это правда, – представитель посольства обернулся к Лучо, просительно заглядывая в янтарные глаза. – Я должен депортировать ее.

Младший Валлара посмотрел на меня с осуждением, но больше спорить не стал.

– Прости, Лучо, – на глаза навернулись слезы. Расставаться с этим открытым и прямолинейным мальчишкой, да ещё и в таких обстоятельствах, оказалось неожиданно больно. – Но так будет лучше... Для всех.

– Уже вечером ты вернёшься, – неаполитанец злился и обижался одновременно, выпрямляя спину и расправляя

широкие плечи, – и мы все получим за эту выходку.

Я вздохнула, не желая продолжать пререкаться, а затем развернулась к представителю посольства, давая понять, что готова ехать. Мужчина открыл для меня дверцу своей машины, и очень скоро Вилла Эмануэлла осталась позади.

В аэропорту проволочек не возникло, исключая рейс, которого пришлось ждать три часа, поскольку билеты на все ближайшие оказались распроданы. Я подписала бумаги о том, что не имею претензий и распрощалась с угрюмым, собранным послом, выглядевшим обиженным так же, как и Луччо.

Лёгкая грусть начала вползать в сердце, подкидывая воспоминания о недавнем, таком ярком и странном, болезненно остром, но радостном приключении. Расслабляться однако пока было рано, потому пришлось взять себя в руки, чтобы не разреветься прямо на людях. Зал ожидания понемногу пустел, а от лёгкого гула сплетающихся в общий гомон разговоров клонило в сон.

За спиной внезапно послышались громкие, быстрые, тяжёлые шаги и сердце сразу ушло в пятки, от неприятного предчувствия, которое вскоре с лихвой оправдалось.

– Я что сказал делать, Паола?! – громкий, четкий, стальной баритон вколачивал слова, словно гвозди в перепуганное сознание.

Чувства сразу спутались под воздействием резкого выброса адреналина, наполняя душу гремучей смесью ужаса и вос-

торга. Пришлось сделать пару глубоких вдохов, чтобы смирить дрожь, а уж потом обернуться к взбешенному синьору Валлара.

– Не нужно сцен, Анжело. Тем более на людях. Я...

Изящная ладонь взметнулась в воздух, призывая к молчанию, и почему-то слова сразу застряли в груди, отказываясь покидать ее. Неаполитанец был в ярости. Высокая фигура нависала надо мной как скала, чувствительно надавливая на волю. Полный бешенства, темный, горящий взгляд, казалось, стремился оставить лишь горстку пепла на том месте, где сейчас стояла я, склоняя голову, словно нашкодившая школьница.

– Бегом в машину, – тихо выдавил Анжело, через плотно сомкнутые зубы.

– Нет! – мой голос поднялся до крика. – Ты не удержишь меня. Все равно улечу...

Синьор в один вздох пересек разделяющее нас расстояние, схватил меня за руку, до синяков сжимая стальными пальцами, и с силой дернул на себя так, что я сразу потеряла равновесие. Лишь грубые руки бандита выступали препятствием болезненному, унижительному падению на пол. По спине свободно заструился озноб, стекая ледяными волнами от затылка до поясницы. Попытки казаться невозмутимой выходили все хуже, а сердце замирало в груди, скованное паникой. Казалось, сейчас он вытащит свой пистолет и пристрелит меня на глазах у всех.

– Я позвоню в Штаты... – хотелось сказать это уверенно, но слова больше напоминали мышинный писк, с усилием покидая грудь.

Анжело вцепился свободной ладонью в шею, зажимая нижнюю челюсть так, чтобы зафиксировать голову. Внимательный, почти черный от кипящего негодования взгляд впился в приоткрытые от волнения губы.

– Хоть Господу Богу звони, – тихо, вкрадчиво прорычал бандит, все сильнее сдавливая цепкую хватку. – Изменятся только условия твоего пребывания.

Я нашарила в кармане телефон и вынула черный чехол, непонятно что намереваясь сделать. Неаполитанец легко перехватил запястье и, вытащив аппарат из немеющих от страха пальцев, с силой швырнул его о стену. Черный корпус тут же разлетелся мелкими брызгами осколков по полу.

На глаза навернулись слезы. Синьор едва наклонил голову в бок, продолжая с вызовом испепелять меня полным ярости взглядом.

– Уже не такая смелая? – злобно ухмыляясь, произнес Валлара, упиваясь моим страхом.

– Пошел ты, – процедила я через плотно сомкнутые зубы. Синьор резко отпустил меня, словно отшвырнул, развернулся к выходу и поволок за собой. Его ни капли не смущал того факт, что его гигантский шаг никак не увязывался с моей семенящей походкой. Четверо угрюмых мужчин в гражданской одежде бесшумно отделились от стен и последовали

за нами на улицу.

На парковке ждали три совершенно черных, одинаковых, будто нарисованных под копирку внедорожника.

– Анжело, послушай... – взмолилась я, совершенно сбивая с толку, но неаполитанец молча забросил меня на заднее сиденье одной из машин и захлопнул дверцу.

Оставшись в одиночестве, синьор вскинул руку ладонью вверх и коротко, емко выругался на родном языке, каждым вздохом выражая бушующую подобно урагану злость. Потом приложил пальцы к переносице, чуть прикрыв глаза, прошествовал к самой первой машине, кивнул охранникам, призывая их отправляться, и сел на заднее сиденье, оглушительно хлопнув дверцей.

На коже все ещё проступали мурашки страха, но дыхание понемногу выровнялось. В самом дальнем углу кипящего смесью восторга и ужаса сознания проступила с мстительным удовольствием внезапная мысль. Синьор бросил свои очень важные дела, скорее всего скупил все билеты на ближайшие рейсы, чтобы обеспечить себе временную фору, и примчался из Рима в Кальяри. Анжело заботила только одна цель – не отпустить меня в Штаты, не позволить покинуть его.

Шины тем временем привычно зашуршали о подъездную дорожку, и вскоре кортеж остановился у знакомых дверей Вилла Эмануэлла. На пороге замер Лучо, взволнованный и рассерженный. Непривычно суровый, взрослый взгляд бура-

вил дверцу головной машины, за которой сидел брат. Анжело вышел, демонстрируя поведением обретение полного самоконтроля, и направился напрямик ко мне. Почему он занял соседнюю машину? Не хотел проводить время в моем обществе?

– Пошли, Паола.

Крепкая ладонь протянулась в салон, предлагая опереться на нее. Янтарный взгляд на миг сверкнул нежностью, а изящные пальцы дрогнули, выдавая эмоции сурового неаполитанского лидера. Я отодвинулась дальше, стараясь усесться так, чтобы создать проблемы с извлечением из автомобиля непослушного эксперта по древностям. Синьор медленно, сдавленно выдохнул и, отвернувшись, выпрямился, доставая сигареты. Повинуясь некому приказу начальника, охрана разбрелась кто куда, оставляя нас наедине. Валлара неспешно курил, запрокидывая голову назад, а я сидела в дальнем углу салона, обхватив колени ладонями.

– Ещё раз так сделаешь, поставлю замок на твою дверь и решетку на балкон, – вкрадчиво проговорил неаполитанец, наконец нарушая тягостное молчание.

– Ты телефон мой разбил, – по детски обиженно произнесла я, неосознанно расслабляясь в позе и удобнее устраиваясь на кожаном сидении.

– Будешь вести себя прилично – куплю новый, – без эмоционально сообщил гангстер, чуть поворачивая голову через плечо в мою сторону.

– Я хочу домой, – слова слетели с губ в обвинительном тоне, почти сопровождаясь слезами.

– Привыкнешь, – он потушил сигарету и щелчком отбросил ее. – Пошли.

Осознание того, что сейчас синьор снова уедет, оставляя меня в компании негативно настроенных домочадцев, потекло по плечам крупной дрожью, собираясь в уголках глаз слезами. Не в силах справиться с эмоциями, я протянула ладони к нему, будто в поисках защиты и утешения. Так нашкодившие дети с плачем бегут к родителям, понимая, что лишь там могут обрести защиту и поддержку.

Крепкие руки мгновенно сомкнулись на талии, прижимая меня к каменному от напряжения телу неаполитанца. Горячее, быстрое, шумное дыхание запуталось в волосах, согревая висок, а гулкое сердце мгновенно подскочило в груди, разливая по венам огонь нежности.

– Я решила... – тихие всхлипы мешали формулировать мысли, прорываясь короткими вздохами сквозь слова.

– Хреново решила, сладкая, – замурчал мягкий голос над самым ухом, а крепкая ладонь приласкала спину, поднимаясь от поясницы к лопаткам. – Теперь за тебя все решаю я.

Догадка пронзила его сознание, от чего нежные объятия вмиг стали грубыми. Валлара оторвал меня от себя и со смесью тревоги и ярости заглянул в глаза.

– Обидел кто?

Представив, что сейчас он сделает, если услышит об мо-

их утренних происшествиях, я ощутило поежилась. Очевидным становился тот факт, что придется остаться здесь, на Вилла Эмануэлла, и учиться взаимодействовать с ее обитателями. Не стоило стравливать между собой хозяина дома и его семью, по крайней мере, не обдумав возможных последствий.

– Паола? – настаивал синьор, не отрывая от меня темного, изучающе сосредоточенного взгляда.

– Нет, все очень добры ко мне, – сообщила я не слишком уверенным тоном, однако вопреки ожиданиям, неаполитанец предпочел не настаивать, аккуратно поглаживая мою голову.

– Нужно ехать, сладкая. Иди в дом, – Анжело рассеянно коснулся губами лба, словно пастор, отпускающий грехи прихожанке и, развернувшись, коротко кивнул стоящему в стороне охраннику.

Кортеж вновь наполнился суровыми, угрюмыми мужчинами и Валлара отбыл по своим неотложным делам, оставляя меня в полном смятении и одиночестве.

Эмиль Сфорца

Посреди комнаты по-прежнему стояла моя сумка с вещами, словно и не было попытки побега накануне. Я осела на пол возле нее и накрыла руками голову. Почему мне казалось, что получится избавиться от синьора Валлара? А теперь неминуемо подступали последствия в лице обидевшегося Лучо и рассерженных вызывающим поведением домохозяев, Необходимость смотреть в глаза окружающим представлялась истинной пыткой.

Незаметно подкрался вечер, за окном потемнело, и с моря подул теплый, лёгкий ветер, освежая кипящую голову. Нестерпимо хотелось есть, но покидать комнату было мучительно трудно. Позвать прислугу же я не могла, потому что не знала итальянского.

Дверь осторожно, будто спрашивая разрешения, приоткрылась и вошёл необычно серьезный, от того кажущийся более взрослым, Лучо.

– Нужно поесть, Паолита, – спокойно произнес он и поманил служанку с подносом, заставленным всякого рода тарелками.

– Спасибо, – тихо произнесла я, наконец, поднимаясь с пола, в намерении сохранить достоинство.

Младший Валлара глубоко вздохнул и рассерженно хмурясь, развернулся к двери.

– Вещи разложат по местам завтра. Сегодня тебе лучше отдохнуть.

– Останешься на ужин? – произнесла я отчасти просительно, отчасти утвердительно.

Не хотелось, чтобы он злился на глупую выходку. Лучо окинул суровым взглядом мою фигуру, застыв в сомнении, но потом рассеянно кивнул и отослал служанку. Оставшись со мной наедине, паренек опустил в потертое кресло отца, стоящее в центре комнаты. Только сейчас я заметила, как сильно он походил на братьев: тот же профиль, внимательный взгляд, гордая манера держаться. С возрастом юноша должен был непременно сровняться в стати с влиятельными родственниками. Львёнок Валлара конечно однажды превратится в сильного, смелого льва.

– Садись, – Лучо пригласительно вытянул руку и налил нам обоим кофе из красивого, тонкой работы, фарфорового кофейника.

– Не хочу извиняться, поскольку считаю себя правой, но мне жаль, что ты получил из-за этого, так что...

Парень саркастически усмехнулся, чем стал ещё больше похож на братьев.

– Думаю, что ты не понимаешь сути происходящего, Палолита.

– Так просвети, – уловив перемену настроения в его голосе, я принялась за еду, запивая все ароматным, колумбийским кофе.

– Анжело молод, ему очень сложно удерживать статус семьи, отстаивать ее интересы, защищать границы нашего бизнеса.

– Потому и кидается, как бешеный пёс на все, что движется, – философски изрекла я, чуть закатывая глаза в пренебрежении.

– Нет, малышка, – рассерженно взвился Лучо. – На него часто пытаются давить.

Мое внимание вернулось к разговору, а кусок как-то сразу застрял в горле.

– А при чем тут я?

– Чтобы вернуть тебя сегодня домой, он отменил встречу с Филиппом Лучия и, вместо решения наших вопросов, понёсся в Кальяри... Лично. Понимаешь?

– Обнародовав привязанность перед всем криминальным миром... – ошарашенно произнесла я, уставившись в одну точку.

– Верно, малышка, – Лучо немного расслабился, заметив мое смятение. – Понимаешь, мы все очень стараемся не дать повода для давления на него. Меня и Валенсио сложно использовать в манипуляциях...

Я усмехнулась, наблюдая за тем, как он гордо расправляет плечи, считая себя совсем взрослым. Наверняка братья постоянно опекали его, но при этом все же позволяли высказывать собственное мнение, чтобы не вырастить в будущем мягким и легко ведомым.

– А как же Джулия? – я предпочла скрыть невольную снисходительную улыбку за переменной темы разговора.

– За ней стоит целый клан Барзинья, помимо нашего. К тому же она сидит, где велено и проблем не создаёт.

– В отличии от меня?

– Да, малышка, в отличии от тебя, – паренек смотрел прямо, открыто и искренне. – Любая другая женщина никогда не имела для него такого значения. Но тут... Анжело, будто с цепи сорвался. Он одержим тобой настолько, что все бросил и умчался из Рима. Теперь все заметили слабое место дракона Валлара, а это не хорошо, Паола. Очень не хорошо.

– Дракона? – усмехнулась я, и Лучо тут же смущенно опустил взгляд.

– Так его называют среди своих. За глаза.

– Почему?

– Орет, все крушит и сразу хватается за оружие, – беззлобно улыбнулся юноша. – Плюется огнем, одним словом.

– Понятно. И что мне грозит? – при мысли о том, в какую заваруху я ввязалась, по позвоночнику поползла липкая, вязкая дрожь страха.

Этот инцидент с подобной точки зрения мое одностороннее сознание совсем не рассматривало. Если преступный мир Каморра захочет манипулировать юным драконом Валлара, используя в своих целях меня, то в опасности могут оказаться все мои близкие. Подобные выводы очевидно отразились следами паники на лице, поскольку янтарный взгляд Лу-

что потеплел, наполняясь обычным, доброжелательным блеском.

– Пока ничего, ты ведь с нами. Но больше не делай недуманных глупостей, ладно?

– Почему ты рассказываешь мне все это?

Сердце часто стучало в груди, при мысли о том, какие проблемы я всем создала своим эгоистичным нежеланием подстраиваться под обстоятельства.

– За наш разговор я, кстати, тоже получу от Анжело, – беззлобно усмехнулся Лучо. – Но он же мой брат, не могу просто так промолчать, соблюдая глупый семейный уклад.

Невольная улыбка проступила на моих губах, наблюдая за тем, как сильна привязанность членов семьи Валлара друг к другу. Пожалуй, Жозефе и впрямь был хорошим отцом, раз сумел привить сыновьям такое трепетное отношение к непреложным ценностям.

– Мне нужно, чтобы ты понимала ситуацию Паолита. В нашем мире все не то, чем кажется на первый взгляд. Так что в другой газ, прежде чем выкинуть какую-то глупость, сначала посоветуйся со мной. Хорошо?

Я, вновь улыбаясь, кивнула, и настрой моего собеседника постепенно вернулся к обычному, беззаботному состоянию. Мы закончили ужин вдвоем, ещё немного поболтали о незначительном и младший синьор Валлара наконец покинул меня ближе к полуночи, оставляя отдыхать в одиночестве. От усталости глаза закрывались сами собой, потому,

пренебрегая приличиями и стереотипами, я заснула, не раздеваясь, в самом центре широкой, удобной кровати, ощущая себя неотъемлемой частью странноватого семейства Валлара.

Следующие пару дней пролетели один за другим, без особых изменений. Во избежании встреч с домочадцами, я предпочитала прогулки в одиночестве по обширным садам Вилла Эмануэлла. Стоило только спуститься с крыльца, как бесшумный, молчаливый испанец по имени Диего материализовывался, казалось, из воздуха и неотступно следовал за мной на почтительном расстоянии, заложив руки за спину и слегка наклонив голову вперёд. Жизнь текла, как вода в реке: медленно, тихо, неспешно.

Ближе к вечеру третьего дня мне принесли новый, совершенно черный ноутбук и телефон представительской марки в подарочных коробках. Синьор посчитал поведение фаворитки достаточно покладистым, чтобы исполнить данное накануне обещание. Больше злить Анжело Валлара совсем не хотелось, потому я решила пока не предпринимать резких движений. К тому же, отсутствие старших мужчин в поместье, похоже, положительно сказывалось абсолютно на всех его обитателях.

Стратегия поведения в такой новой для меня сфере существования пока сформировалась не полностью, но намётки уже проступили. Необходимо было затаиться и попытаться собрать информацию, для дальнейшего анализа с постанов-

кой выводов. Не бывает людей, которыми невозможно манипулировать, нужно только правильно определить направление воздействия.

Экран подаренного телефона загорелся, обнаруживая свою работоспособность. На дисплее появилась фотография Анжело, стоящего, положив руки в карманы брюк, на фоне какого-то ночного клуба, с сияющей, неоновой вывеской: «La Catedral». Валлара смотрел со снимка угрюмо и слегка обескураженно, словно не знал, как вести себя или что сказать. Ему несомненно было некомфортно в сложившейся ситуации.

«Завтра Лучо отвезёт тебя в город. Прогуляйся, купи себе что-нибудь».

Синьор решил осчастливить фаворитку монаршей милостью? Как великодушно с его стороны! Или может, хотел проявить участие, но не знал, как следует в цивилизованном обществе формулировать мысли, не навязывая собственного мнения? Губ невольно коснулась снисходительная усмешка. В комплекте с фотографией, сделанной, несомненно, для моего телефона, создавалось впечатление, что он пытался ухаживать. Правда, с грацией слона в посудной лавке, но ведь все же пытался.

Было так необычно и удивительно наблюдать его неуклюжие старания обнаружить собственную заинтересованность. Мне всегда казалось, что подобные мужчины просто не могли испытывать проблем с противоположным полом. Хотя

может быть в том и заключались причины столь неумелого поведения? Очевидно, в прошлом синьор привык ограничиваться общением с барышнями модельной внешности и неотягощенного интеллектом сознания. Потому стремился вызвать восторг щедростью, предоставив в мое распоряжение карт Бланш на покупку дорогих безделушек. Как обычно бывало в сходных ситуациях.

Рассудив, что не вежливо оставлять диалог открытым, и стоит проявить в этот раз известную долю покорности, учитывая обстоятельства, я набрала ответный текст:

«Это подкуп, или попытка загладить вину?»

Почти сразу последовал лаконичный, в манере неаполитанца ответ.

«Поощрение».

Невольная усмешка проступила на губах в понимании специфического юмора этого в высшей степени странного мужчины. В конечном итоге он был не таким уж и монстром... Наверное.

«Благодарю, синьор. Ваша щедрость не знает границ. Что-то еще?»

Я намерено задала в конце фразы вопрос, надеясь на продолжение разговора. Экран загорелся оповещением о том, что сообщение прочитано. Взор уперся в светящееся окно, с нетерпением школьницы перед первым свиданием. Сердце вмиг подскочило к ключицам, а пальцы настолько вцепились в телефон, что побелели. Вот он. Совсем рядом, тот са-

мый мужчина, за которого я три года подряд беспрестанно молилась, которого искала в каждом новом прохожем... А теперь... Прошла пара минут, и статус абонента поменялся на «Не в сети».

Отвлек кто? Или решил вообще не отвечать?

В душе молниеносно поднялся целый ураган эмоций. Я не могла с уверенностью сказать, что Анжело Валлара разделял мои трепетные чувства, странным образом связывающие нас и произошедшую трагедию, но он помнил мое лицо, был рад встретиться вновь, отчаянно не желал отпускать... А теперь молчал.

Я со злостью отбросила телефон и начала мерить комнату шагами в попытках успокоиться. Идиотка! Зачем было вообще писать? Ведь собиралась же ограничиться одной ночью и сделать вид, что ничего не было! Но вот только он определенно не собирался. Или ему просто плевать на меня. Кто я, собственно, такая, в самом деле? Спасительница чертова...

Экран вновь загорелся, и я бросилась к нему, забыв обо всем на свете.

«Задержусь ещё на пару дней».

Смятение заполнило грудь, вырываясь короткими, прерывистыми вздохами. Ну и как это все понимать? Пальцы нервно крутили телефон, а на губах вновь появилась улыбка, будто сама по себе, против воли. Не совсем соображая, что творю, скорее по зову сердца чем по велению разума, я быстро набрала:

«Скучаю».

Прежде чем взволнованное сознание успело проясниться, сообщение кануло в омут всемирной сети и почти сразу оказалось прочитано. Холодная дрожь хлынула по позвоночнику, отдаваясь гулкими ударами пульса в ушах. Абонент все молчал, а меня разрывало от целого урагана различных эмоций, туго сплетающихся в болезненный клубок в животе. Наконец экран засветился и я с облегчением схватила телефон.

«Тоже».

Ещё никогда одно единственное слово не приносило в мою жизнь столько позитива, облегчения и удовлетворения одновременно. Словно гора с плеч упала. Я со вздохом опустилась на пол у кровати, закрывая лицо руками.

Мой милый друг – Эмиль Сфорца был прав. Под солнцем Италии легко загораются факелы.

Размышления о начальнике раскололи взволнованные ощущения вдребезги. Я невольно вспомнила свой старый, потрёпанный телефон с кривой полосой глубокой царапины по экрану. Теперь это все вызывало саркастическую усмешку. Как важно мне было сохранить хоть малейшую крупицу участия Анжело Валлара в своей жизни. А теперь его было столько, что хотелось бежать без оглядки отсюда подальше и никогда не возвращаться.

На линии раздались длинные гудки, и зашелестел грустный, усталый голос:

– Да, Паолита.

– Эмиль... Тут у меня некоторые трудности.

– Я в курсе, дорогая.

– Правда?

– Анжело предупредил меня, что ты не вернёшься в агентство.

– Ах вот как?

Негодование вскипело в крови огнем. Синьор Валлара уже все решил за меня. Ну конечно, ведь никто в этом чертовом мире не посмеет ослушаться его приказа. И отчитываться за свои действия он совсем не обязан. Раздражение перерастало в откровенную ненависть. Смирить эмоции стоило больших усилий.

– Я оставлю место руководителя за тобой, если вдруг передумаешь. Двери моего дома всегда открыты для тебя, Паолита.

– Эмиль, все не так, каким кажется тебе... Мне тут... Сложно.

– Это ведь он, дорогая? Тот самый гангстер? Да? – начальник был в курсе истории со спасением, как впрочем, и все остальные, близкие мне люди.

– Да, Эмиль. Это он.

Я поймала себя на мысли, что говорить откровенно, пожалуй, могу лишь с ним. Всегда так было. Старый эксперт понимал меня, разделял убеждения и принципы, часто повторяя, что видит во мне себя в том же возрасте. Мы делились сокровенным не как начальник и подчинённая, а как

друзья или даже больше: отец и дочь. Сфорца на той стороне телефонной линии добродушно усмехнулся и заговорил немного мягче.

– Работа не главное, Паолита. Ты ведь постоянно слышала это от всех. Устрой свою жизнь так, как просит того твое доброе сердце.

– У меня не получается, – неожиданно для себя самой созналась я и вдруг стало заметно легче, будто озвучив проблему сознание автоматически начало искать ее решение.

– Не верю, что моя гибкая, ловкая и умная малышка Паолита не сможет подстроить обстоятельства под собственную выгоду. Мы – эксперты, дорогая, не забывай, а конечное заключение всегда требует детального анализа.

– Спасибо, Эмиль, – по щекам покатались слезы благодарности, вымывая из души смятение и тоску.

– Дорогая... – покровитель сомневался, стоит ли озвучивать задуманное, но поразмыслив все же решился. – Я выделил тебе часть своих денег в качестве приданного.

– Нет... Это вряд ли, Эмиль. Видишь ли... Синьор Валлара обручен.

Эксперт тихо хмыкнул и, кажется, переменил положение в своем любимом, старинном кресле.

– Мне его тон показался решительным.

– Уверена, что вы друг друга неправильно поняли.

Холодный, навязчивый, липкий страх заполнил грудь, лишая возможности дышать. Подобное стечение обстоятельств

было возможно, но все равно повергало в шок.

– Не спорь, дорогая. Кроме тебя у меня никого нет. Я хочу обеспечить твоё будущее и достойное положение в обществе.

– Мог бы сделать нечто подобное раньше, и тогда мне бы удалось отдохнуть в гораздо более приятном месте, – добродушная улыбка коснулась моих губ, а тепло такой трепетной, отеческой заботы растеклось по коже мурашками.

Сфорца примирительно рассмеялся, его бархатный голос зазвучал мягко, успокаивающе, словно гладил по голове.

– Ты чудесна, милая, – низкий, глубокий баритон поменял оттенок, став ещё более покровительственным.

– Эмиль... – голос вдруг дрогнул, вызывая волнение.

– Да, малышка?

– Почему ты отправил меня сюда?

Сфорца молчал, словно сомневаясь, стоит ли озвучить причины, но потом все же решился.

– Когда-то давно я был молод, малышка, – он запнулся и коротко рассмеялся. – Хотя мои навыки экспертной работы всегда впечатляли заказчиков, но все же никому не нужен специалист без имени. В нашем деле огромное значение имеют рекомендации. Понимаешь?

– И ты связался с Валлара? Эмиль, ты же не «пачкаешь рук»... Принципиально.

– Да, дорогая. Теперь «не пачкаю». Но тогда все было иначе. Чтобы заработать денег на собственное дело, мне

пришлось обратиться за помощью. Жозефе был тогда лишь только молодым помощником очень влиятельного мафиози из клана Пинно. Он свел меня с нужными людьми, высказал высокую оценку моей деятельности во влиятельных кругах... Так появились первые дорогостоящие, хотя и не слишком легальные проекты. Потом, получив свою нынешнюю репутацию, я смог отказаться от частных аукционов, но услугу, оказанную мне когда-то Валлара, забыть просто не имел права.

– Что ж, понятно. Но почему ты лично не отправился на эту экспертизу?

– Старость, Паолита. Глаза совсем не те, да и забывчивость смазывает картину. Старший сын Жозефе связался со мной, сообщил, что дело, весьма конфиденциальное. Кому я мог доверить его кроме тебя, дорогая?

– Никому, Эмиль. Никому.

– Хорошо, что ты понимаешь это. Будь осторожна, Паолита.

– Конечно. Я всегда осторожна. Не беспокойся.

Мы ещё немного обсудили незначительные сплетни и попрощались, пожелав друг другу спокойной ночи.

Что ж похоже синьор Валлара и впрямь не был настроен отпускать меня из своего дома. Он ведь, не осведомившись о моем мнении, поставил в известность уважаемого работодателя. Снова все решил сам. Глупо было предполагать, что я сумею избавиться от него в ближайшее время. Да и если

уж быть откровенной с самой собой – мне импонировал его бешеный напор, неуёмная энергия и горячий темперамент. Возможно, и правда стоило посмотреть – чем закончится эта история с неожиданным отпуском в центре Италии.

В любом случае приличия требовали пары-тройки официальных звонков с уточнением положения, согласно которому экспертиза на Сардинии затягивалась. А мое личное присутствие оставалось абсолютной необходимостью. Отчасти это являлось правдой, да и ждать меня назад было особенно некому. Потому и пропажа не вызвала сильного ажиотажа. Полный набор номеров обнаружился в новом телефоне, указывая на то, что к моим личным данным синьор так же давно получил безграничный доступ. Подобные выводы злили, особенно в сочетании с осознанием совершенной беспомощности в сложившейся ситуации.

За окном, на прозрачном небосклоне тускло поблескивали мириады звёзд, складываясь в причудливые узоры. Стараясь обрести душевное равновесие, я уселась на порожке балкона и, рассуждая о бренности бытия, запрокинула голову к небу. Перед мысленным взором опять возник Анжело. Скорее всего, юный лидер семейства Каморра сейчас был занят закатыванием в бетон очередного врага его, совершенно легального бизнеса.

Губ привычно коснулась саркастическая усмешка. И при этом дракон Валлара несомненно думал обо мне. Все эти три года думал... Как и я.

Прогулки и развлечения

Утро принесло ясность в голову и некоторое облегчение телу. Если уж мне придется задержаться тут дольше предполагаемого, то необходимо было обустроить себе подходящее рабочее место. Так же стоило организовать доставку своей домашней библиотеки из квартиры в Штатах, чтобы не заниматься делами на коленях у кровати. Рассудив подобным образом, я отправилась на поиски исполнителя своих желаний в лице младшего Валлара.

На террасе, выходящей в сад, обнаружили Джулия, Лучо и седой мужчина, выказывавший недовольство моим поведением во время экспертизы. Они завтракали и беседовали, как давние, добрые знакомые, но при моем появлении все разом замолчали.

– Доброе утро, – поприветствовала собравшихся я и указала взглядом на стул. – Могу присоединиться?

Лучо поспешно дал сигнал официанту, мне тут же отодвинули кресло и принесли ещё один прибор. Мужчина, сидевший напротив, насупился и напряжённо замолчал.

– Анжело просил отвезти тебя в город сегодня, – вежливо начал разговор младший Валлара на правах хозяина положения, в отсутствии братьев.

– Он так сказал?

– Конечно. Распоряжусь, чтобы нам приготовили машину.

После завтрака.

– Мальчикам обычно скучно на шоппинге.

Все трое воззрились на меня в полном недоумении, словно противиться воле главы клана было истинным самоубийством.

– Извини, но я не могу отпустить тебя одну, – попытался настаивать Лучо.

– Со мной будет Джулия. Правда, дорогая?

Девушка перевела на меня растерянный, едва ли не напуганный взгляд, определенно не зная, как ей стоит реагировать.

– Извините, синьорина Блэк, но это уже слишком, – звенящий неприязнью голос седого мужчины разрядил напряжённую обстановку тотального удивления, словно его негодование выразило общий настрой и от этого всем полегчало. – Мало того, что вы создаете нам крупные проблемы своим поведением, так еще и распоряжаетесь домочадцами так, будто имеете на это право.

– Мне не известно ваше имя и положение, но вам не кажется не вежливым указывать содержанке самого синьора Валлара? Тем более, что приглашала я совсем не вас.

Новая волна недоумения захлестнула собеседников. Им несомненно была не привычна прямолинейность, с которой я называла вещи своими именами. В моем случае, однако, она служила примером оборонительной позиции, способной удерживать домочадцев на почтительном расстоянии, не

позволяя издеваться над собой. Всегда предпочитала правду кулуарным хитросплетениям интриг.

– Спасибо за приглашение, Паола, – Джулия несколько раз глубоко вздохнула, будто обретая необходимую решимость. – Я поеду.

Синьорина, не сводя внимательного, чуть испуганного взгляда со старика, невозмутимо отпила свой кофе из красивой, фарфоровой чашки. При этом подняла голову с видом отъявленной бунтарки, что нашла в себе смелость дать отпор всему миру.

Седой мужчина смерил нас взглядом, гласившим: «Да что же, черт возьми, тут происходит-то?» После чего поднялся и, сославшись на занятость, ушел.

– Кто он? – я тихонько обратилась к Лучо, кивком указывая на покидавшего нашу компанию.

– Это консьюльери отца. Его зовут Рудольфо Весса.

– И чем же я так разозлила почтенного синьора?

– Он не одобряет твоего участия в жизни Анжело, – пояснила Джулия невозмутимо. – Тут никто этого не одобряет.

Я сделала пару глубоких вдохов, чтобы взять обиду и раздражение под контроль, а уж затем, добродушно улыбаясь, произнесла:

– Что ж, тогда вам всем нужно обратиться по данному вопросу к самому синьору Валлара. Ведь к моему мнению, как вы заметили, здесь не прислушиваются.

После завершения террады, я непринужденно поднялась

и спокойно отправилась в свою комнату, под предлогом необходимости приготовлений к прогулке. Взволнованный Лучо побежал следом.

– Не обращай внимания, Паола. Они завидуют.

Сдерживать слезы становилось все сложнее. Чему тут завидовать? Строго говоря в этом доме я была пленницей, без права голоса и выбора, но подобное положение вещей несомненно должно было измениться, рано или поздно. Молча покоряться обстоятельствам в мои планы совсем не входило. Ни тогда, ни, тем более, сейчас.

– Не беспокойся, все в порядке. Мне нужно кое-что, сможешь организовать? – спокойный тон размеренного голоса совсем не обнаруживал кипящих в душе эмоций.

– Конечно, говори.

– Для работы и деловой переписки хочу обустроить себе подходящее пространство. Кроме стола, стула, канцелярских товаров, мне понадобится еще стеллаж для книг и настольная лампа дневного света. В общем, нужен свой маленький кабинет, желательно недалеко от спальни, поскольку в переулках коридоров я путаюсь.

Юноша задумался на мгновение, но потом кивнул, соглашаясь.

– Устрою к вечеру в смежной гостевой комнате. Пойдет?

– Прекрасно. И ещё. Подбери для меня репетитора итальянского языка. Лучше женщину, с которой я могла бы проводить много времени вместе, для практики.

– Зачем тебе? – усмехнулся Лучо.

– Хочу понимать вас всех, включая обслуживающий персонал.

– Хорошо, так и сделаем. Что-то ещё?

– Спасибо. И пусть подадут завтрак в комнату.

День начал налаживаться. Обретя вновь душевное равновесие, я собралась на прогулку выбрав удобное платье и обувь на плоской подошве, из расчета, что придется много ходить. Восхитительно прекрасная Джулия, идеальная со всех сторон – куда не глянь, встретила меня пренебрежительным взглядом у капота белого автомобиля.

– Счастливо прогуляться, девочки, не изматывайте охрану, – напутствовал Лучо, закрывая за мной дверцу.

– И для чего был затеян спектакль? – обратилась ко мне спутница, едва медленно сползающие, автоматические ворота, сомкнулись за нами тяжелыми створками, оставляя поместье позади.

– Решила, что раз мы ничего не решаем, то девочкам дома Валлара следует попробовать держаться вместе.

Она непонимающе подняла бровь, всем видом выражая недоумение.

– Для чего?

– Как минимум потому, что так проще группироваться при ударах. Да и в общем, если ты сказала правду, и внимание Анжело тебя не интересует, то нам нечего делить, не так ли?

– А тебя интересует? – впервые собеседница добродушно улыбнулась, а ее фигурка расслабилась.

– С точки зрения политической обстановки в доме – несомненно, поскольку это он решает когда меня можно уже отпустить.

– Я не это имела ввиду.

– Понимаю, но не могу ответить на твой вопрос. Человека, которого три года назад удалось спасти, я совсем не знала. Сознание заместило пустоты в понимании его сути теми эмоциями, которые были дороги мне самой. Да, я думала о нем часто, – нервная усмешка коснулась губ, – настолько, что даже стала считать его другом... Вот только реальный Анжело Валлара похож на созданный мной образ лишь лицом, и то не полностью. Кажется, что стоит позволить ему разочароваться во мне так же, как я разочаровалась в нем, и тогда все станет на свои места.

– Поверь, подруга, – Джулия умозрительно усмехнулась. – Он не отпустит тебя. Даже если разочаруется.

– Тогда может удастся остаться добрыми приятелями?

– Или ты влюбишься в него по уши, как все предыдущие.

– Так говоришь, будто их были миллионы, – саркастически усмехнулась я.

Джулия пренебрежительно закатила глаза, чуть скривив в отвращении пухлые губки.

– Я слышала, что на Вилла Эмануэлла синьор Валлара кого попало, не тащит. Для этого в Кальяри у него есть отель,

а в Риме – клуб. Но пара-тройка девиц на моей памяти все же появлялась.

– И что ты? – мое недоумение граничило истерикой. Посмел вести девку в дом, где живет невеста?

– Я? – она посмотрела непонимающе. – Принцессам возмущение не положено по статусу.

В тихом голосе Джулии зазвенела грусть, а большие глаза наполнились печалью. Казалось, что собственная судьба тяготит сицилийку, но силы противиться ей девушка все же найти в себе не могла.

– Посмотрим, что мы можем с этим поделать, – улыбнулась я и коснулась ее руки.

Компаньонка вздрогнула, но пальцев не убрала, по-прежнему взирая на меня с изумленным недоумением. Скоро наша компания, состоящая из дам и двоих охранников, прибыла в Кальяри. Прогулки по бутикам вмиг подняли настроение Джулии. В каждом из них она скупала не меньше горы не очень-то нужных вещей, аксессуаров или косметики при этом все подряд мерила по сотне раз и требовала восхищённых отзывов консультантов на любое свое появление.

Я устало потирала лодыжки, сидя на широком, мягком диване напротив примерочной. Ноги грозили в скором времени отвалиться, а в желудке неприятно урчало. К моему огромному сожалению, на летние закусовые с пёстрыми зонтиками моя компаньонка не обращала никакого внимания.

На очередном повороте от ресторана к магазину силы покинули уставшую душу окончательно.

– Давай поедим, дорогая? Пожалуйста! Я не могу так больше!

Джулия смирила меня пренебрежительным взглядом, но позволила увлечь себя к ближайшему столику.

– Ты так глупа, Паолинья! Когда ещё Анжело позволит тратить, сколько вздумается? Надо брать, пока дают.

– Вот поем и возможно стану разделять твой энтузиазм, – я нервно оглядывалась в поисках официанта. – Поможешь заказать? Я не знаю итальянского.

– Это Кальяри, забыла? – снисходительно улыбнулась компаньонка, – Тут говорят по-английски.

После пребывания в доме Анжело Валлара, где понимали меня только хозяйева, сложилось полное ощущение отчужденности. Только сейчас, после заявления синьорины Барзинья, начала понемногу отступать полная уверенность в собственном отчуждении. Я быстро освоилась с меню и заказала себе пиццу невероятных размеров и разнообразного содержания, на что Джулия скептически поморщилась.

– Растолстеешь, перестанешь нравиться Анжело.

– Велика потеря, – презрительно хмыкнула я, – глядишь отпустит.

– А ты действительно этого хочешь?

От ответа удалось уйти, поскольку принесли заказ. Да и, строго говоря, я не знала, что можно ответить. Мои чувства

путались, замещались, будто осколки зеркала в калейдоскопе.

Джулия сфотографировала для своей страницы в социальных сетях каждый кусок по отдельности, потом себя с каждым из них и, наконец, меня, чтобы подписать фото чем-то вроде: «Вот та самая подруга, которая и собирается все это есть. Не подумайте, я заказала выпечку не себе.» После чего мне наконец позволили приступить к трапезе. Пару минут посомневавшись, красавица присоединилась, всем своим видом давая понять, что делает это из человеколюбия и оказывает тем самым мне огромное одолжение. Настроение быстро поднялось, раскрепощая окончательно.

– А потом по салонам красоты...

– Не-е-е-т! Пожалуйста. Только не это!

– Хочешь оставаться простушкой?

– Не глупи, ты ведь Валенсио понравиться намерена, он всего этого не оценит.

Джулия вмиг утратила беззаботную веселость.

– Тебе-то откуда знать.

– Ну, скажем так: я уже обратила его внимание на себя однажды.

– Что? – девушка искренне злилась. – Да как так-то! Один мой тональный крем стоит дороже, чем вся твоя косметика вместе с одеждой!

– Ох, дорогая. Чтобы понравиться такому мужчине, как средний Валлара, нужно восхищаться им, а не требовать

умиления собой-красавицей.

Она разом умолкла и посмотрела на меня с нескрываемым вниманием.

– Как это? Смеяться над его шутками?

– Ну и это тоже, а главное попытайся выразить ему то, что ты понимаешь его стремления... И разделяешь их.

– Как мне это сделать, когда он со мной почти не разговаривает? – погрустнела собеседница.

– Думаю, что мы сможем при случае устроить вам randevu. Только подготовиться к нему нужно тщательно.

– Уж об этом не беспокойся, – она высокомерно вздернула носик.

– Ты меня не поняла. Надо внимательно слушать то, что он будет говорить, и во время вставлять реплики, подтверждающие вашу общность.

– Это как?

Я привела пару примеров, и сосредоточенность на лице компаньонки подтвердила ее заинтересованность.

– А одежду и косметику нужно выбрать приближенную к естественной, чтобы ведущая партия в этой игре оставалась за ним. Понимаешь?

– Кажется, да... Ты pomoжеш мне, Паолинья?

Я тепло улыбнулась и взяла ее за руку.

– Конечно, дорогая. Не беспокойся.

В сумке надрывно зазвенел телефон. На экране появился снимок угрюмого Анжело. Я рассеянно посмотрела на

Джулию, потом сделала несколько глубоких вдохов и сняла трубку.

– Что происходит, Паола? – грозный, низкий тон резкого, раздраженного голоса вызывал оторопь.

– Мы потратили слишком много?

– Что значит: «мы»?

Невольный облегченный вздох сорвался с губ и в ответ на него, с той стороны послышался саркастический смешок.

– Ну, я предложила Джулии составить себе компанию.

– Вы, смотрю, лучшие подруги?

– С чего ты взял?

– Соц-сети кишат фотографиями.

– Подписан на ее Инстаграм? – усмехнулась я, представляя, как сам синьор Валлара листает снимки невесты и пишет на них комментарии.

– Помощники. Так что у вас?

– Гуляем по магазинам. Это плохо?

– Странно, – тон его голоса чуть потеплел, проступая знакомой, бархатной интонацией. – У тебя все в норме?

– Без сомнения, – уверенно соврала я.

Конечно, всё было плохо. Хуже и представить невозможно. Вся славная Вилла Эмануэлла ненавидела меня за то, чего не было на самом деле. Или все же было?

– Хорошо. Развлекайтесь, – произнес он слегка отстраненным тоном и повесил трубку.

– Нам сделали выговор? – осторожно осведомилась Джу-

лия.

– Синьору не понятно общение, завязавшееся между его женщинами.

Девушка улыбнулась и примирительно погладила меня по руке.

– Я не его женщина, Паолинья. Меня не было в постели дона Валлара.

Мое непонимающее недоверие позабавило её ещё больше, вызывая приступ надменного веселья.

– Но почему?

– Все просто. Анжело на самом деле очень привязчив... Ты знаешь, чья фотография стоит у него на рабочем столе?

Та самая, в простой деревянной рамке. Он не позволил мне увидеть ее в самый первый день знакомства.

– Нет.

– Попробуй посмотреть, при случае.

– А как же твое заявление о том, что он бежит за каждой юбкой?

– Это другое.

– Как так? Не понимаю.

Джулия поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее.

– Когда речь идёт о простом сексе, Анжело все равно, кого... С кем проводить время. Но женитьба для принципиального дона Валлара – дело личное, затрагивающее душу, важное. В свое сердце он просто так никого не впускает. Мне сразу дали понять, что пока обручальное кольцо не покро-

ет безымянный палец, думать о сближении нечего. А теперь кажется, он не захочет увидеть рядом никого, кроме тебя.

– Почему?

Джулия звонко рассмеялась и дала знак мужчине, сидящему за соседним столом, чтобы расплатился за нас, а потом потянула меня за руку в сторону очередного магазина.

– Пойдем. Если во вкусах Валенсио мне разобраться не дано, то уж платье, способное понравится пафосному Анжелло, я знаю с гарантией в девяносто восемь процентов.

Проклиная свое легкомыслие, мне пришлось позволить ей продолжить навязчивые изыскания, но теперь ещё и в моем направлении.

Возвращение синьора Валлара

Пару дней после визита в город прошли в бессмысленном ничегонеделании. Мы с Джулией все больше времени проводили вместе, обсуждая стратегию поведения на момент появления братьев Валлара. Раз в день приходил преподаватель итальянского – худой мужчина моего возраста, по имени Рауль. Он много и весело говорил, уделяя внимание больше сленгу и разговорным навыкам, чем грамматике и письму. Скоро мне даже удалось усвоить несколько простых фраз. В остальном надменное пренебрежение обитателей дома подспудно раздражало, хотя с появлением цели в жизни, немного отступило на второй план.

Вечером четвертого дня я сидела в своем новом кабинете, изучая электронный каталог древностей, собранных в доме еще при старом хозяине, очевидно увлекавшемся коллекционированием. Неожиданно пришло сообщение на электронную почту, снабженное все той же угрюмой физиономией Анжело. Он не звонил мне со времени прогулки в городе, потому я ошутимо вздрогнула, чуть прикрыв глаза. Невольная трепетная дрожь растеклась по телу, заставляя замереть в предвкушении. Похоже, я действительно скучала по этому эксцентричному гангстеру, точно так же, как когда-то давно, после опасного, странного, первого знакомства.

Теперь все несомненно поменялось... Немного. Недавние

воспоминания об огне его страсти кружили голову, заставляли тело ныть в ожидании повторения. Я постоянно говорила себе, что произошедшее можно оправдать простым зовом тела, измученного долгим воздержанием. Но все же нечто большее неуловимо осело внутри и не желало выветриваться ни в какую.

«Паола, сделай еще одну экспертизу. Сейчас. Снимок старый. Позвони сразу, как закончишь».

Отдавал распоряжение, как штатному сотруднику. Ничего более. Стараясь всеми силами подавить разочарование, я открыла фото. Снимок был действительно старый, не менее чем тридцатилетней давности. Мужчина, изображённый на нем, принадлежал к богатому и влиятельному сословию, о чем можно было судить по костюму. На среднем пальце, правой руки у него имелся перстень. Вещица сразу привлекла внимание. Казалось, что передо мной то самое кольцо, которое и довелось держать в руках несколько дней назад.

Чтобы рассмотреть поподробнее, со снимком пришлось долго возиться. Размытые контуры напрочь отказывались фокусироваться. Изображение кольца расплывалось и ускользало каждый раз. Наконец удалось получить хоть немного четкую картинку и я смогла разглядеть печатку. Выступающие, а не вдавленные ребра девиза однозначно свидетельствовали о том, что передо мной была фотография реплики подлинника. Именно той самой копии, что и довелось экспертировать совершенно недавно. Все отметины идеаль-

но повторяли кольцо, которое я держала в руках ранее.

Номер синьора Валлара оказался в быстром наборе подаренного телефона. Последовали долгие, протяжные гудки, бесконечно сменяющие один другой. Когда сдерживать волнение стало фактически невозможно, раздался щелчок и тихий, велюровый голос пролился на измученную душу, лишь усиливая смятение.

– Валлара.

– Добрый вечер, синьор. Отвлекаю? – мой подчёркнуто официальный тон был призван продемонстрировать без эмоциональную отчуждённость, но предательский звон томительного волнения смазывал картину, и неаполитанец мгновенно заметил это.

– Я занят, малышка. Говори, – бархатный рокот обволакивал плечи, проникал под одежду и струился по коже, утешая, смиряя неприязнь, унимая раздражение.

– Экспертиза готова.

– И?

– Это оно. Несомненно. Кольцо на пальце мужчины с фото, совпадает с исследуемым.

– Ты уверена? – сталь непреклонности, прозвучавшая в спокойном голосе итальянца, словно надавила на волю.

– Как в том, что днём на небе солнце, а ночью луна.

Деловой настрой незаметно сменил эмоциональный. Все же я была уважаемым экспертом, и сомнения в собственной компетентности не могла воспринимать позитивно.

– Хорошо.

И все? Даже до свидания не скажет? Да как же так можно? Злость казалось нагрела воздух комнаты. Бесилась я всё же скорее от своей собственной реакции чем от его поведения. В груди поднимался ураган раздражённого негодования. Жду одобрения, как послушная псина ласки хозяина. Пальцы замерли над красной кнопкой отключения.

– Скоро буду дома, малышка.

– Как скоро? – в голосе предательски прозвучала едва ли не мольба.

– Пара дней. Тогда поговорим, – он замолчал. Пауза длилась довольно долго, а потом тихий голос медленно, словно нехотя продолжил. – Слова, что ты хочешь услышать, прозносят в глаза.

– Понимаю, – почти сдалась я, вновь прижимая дрожащими пальцами аппарат к уху.

– Хорошо. Жди.

– До свидания, Анжело.

С той стороны послышался судорожный, короткий, но громкий вздох, а потом мерные гудки возвестили о том, что синьор Валлара повесил трубку. Растерянность потекла мурашками по позвоночнику. Взрыв эмоций бандита вызвало то, что я назвала его по имени? Хотя и у самой-то вовсю дрожали пальцы. Когда такое было при сообщении клиенту результатов экспертизы? Вот же идиотка.

Чтобы отвлечься пришлось искать занятие. Выделив фото, которое мне прислали, курсор «мыши» бесцельно скользил по нему, пока не наткнулся на команду: «искать изображение в интернете». Интересно, кто же перед нами? Кто ты, бывший владелец кольца?

«Роберто Пинно, – гласила надпись первой попавшейся ссылки, – более известный в определенных кругах, как король Неаполя. Около тридцати лет назад пропал при невыясненных обстоятельствах. Самолёт, на котором синьор Пинно пересекал океан, исчез с радаров вблизи Бермудских островов. Обломки обнаружили спустя три дня с момента крушения. Останков самого мафиози, его помощников и членов экипажа найдено не было. После смерти главы, влияние семейства ослабло, потому члены клана настаивали на версии убийства их лидера. Даже развязали кровавую вендетту, которая повлекла окончательную потерю уважения среди остальных влиятельных семей и перераспределение сил на криминальном фронте.»

Холодная дрожь потекла по венам, сдавливая спазмом грудь. Кольцо короля мафиозного мира в руках Анжело Валлара. Вывод напрашивался сам собой: семья Валлара причастна к смерти Пинно настолько, что знает местоположение трупа. Ведь фамильная печатка наверняка была на нем в момент крушения. Это Валлара убили своего короля.

Но почему Анжело попросил экспертизу кольца? Почему сейчас? Он ведь был совсем маленьким, когда все случилось.

Недавно их клан потерял главу, совсем так же, как Пинно когда-то. Может новый лидер обнаружил кольцо в вещах отца? Очень, очень хорошо спрятанных вещах. Настолько, что и по прошествии трёх лет со дня смерти, тайник оставался невскрытым. Наследник конечно усомнился в подлинности вещицы, тем более, что само ее наличие бросает серьезную тень на весь клан. Но тогда почему на экспертизе присутствовали все мужчины в доме? Почему ее было не провести тихо, тайно? А лучше совсем уничтожить перстень и забыть... Тем более, что Валенсио был явно настроен радикально к политике брата и мог бы использовать полученную информацию, чтобы дестабилизировать и без того шаткую обстановку.

Может Анжело связывал убийства Пинно и своего отца? Но между ними была разница в три десятка лет. Если только клан короля Неаполя не выяснил, что Роберто убили именно Валлара и не отомстил за него.

В любом случае наиболее разумным выходом было уничтожить улику, а не рассылать ее фотографии и вызывать экспертов. Хотя Сфорца обязан семье, он промолчал бы в случае чего, а Анжело наверняка жаждал крови за смерть отца и потому так яростно схватился за сомнительную ниточку. Неужели он был так недалководен, что не понимал угрозы, которую несёт эта бомба замедленного действия его собственному благополучию? Ведь не зря же Жозефе так тщательно прятал вещицу все эти тридцать лет.

Я не могла назвать старшего Валлара глупым. Вовсе нет, тогда почему же он так просчитался? Ведь стоит остальным семьям узнать о его находке, как те сразу сплотятся в борьбе против него.

Невесёлые мысли сбивали с толку. Отвлечься не получилось настолько, что теперь я меряла комнату, как зверь клетку, в попытке осознать причины поведения юного лидера клана, казавшиеся абсурдными. Может, лучше было обсудить это все с ним, по возвращении? Захочет ли он вообще говорить на подобную тему, да и какая мне-то разница, что у него за проблемы и как он собирается их решать. Свою работу я выполнила. Дважды.

Утро согрело кожу оголенного плеча теплом солнечного света, уха коснулся характерный шорох, издаваемый шиной автомобиля о гравий дорожки. В доме, с момента отъезда правящей верхушки, не было посетителей. Жизнь текла неспешно и размеренно, как река, не взволнованная бурями и ветрами темперамента господ Валлара. А теперь наш покой и уединение нарушали чьи-то неожиданные визиты? Подобное расстраивало. Я поднялась и, не переодеваясь, побрела к маленькому балкону, выходящему на главный фасад, с целью уточнить: кого принесла нелёгкая в этот раз.

Внизу раздался щелчок закрываемой двери машины и знакомый, велюровый голос со стальным подтекстом пригвоздил к месту, будто окатив кипятком. Без сомнения вернулся Анжело. Быстрый щебет Лучо выдавал крайнее во-

одушевление, отвечая на вопросы с неловкой поспешностью. Братья говорили на итальянском, но теперь, благодаря стараниям Рауля, я немного понимала их.

– Где она? – зазвенел раздражением голос старшего Валлара.

– Спит ещё, в своей комнате.

Едва дослушав конец фразы, я юркнула с балкона и прижалась спиной к холодной стене, изо всех сил стараясь унять бешеный стук сердца в ушах.

– Уже нет, – констатировал Анжело низким, стальным баритоном.

– Позвать?

Громкие окрики быстрых фраз по-итальянски прервали диалог братьев. Очевидно навстречу хозяевам вышел Рудольфо – неприятный консьюлиери дома Валлара.

В общем гомоне стало трудно разбирать слова, но мне явно казалось, что темный, злой взгляд Анжело жжет кожу даже через стену. Он наверняка поднимал голову к моему балкону и внимательно, рассерженно смотрел на него.

– Приведи ее, Лучо, живо, – скомандовал Рудольфо по-английски намеренно, чтобы я поняла о ком конкретно идёт речь.

– Нет, – прервал его Анжело, наверняка вскинул при этом руку, в излюбленной манере, – я занят.

Разговор мужчин начал удаляться, возвещая о том, что они направились в дом. Смятение сжимало душу тугими

тисками. Синьора разозлил тот факт, что я не пошла его встретить, и последствия могли быть самыми разнообразными. Рассудив подобным образом, я побежала в душ и уже через пять минут заплетала густые волосы в косу, стоя у большого напольного зеркала, обрамленного в старомодную, чеканную раму. Лёгкое платье алого, словно кровь цвета, мастерски подобранное Джулией во время последней прогулки по магазинам, восхитительно подчеркивало достоинства фигуры. При этом сглаживало недостатки, потому очень мне нравилось. Если синьор Валлара пожелает увидеть свою содержанку, то лучшим решением было подготовиться к его визиту.

Однако он не пожелал. Целый день я просидела в своих апартаментах, нервно накручивая короткий локон на палец и не зная, чем себя занять.

Уже совсем стемнело, когда в дверях появилась служанка.

– Добрый вечер, синьорина.

– Здравствуйте. Что-то случилось?

– Синьор Анжело зовет вас.

Я поднялась и оправила широкую, длинную юбку, скрывающая волнение.

– Хорошо. Где он?

– На балконе своих покоев. Проводить?

– Спасибо.

Высоко подняв голову, я уверенно последовала за девушкой, не совсем понимая собственных чувств, растекающихся

ся трепетной дрожью то ли раздражения, то ли волнения, по мышцам.

Перстень короля Неаполя

Синьор Валлара, одетый в белую рубашку с закатанными до локтей рукавами и черные классические брюки, удерживаемые широким, блестящим, кожаным ремнем, стоял у самых перил балкона спиной ко мне и с наслаждением курил. Служанка тихонько ушла, закрыв за собой боковую дверь. Мы остались одни. Стараясь дышать насколько можно тише и ровнее, я приблизилась к стулу и, не дожидаясь приглашения, села.

– Почему не вышла? – он не оборачивался, медленно, последовательно поднося к губам сигарету и потом вновь опуская руку на перила балкона.

Тихий, вкрадчивый голос чуть заметно звенел раздражением, как далёкая, но стремительно приближающаяся гроза.

– Посчитала это неуместным.

Стальные прутья витиеватых перил заскрипели, сжимаемые сильными руками, рельефные плечи четче выступили под тонкой, белоснежной тканью.

– Ты должна была.

Анжело злился все сильнее, от этого разум охватывала оторопь, по спине быстро стекал холодок, а слова застревали в горле. Казалось, что я стояла перед профессором на экзамене и не знала ответов на его вопросы.

– Поняла.

Захотелось просто подчиниться, купировать конфликт и не возвращаться к нему. Валлара же вспыхнул от моей покорности, как сено от спички. Он не оборачивался, но глубоко вздохнул, опуская голову и прогибая широкие, напряжённые плечи.

– Я безразличен тебе?

Его злость и боль, казалось, сгущали и без того непрозрачный воздух теплой ночи. Нужно было ответить, и мое молчание нагнетало обстановку, заставляя итальянца гореть только ярче.

– Я задал вопрос, – в низком голосе явственно проступила угроза.

– Не глухая, услышала.

Мне совсем не хотелось грубить ему, но как-то, похоже, не получалось.

Валлара обернулся, в его темных глазах полыхал плохо сдерживаемый гнев, острые скулы очертились чётче, придавая латинскому лицу ещё большую жесткость. Он подался вперёд, и я вжалась в спинку кресла, понимая, что отступить некуда. Заметив мое смятение, неаполитанец повернул голову в сторону, с нажимом провел ровным рядом крепких зубов по нижней губе и шумно вздохнул в попытке смирить раздражение.

– Ответа на твой вопрос я не знаю, Анжело, – едва слышно пролепетала я, глядя на собственные, сцепленные в замок пальцы.

Широкие плечи расправились, а движения крупной фигуры стали более плавными. Синьор вновь отвернулся к перилам и сложил рельефные руки на груди.

– Я скучал.

Дыхание вмиг перехватило, во рту пересохло, а в животе чувствительно сжалось тугим, но вместе с тем таким трепетным спазмом, словно сказанное всколыхнуло нечто живое, заставляя его зашевелиться.

– Я тоже, – едва удалось выдавить из себя, поскольку слова напрочь отказывались покидать грудь.

Анжело шумно, судорожно вздохнул, закрывая глаза, и поднял лицо к небу, а затем поднес к губам сигарету и глубоко затянулся. На среднем пальце его правой руки поблескивало крупное кольцо. Приглядевшись, я замерла в недоумении: то самое. Перстень короля Неаполя, Роберто Пинно.

– Ты с ума сошел?

Синьор перевел удивленный взгляд на меня и, заметив изумлённое внимание к украшению, самодовольно усмехнулся.

– Это реплика, малышка, ей не больше двадцати лет.

– Не может такого быть. Я не первый день в экспертизе, – негодование кипело в груди вулканом. – Оно семнадцатого века, не позже.

– Сама смотри.

Он снял перстень и протянул его мне. В тусклом свете большой луны было плохо видно, но разница сразу броси-

лась в глаза.

– Не понимаю, – расстроено произнесла я, возвращая украшение. – Для чего делать копию на копию?

– Знаешь историю кольца? – он повеселел и расслабился.

– Я не идиотка, Анжело.

– Заметил, – Валлара саркастически усмехнулся, вновь отворачиваясь и опуская ладони на перила.

– И?

– Дела семьи, Паолинья.

– К которой я не принадлежу. Так?

Прозрачный взор вновь вернулся ко мне, отливая мягким, янтарным блеском нежности.

– Не права.

– Тогда в чем причина?

– Не обсуждаю их с женщинами, – Анжело положил окурок в пепельницу на кофейном столике и подошёл ко мне. – Не забивай свою красивую головку.

Тонкие пальцы зацепили локон у самого виска и бережно заправили его за ухо, едва касаясь кожи. Я повела головой в сторону, уклоняясь от ласки и, смерив его надменным взглядом, поднялась. Разница в росте не позволяла подчеркнуть высокомерие, которое так хотелось проявить. Находиться вплотную к синьору, ощущая запах чуть смуглой кожи, с едва уловимой примесью резкого аромата лимона, в сочетании с жгучими оттенками перца пименте, и при этом сохранять отстраненную независимость было мучительно трудно.

Тепло крупного тела, гулкий, быстрый стук сильного сердца, жадный, жаркий, внимательный взгляд темных, колдовских глаз... Анжело, весь полностью действовал на меня гипнотически, даже не произнеся ни слова. Мышцы сладко заныли, постепенно натягиваясь тугими струнами в ожидании ласк. Я шагнула назад, намеренно разрывая дистанцию, и встряхнула головой в попытке избавиться от наваждения.

– Джулии будешь рассказывать, что она должна делать и слушать, а что нет, – слова слетали с губ со злостью, словно обвиняли его в моих собственных разочарованиях.

Валлара снисходительно усмехнулся, присел на край стола, опершись широкими ладонями на гладкую поверхность, и пристально посмотрел на меня исподлобья.

– Дай угадаю: ты объявил всему честному сообществу, что обнаружил копию перстня короля Неаполя в вещах своего отца?

Он вновь закурил, складывая руки на груди, и продолжил молча смотреть на меня. Только теперь теплый, янтарный взгляд светился интересом и каким-то странным одобрительным уважением.

– Так?

– Допустим.

– Для чего?

Ответом стало лишь молчание. Снова.

– Хорошо. Все мы знаем, как Валенсио жаждет место главы семьи Валлара.

Мягкий взор потемнел, черты лица вмиг стали грубее, а рельефные мышцы вновь сильнее проступили под рубашкой.

– Ты с ним настолько близка, что он доверяет тебе свои честолюбивые планы на будущее? – черная бровь издевательски приподнялась, а мягких, чувственных губ коснулась ироничная? усмешка.

– Он импульсивен и в порыве способен сказать лишнее.

– Бывает, – согласился Анжело, немного успокаиваясь.

– Итак, неприятная находка без сомнения обнаружилась в вещах твоего покойного отца. Валенсио непременно бы воспользоваться спорной информацией в целях дестабилизации и без того не слишком уверенного положения семьи в обществе.

Я вопросительно посмотрела на неаполитанца. Янтарный взор выражал вежливую, чуть отстраненную заинтересованность.

– Результатов моей экспертизы никто не слышал, кроме тебя, но все видели, что прибыл специалист.

Догадка поразила до глубины души. Я судорожно вздохнула и коротко рассмеялась.

– Черт, Анжело, да ты гений!

Он вновь снисходительно улыбнулся, затягиваясь сигаретой, мягкие плавные движения приобрели налет самодовольства.

– Считаешь?

– Конечно! Сделать реплику перстня, которая по возрасту младше времени убийства Пинно и объявить о находке во всеуслышание. Теперь ни у кого не возникнет сомнений в том, что Валлара не причастны к истории с крушением. Валенсио ничего не сможет сделать, поскольку информация уже прозвучала из твоих уст и была подана в нужном ракурсе. Гениально! Мне казалось, что пригласить столько народу на экспертизу было весьма опрометчивым поступком. На самом же деле это стало лишь очередным ходом в шахматной партии с братом, которую ты, несомненно, выиграл. – Я подняла восхищённый взгляд к грубоватому лицу и снова чуть не утонула в удовлетворённом, янтарном блеске его колдовских глаз. – Поздравляю!

– Малышка, – тихо произнес синьор, затушив очередную сигарету о пепельницу. – Все это домыслы. Не забивай свою хорошенькую головку.

Его плавные движения, мягкая, словно журчащая речь, снисходительный, полный удовлетворения взгляд... Все подтверждало правоту моих выводов. Что ж, Валлара оказался умён, дальновиден и проницателен.

– Но почему ты просто не заставишь Валенсио молчать?

– Как? – усмехнулся синьор, очерчивая в воздухе неясный пируэт ладонью. – Пристрелю? Он же брат мне, Паолита. Я люблю его. К тому же отец велел заботиться о семье.

Анжело двинулся в мою сторону, но я тут же шагнула назад.

– Но почему было просто не уничтожить кольцо?

Янтарный взгляд вновь потемнел, наполняясь раздражением.

– Хватит, Паола.

– Постой. . . – меня уже всюду несло волной размышлений, и остановиться было трудно. – Перстень Роберто Пинно на пальце юного лидера клана Валлара. Ты не смог удержаться, да? Ведь теперь король Неаполя – ты?

– Хватит, – процедил он, с раздражением сжимая челюсти.

– И никто больше не сможет усомниться в мощи семьи Валлара, как и в твердой воле ее предводителя. Подорванный смертью Жозефе авторитет восстановится, ведь у многих вызовет вопросы появление печатки Пинно. Официальная версия, однако, с головой объясняет этот факт, а значит, домыслы только спровоцируют нежелание связываться с тобой. Что опять же сыграет на руку укреплению шаткого положения. А когда стремление повторить экспертизу или просто подержать вещицу в руках само собой сойдёт на нет, ты просто наденешь оригинал и будешь гордо носить символ власти Каморра. Никому и в голову не придет, что на самом деле колец было два! Одно – чтобы подтвердить, непричастность к убийству Роберто. Оно ведь изготовлено уже после трагедии. К тому же новая реплика должна прикрыть появление второго перстня – настоящего, являющего собой победу клана Валлара, над кланом Пинно.

Глубоко вздохнув, Анжело пересёк разделяющее нас расстояние в два шага. Крепкие руки опустились по обе стороны от меня на стену, замыкая в стальной капкан. Гулкое сердце рвалось из широкой груди неаполитанца, отражаясь барабанным боем в моих собственных ушах. Он так плотно прижал меня к каменной кладке, что шершавая поверхность больно царапала кожу сквозь тонкую ткань платья. Цепкие пальцы крепко ухватили подбородок и потянули его вверх, фиксируя взгляд. Горячее дыхание обожгло губы, когда синьор Валлара опустил голову ко мне, прогибая в могучих плечах шею. Бандит нависал надо мной крупным, каменным от напряжения телом, окружая терпким запахом резкого парфюма, подавляя волю, разжигая желание.

– Я не стану обсуждать с тобой политику семьи, малышка. Ты в моей жизни совсем не для этого.

Мягкие губы медленно опустились горячим поцелуем, миг лишая способности мыслить здраво. Внутри сразу растекся пожар первобытного желания, заставляя прогнуть поясницу, теснее прижимаясь к нему в мучительном стремлении оказаться как можно ближе. Крепкие руки с напором огладили плечи, спустились вдоль ребер и замерли на бедрах. Едва отрываясь, он жарко, удовлетворённо выдохнул, обжигая чуть вспухшие губы волной нестерпимого удовольствия.

– Да, сладкая. Так бы сразу.

– Пусти, – мой голос совсем не звучал убедительно, скорее

звенел мольбой.

– Ты хочешь другого.

Он уверенно соскользнул ладонями по лёгкой ткани платья, с удовольствием оглаживая упругий рельеф чуть пониже поясицы. Я отвернула голову в сторону, и теперь страстное дыхание грело щеку. Валлара прижался лбом к моему виску, не отстраняясь ни на дюйм и застыл, низко, недовольно, предупреждающе зарывав. Так делают звери, когда кто-то пытается отнять у них добычу. Мою волю сковало трепетом. Замерев в крепких руках, я сжалась в неприятном, мучительном ожидании. Минуты утекали песком сквозь пальцы. Попытки справиться с телом, не желающим мириться с решениями разума, проваливались раз за разом, оглушая биением сердца, грохочущего прямо в ушах.

Спустя ещё пару мгновений Анжело резко развел руки в стороны и порывисто отвернулся, громко, ёмко выругавшись на родном языке.

– Не понимаю тебя, малышка, – чуть хриплый голос звенел раздражением. – Твое тело говорит мне одно, а язык совершенно другое.

Слезы потекли по щекам, давая выход напряжению. Грудь по-прежнему высоко вздымалась, выдавая волнение, а дыхание вырывалось из нее лишь короткими, судорожными рывками.

– Мне нужно время, Анжело, – тихо произнесла я, тоном, которым сознаются в самых сокроленных, преступных тай-

нах.

Он быстро, порывисто обернулся. В янтарных глазах полыхало яркое пламя болезненной надежды.

– Сколько хочешь. Но не проси отпустить. Не могу.

– Хорошо.

Бешеный стук сердца никак не желал униматься. Я глубоко вздохнула пару раз, так и продолжая стоять у каменной стены балкона. Мышцы сводило до судороги, вновь вызывая ощущение того самого кролика, в которого мертвой хваткой вцепился филин.

– Не уходи.

Слова срывались с мягких чувственных губ синьора Валлара тихо, почти неразличимо. Высокая, натянутая тугой струной фигура, казалось, увеличилась от напряжения в размерах. Рельеф широких плеч сильнее проступил под рубашкой, а мягкий, янтарный блеск завораживающего взгляда потемнел, наполняясь болью. Он готов был стоять вот так вечность, на расстоянии вытянутой руки, не двигаясь... Лишь бы только рядом, в одной комнате.

Дышать становилось все труднее. Эмоции подступали комом к горлу, в глазах собирались слезы, а смотреть в грубоватое лицо было невыносимо сложно. Казалось, что счастья и адских мук он желает мне с одинаковой яростью.

– Прогуляемся? – не выдержав давящего на волю взгляда, я попыталась избавиться от навязчивого внимания.

Анжело наклонил голову в бок, продолжая внимательно

разглядывать меня, как хищник жертву. На секунду показалось, что ещё один неровный вздох, и он бросится. Но сеньор Валлара лишь прикрыл глаза, с шумом втянул воздух через сомкнутые зубы и, достав из кармана телефон, набрал номер.

Разговор проходил на итальянском, хозяин обращался к собеседнику – Марчелло. Мне удалось уловить только общий смысл: что-то про еду и вино... Потом импульсивный неаполитанец положил аппарат на кофейный столик рядом с пепельницей и обратился ко мне уже мягче, призывно протягивая руку.

– Пошли, малышка, я покажу тебе лодочный сарай.

Предложение выглядело совсем не романтично, но определенно носило значимый, для него подтекст, потому от язвительных заявлений я предпочла воздержаться. Широкая ладонь аккуратно сомкнулась на узком запястье, и Анжело уверенно повел меня на улицу, как ребенка, нуждающегося в постоянном контроле со стороны взрослого.

– Куда идём?

– К лодочному сараю. Мы с Валенсио обнаружили его, когда были совсем маленькими. Прятались там от Лучо, отца или уроков танцев, – он усмехнулся, обескураженно потирая большим пальцем бровь.

– Каких уроков?

Я едва успела сдержать ухмылку, поднимая изумленный взор на неаполитанца, но он совсем не обиделся, просто, от-

крыто и искренне улыбаясь. Это выглядело так необычно, по сравнению с его привычной, замкнутой манерой поведения, что вгоняло в ступор.

– Танцев, малышка. Пения, рисования, фехтования, философии и программного конструирования. Наш отец был уверен, что личность должна развиваться всесторонне.

– И какие уроки тебе нравились больше всего?

– Драки.

– Боевые искусства?

– И они тоже. Однажды Валенсио так долго купался в море, что от воды отит заработал, ох и влетело мне тогда от отца.

Я улыбнулась. Зыбкий мир, наконец, был установлен. Мое шаткое место в этой иерархии определено. Анжело впервые выглядел просто человеком. Не бронированным танком семьи Валлара и не горячим итальянским мачо, а обычным мужчиной, способным смеяться и грустить, предаваться воспоминаниям, дружить и поддерживать разного рода беседы, понимать и принимать других такими, какие они есть. Я невольно сильнее сжала широкую ладонь, и он замолчал, переведя мягкий, янтарный взор на наши сцепленные пальцы. По коже растеклась дрожь, а дыхание сбилось, словно меня впервые взял за руку мальчик из класса.

– Что было потом?

Валлара посмотрел на меня с таким искренним задором, что дыхание вновь перехватило.

– Потом? Да я сидеть неделю не мог! А Валенсио от высокой температуры трясло, как в лихорадке. Отец боялся, что он навсегда оглохнет.

– И вы забросили свое тайное место?

– Нет, – самодовольно усмехнулся Анжело. – Препятствия закаляют характер.

– Так и подумала.

Среди густых, почти черных в неверном свете луны зарослей показался маленький домик. Тихие волны разбивались о стены, блестящей пеной оседая на песок. С одной стороны к сараю прилегли какие-то непролазные, густые заросли, а с другой он опирался на белую кромку пляжа. Прямо на пол, рядом с неприглядным строением был постелен толстый, пёстро расшитый абстрактными узорами плед. Неподалеку из песка торчал длинный факел, ярко полыхающий красноватыми отсветами и время от времени сыплющий мелкие, светящиеся искры. От созерцания ночной картины, дыхание вмиг замерло от восторга, я оглянулась и встретила самодовольную, ироническую усмешку Анжело.

– Это же просто чудесно!

– Рад угодить синьорине.

Неаполитанец пригласительно вытянул руку в сторону пледа и опустился на него сам. На краю подстилки стояла большая плетёная корзина, застеленная белым, холщовым полотенцем, из которой выглядывало горлышко винной бутылки.

– Что мы будем есть? – только сейчас пустой желудок осмелился напомнить, что за день я не смогла проглотить и крошки.

– Тут... – он словно немного смутился. – Булочки. С заварным кремом. Марчелло положил. В детстве мы с нетерпением ждали праздников, чтобы получить их.

Валлара встряхнул головой, обретая прежнюю невозмутимость, а потом выпрямился, по хозяйски, достал бутылку темного стекла и, зажав пробку в кулаке, откупорил ее.

– Я не буду пить, Анжело.

Мягкий, янтарный взгляд наполнился озорным, издевательским блеском.

– Обещаю на этот раз держать себя в руках.

– Дело совсем не в том, – я взмахнула ладонью, желая показать, что доверяю его добропорядочности. – Не умею. Да и разницы не понимаю. Лучше уж кофе, кстати в Неаполе он восхитителен.

– Нет, малышка, с пищей обязательно пьют вино. Я научу тебя. Давай бокалы.

– Пицца?

Он удивлённо приподнял бровь, наполняя широкий, тюльпан бокала кроваво-красной жидкостью.

– Конечно, мы ведь в Италии.

Мой недоверчивый взгляд упал на средних размеров лепешки с напрочь обугленным краем, стопкой сложенные в корзинке, рядом с восхитительного вида булочками.

– Твой повар, смотрю, торопился?

Валлара всем своим видом выразил крайнюю степень пренебрежительного изумления, протягивая мне бокал.

– Синьорина совсем не разбирается в неаполитанской еде.

– Да и нравах тоже, чего уж там, – я с недоверием принялась к содержимому. Пахло удивительно: ягодами, немного персиком, даже чуть клубникой.

На мой изумлённый взгляд, Анжело высокомерно приподнял смольную бровь, иронично усмехаясь.

– Это *Lacrime di Morro*.

Похоже – ожидаемого воодушевления с моей стороны не последовало. Я отчаянно пыталась вспомнить хоть что-нибудь отдаленно касающееся познаний в благородных напитках, но в голову ничего путного не приходило.

– Достаточно известное вино, – он опустил чуть сконфуженный взор на бокал и снова недовольно встряхнул головой. – Хотел произвести на тебя впечатление.

– Прости, – я потупилась, ощущая, как загораются щеки.

В янтарном взоре мигом закопошились озорные искры жарких, итальянских страстей, а самонадеянная усмешка стала только шире.

– Люблю, когда синьорину есть чему научить.

Я взглянула на него с вызовом, желая осадить нахала, но должного эффекта это не произвело. Валлара продолжал ухмыляться, глядя прямо в глаза даже без тени смущения.

– Так просвети.

– Название сорта переводится, как слезы красавицы.

– Не говори, что итальянки плакали под кустами, чтобы урожай винограда был лучше, – искренне рассмеялась я, отпивая не слишком приятный на вкус, кисловатый напиток.

– Нет. Когда ягоды созревают, то на них выступает сок, будто плачут.

– Ах вот как. Ну что ж, не очень-то и по вкусу мне ваша нечеловеческая драгоценность, синьор Валлара.

Он продолжал пристально смотреть на меня, стараясь поймать взгляд. От цепких оков его алчного внимания становилось жарко, хотелось разомкнуть губы, прогнуть спину.

– Ты удивительное существо, малышка, – велюровый голос вновь стал чуточку хриплым.

– Почему?

– Не разбираешься в брендах одежды и марках вин, не принимаешь моих денег, хотя я готов потратить их на тебя. Мне казалось, эксперты должны быть совсем другими.

– Ты неверно судишь обо мне и моей работе, синьор Валлара. Древности хранят оттиск жизней своих прежних владельцев, их страхи, чаяния, разочарования и увлечения. Это невероятно интересно, и не моя вина в том, что ты смотришь на мир под другим углом.

– Похоже, что ты права, малышка. Я совсем не умею общаться с тобой.

– Люблю мужчин, которых есть чему научить.

Он искренне расхохотался, взирая на меня, как на малень-

кого ребенка, который хочет казаться взрослым.

– Итак: кислое вино, горелые лепешки. Чем ещё ты намерен меня покорять?

Неаполитанец высокомерно усмехнулся и потянул на себя корзину, попутно разъясняя ситуацию размеренным, лекционным тоном.

– Родина пиццы – Неаполь, Паолита. Здесь ее готовят именно так, запекая края до угля, а едят складывая вдвое.

Анжело ловко подцепил одну из лепёшек, свернул пополам и протянул мне. Я попыталась взять ее из длинных пальцев, но синьор легко выхватил сомнительное угощение, не позволяя этого сделать.

– Хочу кормить тебя с рук, – низкий голос вибрировал влечением.

– Это мне в пору мечтать о подобной милости... Хотя ты наверное сразу и руку откусишь – дракон Валлара, – рассмеялась я, стараясь перевести двусмысленный намек в менее откровенную плоскость.

– В другой раз, – настаивал неаполитанец, не отводя полыхающего взгляда.

Пришлось идти на уступки. Аккуратно передвинувшись к нему ближе, я откусила маленький кусочек неаппетитного угощения. Янтарный взор вспыхнул ярче, наполняясь горячими, страстными сполохами.

– Хорошая девочка, – промурчал он, подаваясь вперед настолько, что едва не коснулся носом моей щеки.

– Не дурно, надо признать, но думаю, все же перейду к булочкам. Говоришь – это твое любимое блюдо?

Я поспешно отстранилась и пересела поближе к корзине.

– Все дети в восторге от сладкого, – Анжело безразлично пожал плечами и, взяв свой бокал, вернулся на прежнее место.

– А сейчас?

– Сейчас я равнодушен к еде. Хотя раньше даже готовил.

– Ты – и кухня?

– Трудно представить?

– О да! – голос слегка дрогнул, сознаваясь в смятении от собственной бестактности. – И что же увлекает синьора Валлара теперь?

– Ты, – спокойно и просто произнес неаполитанец, словно ничего необычного в этом не видел.

По спине стекла горячая дрожь. Губы разомкнулись и, заметив это, он самодовольно усмехнулся.

– Флиртуешь?

– Конечно. Не должен? – синьор приподнял бровь и отпил вино, внимательно изучая мое лицо.

– Твоя прямолинейность смущает меня, Анжело.

Тихий смешок сорвался с мягких, очерченных губ мужчины.

– Это мне говорит девица, называющая себя моей содержанкой и требующая у всей Вилла Эмануэлла по такому поводу уважения к себе.

Щеки вспыхнули. Я сцепила пальцы, стараясь смотреть в сторону.

– Рудольфо был бестактен, и мне пришлось осадить его. Он сам донес тебе?

Валлара довольно кивнул.

– Правильно, малышка. Пусть знает свое место.

– Почему Весса так настроен ко мне?

Анжело добродушно усмехнулся, умозрительно уставившись на вино в своем бокале.

– Не злись на него, сладкая. Рудольфо любит меня... Нас всех. Он работает на мою семью всю свою жизнь.

– Все равно не понимаю.

– Ему не нравится, когда я привожу в дом не итальянок. Они переиначивают уклад семьи, нарушают субординацию и даже не чувствуют вины за это, потому что не понимают, как нужно вести себя.

Яркий, полный интереса взгляд синьора поднялся ко мне, внимательно изучая реакцию. Часть смысла понятия «правильное поведение» я уже усвоила при помощи Лучо, в остальные аспекты вникать сейчас совсем не хотелось.

– И много их было?

– Кого?

– Не итальянок.

Синьор саркастически усмехнулся, взирая на меня, словно кот на мышь.

– Джентльмены не вдаются в такие подробности.

– Ты – бандит, Анжело Валлара, – я высокомерно вскинула подбородок, – не джентльмен.

– Тем более, малышка, – неаполитанец глубоко вздохнул, отставил бокал и, достав маленькую блестящую зажигалку, вопросительно посмотрел на меня. – Не против?

Я безразлично пожала плечами, и он закурил, опершись спиной о стену сарая. Повисла пауза, но молчание не было тягостным. Наоборот, казалось, что слова исчерпали себя и растворились в непрозрачных сумерках теплой ночи.

Высокий факел догорал, смутно поблескивая алыми переливками тлеющих углей, а мы все сидели на толстом покрывале, безмолвно взирая в глубокое ночное небо. За три года, прошедшие с момента катастрофы, я ни разу не чувствовала себя так спокойно, легко и свободно... Будто наконец попала домой, после долгих, бессмысленных странствий.

Между двух братьев Валлара

Теперь новое утро больше не пугало неизвестностью. Душа отчаянно искала занятие, не желая оставаться лишь игрушкой в руках членов блистательного семейства. Ничего подходящего, однако, не находилось, потому я развлекалась, упражняясь в остроумии с Джулией и практикуясь в итальянском с Раулем.

Завтрак для нас подавали отдельно от мужчин, что немного раздражало. В один из дней представилась возможность перекроить устоявшийся порядок в доме, появившись пред светлы очи братьев Валлара, а так же раздраженного моим присутствием консильери.

– Доброе утро, господа. Позвольте?

Я приблизилась и застыла у самого большого стола, вызывая своим появлением некоторое беспокойство. Все одновременно перевели взгляды на Анжело, ожидая его решения, при этом каждый выражал свое мнение молча, но совершенно недвусмысленно.

– Садись, малышка.

Старший Валлара покровительственно усмехнулся и вытянул руку ладонью вверх, откладывая в сторону льняную салфетку. Мне тут же предложили стул и поставили прибор. Консильери недовольно поджал губы, понимая, что спорить с главой неуместно.

– Я раздражаю вас, синьор Весса? – непринуждённый тон моего звенящего голоса бесил его, казалось, только больше.

– Мы говорили о делах, синьорина, – коротко, отрывисто отчеканил старик, давая понять причины своего негодования.

Рудольфо четко разграничивал положение членов семьи, и настаивал на сохранении этой иерархии, в которой мое место было значительно ниже его собственного.

– Разве политику обсуждают за едой?

Валенсио коротко, одобрительно усмехнулся и отложил приборы, выпрямляясь.

– Она права. При отце подобного никогда не было.

– Вот и чудно. Как бы жестоко это не звучало: «Король умер. Да здравствует король!»

Произнесенный мной каламбур был оценён братьями Валлара по достоинству, поскольку, несомненно, намекал на положение Анжело, упроченное появлением перстня Пинно.

Лучо коротко рассмеялся, отпивая вино из широкого, тюльпановидного бокала. Валенсио посмотрел уважительно и заинтересованно. Анжело смерил среднего брата тяжёлым, горящим пламенем ревности взглядом, а затем откинулся на спинку кресла и закурил, вальяжным поведением подчёркивая свой статус. Я усмехнулась, наблюдая за ними. Еще вчера синьор спрашивал: не помешает ли мне сигарета, а теперь спокойно курил в присутствии дамы, совершенно не заботясь о ее комфорте. Вот же позер!

Постепенно волнение компании улеглось, разговоры потекли в неспешном русле. При попытках Рудольфо перевести их в деловую плоскость, суровый лидер бросал на консьюльери тяжёлый взгляд и тот замолкал, подчиняясь воле главного. По окончании трапезы, вежливо поблагодарив присутствующих за компанию, я уже собиралась уйти, когда Валенсио предложил составить ему компанию.

– Конечно. С удовольствием. Чем займёмся?

– Ты мне нужен, немедленно, – низко зарычал Анжело, не отрывая сосредоточенного, злого взгляда от брата.

– Встреча с Филиппом Лучия назначена на вечер, – потемневший взор Валенсио метал искры, не желая уступать старшему брату.

Решив, что лучше вмешаться и разделить их, пока ничего не случилось, я почла за правильное увести среднего, поскольку обращаться фамиллярно к лидеру в присутствии подчинённых было бы не слишком хорошим выбором.

– Если позволите, синьор Валлара, я все же составлю компанию на прогулке Валенсио. У него действительно есть на это время.

Моя ладошка неуверенно зацепила спутника под локоть, с целью побыстрее увести его от скандала подальше. Взор Анжело ещё сильнее потемнел, а скулы отчётливей выступили на грубоватом лице. Он глубоко вздохнул, унимая злость, и взмахом отослал нас, не отрывая взбешенного взгляда от моих пальцев, сжимающих рукав рубашки его брата. Когда

мы отошли на безопасное расстояние, я, отпустив крепкую руку итальянца, решила, наконец, заговорить.

– Хотел, что-то обсудить? Или так, просто Анжело бе-
сишь, от нечего делать?

Валенсио разочарованно усмехнулся и рассеянно опустил ладони в карманы, глядя себе под ноги.

– Значит, твой выбор сделан?

Глубокий, удрученный вздох сорвался с моих губ, свидетельствуя о нежелании развивать подобные темы. Грубить ему, однако, совсем не хотелось.

– К чему подобные разговоры?

– Уточняю, – в холодном звоне чистого голоса появилось раздражение.

– Послушай Валенсио...

– Нет, Паола, это ты послушай, – он поднял полыхающий злостью и обидой взгляд ко мне. – Скажи однозначно, чтобы я оставил надежды. Раз и навсегда.

– Во-первых, ты видел меня в постели брата. Во-вторых я не помню, чтобы давала повод надеяться. Какие ещё могут быть разговоры?

Не до конца понимая почему, я все же начала злиться, и неприятное чувство со временем только усиливалось. Может быть, ночь в объятиях Анжело Валлара и не была лучшей идеей за всю мою жизнь, но, тем не менее, застигни я Майкла в объятиях Мари, вряд ли стала бы уточнять их отношение друг к другу. Валенсио моей шепетильности, похоже, не раз-

делял. Издевательски усмехаясь, синьор смотрел на дорогу, себе под ноги.

– В кровати Анжело побывала добрая часть женского населения Сардинии. Так что повод для уточнения у меня все же есть.

Стало обидно. Даже немного больно. Может быть, я снова принимала желаемое за действительное? Как в случае с Майклом? А если Валлара просто играли со мной, перекидывая друг другу, точно мячик?

– И, тем не менее, твой вопрос бестактен.

Мое плохо скрываемое раздражение, казалось, только накаляло обстановку, потому взгляд никак не желал подниматься на собеседника.

– А я, в свою очередь, продолжаю настаивать на нем, Паолита. Ответь.

Валенсио смотрел серьезно. На дне янтарных глаз проблескивал странный огонек заинтересованности, хотя скорее не во мне, а в ситуации. Средний Валлара испытывал некую симпатию к любовнице брата. Вот только мотивы, толкавшие его на оспаривание внимания женщины, все же казались мне сомнительными.

– Ах, если бы я могла...

Янтарный взор среднего Валлара вспыхнул удовлетворением и надеждой. Он медленно протянул ладонь и коснулся ею самых кончиков моих пальцев. От этого робкого прикосновения по коже мгновенно разлилась трепетная дрожь, что

конечно не ускользнуло от кавалера.

– Ты не такая, как все, Паолита. Я не встречал ещё женщин, подобных тебе. Анжело не оценит по достоинству и половины твоих добродетелей.

– Ты не наблюдательный аналитик, Валенсио – с саркастической усмешкой парировала я, – если не замечаешь перед носом очевидного.

– Просвети, – средний Валлара до скрежета зубов стиснул челюсти, иллюстрируя злость.

– Рядом с тобой каждый день находится женщина, которая ближе моего тебе по духу, и не менее достойна внимания.

– Это кто же, позволь узнать? – крепкие пальцы синьора будто невзначай сомкнулись на моем запястье.

– Джулия.

– Что? Пустышка, которая сравнивать умеет только цену очередной тряпки в магазине? Шутишь?

Я резко выдернула руку из широкой, горячей ладони и, остановившись, развернулась к нему лицом. Пренебрежение к новой подруге обижало до глубины души.

– Ошибаешься. Она, точно как и ты: младший ребенок в семье, ведёт себя соответственно положению и сложившимся обстоятельствам. Только это совсем не значит, что ее собственное мнение совпадает с общественным. Много ли ты сам сделал против веления своей семьи и Анжело? – он ошарашенно смотрел на меня, обескураженно опустив руки. – А значит не в праве выдвигать претензии Джулии. Тем более в

том, что она хорошая дочь и скрупулёзно выполняет общественный долг перед собственной семьёй.

– Не думал, что вы подружились настолько, – усмехнулся Валенсио. – Но ты права, если честно, то я никогда не смотрел на синьорину Барзинья с подобной стороны.

– А зря. Она умная, преданная женщина и прекрасный собеседник.

– Постой. Ты хочешь спихнуть невесту брата мне и освободить себе дорогу?

Терпение окончательно покинуло измученную пререканиями душу, уступая место безудержному раздражению, смешанному с гневом, злобой и усталостью.

– Да плевать я хотела на вас обоих! – голос звенел, высокими нотами взмывая к небесам. – Не смей приближаться ко мне больше, Валенсио!

Недвусмысленно иллюстрируя резкими движениями намерение уйти, я отвернулась к дому, но крепкие руки вмиг сжали плечи, мгновенно сокращая дистанцию между нами. Горячие, мягкие губы среднего Валлара накрыли мои, прерывая поток возмущения. В первую секунду жаркая дрожь хлынула по позвоночнику, но почти сразу стало мерзко, гадко и противно. Словно я оказалась в роли гулящей девки, меняющей постели с частотой недостойной никакого одобрения.

Чувственные губы Валенсио продолжали настаивать, углубляя поцелуй, сильные руки спустились по спине, смы-

кая наши тела. Мое вежливое сопротивление он никак не хотел принимать во внимание, полагая, что сумеет разбудить страсть, если проявит чуть больше настойчивости. В отличие от Анжело, Валенсио я совершенно не боялась, потому уверенно уперла ладони в широкую грудь, отводя голову в сторону, в попытке уклониться от продолжения.

– Пусти, меня. Сейчас же.

– Как же ты не понимаешь, Паола! – неаполитанец начал злиться, больно впиваясь цепкими пальцами в спину. – Он не женится на тебе. Никогда! Так и будет держать при себе, как ручную собачонку, пока не надоест.

Глубокий, янтарный взор его сосредоточенного взгляда вспыхнул непоколебимой решительностью... Но не отчаянием нежелания терять возлюбленную, не огнем страсти, не трепетом привязанности... Только серьезный, холодный расчет. В чем же смысл тогда? Где итог этой партии и кто в ней соперник хитрого, дальновидного Валенсио?

– Я дам тебе больше. Ты будешь мне равной, синьорой Валлара, а не просто очередной шлюхой в постели хозяина.

Определение больно резануло по самолюбию. Плохо отдавая себе отчёт в действиях, я молниеносно влепила звонкую, хлесткую пощечину раньше, чем успела сообразить, что делаю. Смольная голова метнулась в сторону, повинувшись инерции удара, но тут же темный, янтарный взгляд вернулся ко мне. Валенсио медленно стиснул объятия ту же, прижимая к себе настолько, что я легко могла ощутить его страстное во-

одушевление.

– Прости меня, крошка. Я опять неоправданно груб, но ты кружишь голову так, что просто невозможно себя контролировать. Задыхаюсь от ревности, представляя, как он... Имеет тебя, целует, ласкает... Хочется взять пистолет и сделать что-нибудь неимоверно глупое.

Его гулкое сердце рвалось из груди, а сильные пальцы до боли впивались в кожу, не позволяя отстраниться.

– Отпусти ее, – низкий рокот взбешенного баритона старшего Валлара разрезал воздух, проступая на коже взволнованной дрожью.

– Не смей указывать мне, Анжело! – Валенсио нехотя разжал руки и, вызывающе вздернув подбородок, направился к брату. – Что ты можешь дать ей? Хочешь сказать, что откажешься от Джулии Барзинья? Да никогда. И что останется Паоле? Место вечной любовницы?

Средний Валлара уже вплотную стоял к старшему, втыкая оттопыренный указательный палец в белоснежную рубашку, скрывающую высоко вздымающуюся грудь молодого лидера. Взор Анжело вскипел неприкрытой ненавистью. Он сделал пару глубоких вдохов, потом медленно поднял открытую, напряжённую ладонь и, положив ее на смольный затылок соперника, резко дёрнул его на себя. Лбы мужчин столкнулись, напоминая двух сцепившихся рогами быков, готовых уничтожить друг друга.

– Ты – мой брат, Валенсио, и я люблю тебя.

Дракон Валлара чеканил слова медленно, будто процеживая через плотно, до скрежета сомкнутые зубы. Темный, злой взгляд ни на секунду не опускался от точно таких же, полных ненависти глаз, стремящихся испепелить его самого на месте. Средний брат резко дёрнул головой в сторону, в попытке высвободиться. Старший лишь только сильнее сжал пальцы, а в наглом, высокомерном взоре вспыхнул азартный, жестокий блеск.

– Я простил тебе даже историю с перстнем. Но не ее, Валенсио. Не ее. Только тронь эту женщину и, видит Бог, я пристрелю тебя. А потом даже на отпевание не приду. Понял!

Жёсткий рык все повышал тон, наполняясь стальным звуком непоколебимой уверенности. Огонь ненависти, полыхающий между братьями, готов был взорваться в каждую секунду.

– Оставьте выбор за мной, господа, – спокойно произнесла я, понимая, что ничем другим остановить перепалку не сумею.

– Иди в дом, Паола, – тихо прошипел Анжело, не отводя взгляда от брата.

– Ты душишь ее своим эгоизмом так же, как и всех остальных. И делаешь это только потому, что боишься, ведь по доброй воле тебя никто не полюбит. Так ведь?

Голос среднего Валлара набирал обороты, отзываясь огнем бешеной ненависти в глазах старшего. Ситуация быстро начала принимать опасный характер.

– Хватит Валенсио! – мой голос нервно звенел, разливаясь в воздухе. – Может ты не заметил, но меня не так просто заставить! И решения я принимаю на трезвую голову, а главное – исключительно самостоятельно! Какими бы ни были наши отношения с Анжело, они останутся только нашими! Никто не нуждается в твоём одобрении.

Старший Валлара ослабил хватку, словно немного успокоился, услышав именно то, чего так жаждал. Средний тут же сделал два шага назад, нервно оправляя одежду.

– Послушай, детка, ты никому ничем не обязана, – Валенсио даже подался вперёд. Его голос звенел мягкой настойчивостью в попытках воззвать к моему здравому смыслу. – Мы начнем свою собственную жизнь. Сами завоюем себе место. Поверь, моей силы для этого хватит с лихвой.

Анжело сжал челюсти, от чего скулы сделали грубое лицо совсем демоническим. Я медленно приблизилась к нему и уткнулась носом в широкую, высоко вздымающуюся грудь. Крепкая ладонь опустилась на поясницу и чувствительно, по-хозяйски сжала талию.

– Смирись, наконец, Валенсио. Она моя.

– Думаешь, что победил? – средний Валлара выбросил указательный палец вперёд, всем своим видом демонстрируя разочарование и раздражение. – Паола так же, как и остальные скоро поймет, что за урод перед ней, а потом со всех ног побежит за утешением в мои руки. И тогда, будь уверен, я не оттолкну твою бывшую, Анжело. Не в этот раз.

Король Каморра молчал, выпрямив спину и издевательски усмехаясь. Валенсио нервно переступал с ноги на ногу, не решаясь уйти, но все прекрасно понимали, что конфликт исчерпан. Мое решение определенно было политическим, раскалывать клан в такое беспокойное время не пошло бы на пользу никому. Я пыталась объяснить себе собственное демонстративное поведение объективными причинами. Только упрямое сердце все сильнее, восторженной рвалось из груди, убеждая обнимающего меня Анжело совершенно в обратном. Когда тяжёлые шаги побежденного соперника затихли на дорожке, уходящей к дому, синьор раздражённо опустил голову к моему виску и озлобленно прорычал:

– Мелкий сукин сын.

А я тем временем судорожно вдыхала его терпкий запах, с примесью горького, сицилийского лимона, ощущая себя безгранично счастливой. Похоже мой выбор между братьями воистину был уже сделан. Как бы разгоряченное сознание не пыталась логически объяснить себе поведение стечением обстоятельств, но губы припухли и будто кололи иголками от нетерпеливого ожидания поцелуев импульсивного, дерзкого, эксцентричного дракона Валлара.

Деревня на юге Италии

– Завтра ты уезжаешь, малышка.

Теплые, бархатные, словно осязаемые сумерки, стелились антрацитовым ковром по террасе. Просторный балкон при-мыкал к восточному входу поместья, как раз в том крыле, где находились личные комнаты членов семейства Валлара. Анжело, по своему обыкновению курил, стоя спиной ко мне. Его напряжённо расправленные плечи, натянутая тугой струной поза и резкие движения выдавали не слишком скрываемое раздражение.

– Почему?

– Я так сказал.

В груди неприятно зашевелился страх. Отсылает надоевшую игрушку? Хочет избавиться от меня? Решил, что любовных утех для празднования мальчишника уже достаточно?

В свете последовательно подлетающего к грубому лицу красноватого огонька тлеющей сигареты проступила изящная ладонь с напрочь сбитыми костяшками пальцев.

– С кем подрался?

Валлара посмотрел на меня в недоумении, но потом перевел мягкий, янтарный взгляд на руку и умозрительно усмехнулся, ничего не ответив.

– Это Валенсио? Отсылаешь меня, чтобы брата не злить?

– Малышка, – низкий баритон прорезался раздражением, – когда я говорю, ты – подчиняешься.

Негодование вскипело в крови обидой, заставляя делать и говорить глупости.

– Есть, синьор главнокомандующий! Разрешите выполнять?

Анжело шумно втянул воздух через сомкнутые зубы и медленно опустил сигарету в пепельницу. Предчувствуя последствия, я сделала пару шагов назад, но это не помогло. В следующее мгновение неаполитанец уже больно стискивал хрупкие плечи цепкими пальцами, плотно прижимая меня к стене и низко склоняя смольную голову прямо к самому уху.

– Прекрати пререкаться, мелкая, наглая дрянь, – сдавленно прорычал низкий баритон, обжигая дыханием шею.

– А что мне терять? – гордо вскинула подбородок я, стараясь смирить звон пробивающихся слез разочарования в высоком тоне расстроенного голоса.

Неаполитанец внимательно, непонимающе посмотрел на меня. Он будто некоторое время силился определить причину странного поведения истеричной девицы. Потом же бандит издевательски усмехнулся и тихо, вкрадчиво заговорил, обволакивая плечи мягким мурчанием велюрового голоса.

– Вы с Джулией отправляетесь на юг Италии в поместье моей тетки. Там будете тихо сидеть на своих круглых попках, пока не позволю вернуться.

По плечам горячей волной прокатилась невольная дрожь

облегчения. Не отправляет домой... Скорее прячет подальше от неприятностей... А это было уже совсем другим разговором.

– Проблемы с Пинно из-за кольца?

С мягких губ итальянца сорвалось емкое, звучное ругательство, подтверждающее нежелание синьора Валлара обсуждать политику клана с женщиной, даже такой сообразительной, как я.

– С тобой очень сложно, сладкая.

Велюровый голос вновь замурчал, иллюстрируя все нарастающее влечение. Сильные ладони соскользнули по моим рукам до локтей, а горячее дыхание Анжело стало искать едва вспухшие от недавних открытий губы.

– Хочешь спрятать подальше от своих криминальных разборок?

– Да.

Он потянул двумя пальцами мой подбородок вверх, принуждая поднять взгляд. Темный блеск янтарных глаз все сильнее разгорался желанием. Гулкое сердце синьора стучало быстрее с каждым вздохом, а крепкое тело натягивалось, вызывая взволнованный трепет в моем собственном животе, откровенно интимной близостью.

– Когда мы уезжаем?

Я попыталась высвободиться из цепких рук, но Анжело даже не подумал отстраниться, продолжая стоять вплотную, низко опустив голову прямо ко мне.

– Завтра отвезу вас.

По позвоночнику стекла холодная дрожь, поднимая в груди волну нового приступа страха.

– Все так плохо?

– Прекрати, Паола! – он едва не зарычал, с ненавистью переводя темный взор с губ на глаза, будто рассерженный необходимостью отвлечься.

– Пусти меня... – тихо прошипела я и уперла ладони в рельефную грудь мужчины.

Издевательская усмешка скривила открытые, чувственные губы итальянца. В янтарных глазах продолжал разгораться огонь желания, расширяя черные пятна зрачков до размеров радужной оболочки.

– Знаешь, чего я хочу сейчас больше всего?

Крепкая ладонь опустилась по моей спине до поясницы и, чуть соскользнув вниз, с силой прижала меня к полыхающему телу неаполитанца.

– Догадываюсь.

Удержать голос издевательски ровными стоило немалых усилий. Хотя в сочетании с бешеным то ли от страха, то ли от возбуждения, стуком сердца прозвучал он все равно не убедительно.

– Заставить, – вкрадчиво прошептал он, едва касаясь мягкими губами моих. – Как же я хочу заставить тебя быть покорной, сладкая.

Напряжённая ладонь опустилась чуть ниже, оглаживая ре-

льеф ягодиц, его частое, горячее дыхание обжигало за миллиметр до поцелуя, а кипящий желанием взор будто впивался в кожу, медленно стекая от скулы к ключице.

– Так чего ждёшь? – нагло усмехнулась я, высокомерно поднимая подбородок.

Анжело коротко, ёмко выругался, резко разводя руки в стороны, и порывисто отвернулся.

– Марш собирать вещи. Живо!

Я предпочла подчиниться, но в дверях остановилась в нерешительности.

– Можно взять с собой Рауля? – Анжело неприязненно расправил плечи, иллюстрируя неодобрение. – Хочу побыстрее научиться языку.

Неаполитанец молча закурил. Потом синьор, не разворачиваясь в мою сторону, неопределенно взмахнул в воздухе рукой, словно отсылал слугу, давая тем самым понять, что разрешает Раулю поехать с нами.

Рассудив, что стоит предупредить Джулию, я отправилась искать ее. Просторная терраса, используемая членами семьи для принятия пищи, или просто отдыха, в этот час должна была пустовать, но оттуда доносились звуки неспешного разговора. Вскоре послышался тихий, девичий смех. Приблизившись, я обнаружила компаньонку в обществе Валенсио. Они непринужденно болтали о незначительном. Средний Валлара смотрел на девушку с неподдельным интересом. Ее же прямая, натянутая поза и плотно сцепленные на

коленях руки свидетельствовали о значительном напряжении, будто лёгкость беседы давалась компаньонке с трудом.

Валенсио говорил, а девушка сосредоточенно слушала, вставляя реплики четко, по теме и выражая в нужных местах вежливую заинтересованность. Это льстило мужчине, поскольку не заметить старательность барышни было бы откровенной глупостью. Поведение Джулии в точности копировало то, что я ей советовала на прогулке по магазинам. При этом нехитрые действия были без сомнения вознаграждены немедленными результатами.

Мешать милой идиллии стало бы в высшей мере кощунством, потому я предпочла отправиться спать, намереваясь сообщить неприятные новости утром, когда все немного уляжется.

С рассветом закипела работа по подготовке отъезда. Компаньонка восприняла идею без должного энтузиазма, но возражать, по обыкновению, не стала. Рауль оказался безразличен к переменам. Ему было решительно все равно, где находиться, потому переводчик безропотно подчинился приказу нанимателя. Для защиты нам назначили двух телохранителей: Мигеля и Диего. Это были крупные парни неприметной для данного региона внешности, из тех, что без эмоционально следуют по пятам с каменным выражением на лице.

Ближе к обеду, когда все уже приготовили к отправлению, и мы с Джулией ожидали появления Анжело, стоя у дверей крупной, бронированной машины, одной из кортежа, со сто-

роны беседки неспешно появился Валенсио. Синьор в нерешительности осмотрелся по сторонам, словно стесняясь того, что намеревался сделать. Или скорее и сам не понимал, хочет ли проявить заинтересованность.

– Что стоишь? Иди же.

Я толкнула подругу в спину, и она быстрым шагом направилась к среднему синьору Валлара. Мужчина несколько облегченно улыбнулся и строго, решительно проговорил что-то девушке, на секунду коснувшись ее руки. Джулия сосредоточенно кивнула, в ее карих глазах появились слезы. Кавалер протянул было ладонь, чтобы погладить мокрую, девичью щеку, но потом не решился и опустил руку. Появились Анжело и Лучо. Валенсио направился к ним, а компаньонка вернулась ко мне.

– Что он сказал? – прошептала я, стгорая от любопытства.

– Велел быть осторожной.

– И все?

– Он не сможет звонить.

– Ну... Не плохо для первого раза, дорогая.

Девушка счастливо, с облегчением улыбнулась и взяла меня за руки.

– Спасибо тебе, Паолита. Все, что ты сказала, оказалось правдой. Кажется... Мы подружились.

– А мне кажется, что ты приглянулась синьору и он беспокоится о твоей безопасности.

К нам приблизился Лучо. Пришлось замолчать, чтобы не

выдать ему своих дамских секретов.

– Будьте почтительны с тёткой Франческой, у нее крутой нрав, – парень по очереди обнял нас, пожелал счастливого пути и кортеж тронулся, унося всю компанию на юг страны, под защиту некой доньи Валлара.

Дорога была долгой, нудной и утомительной. Прекрасные виды провинциальной Италии быстро начали надоедать, лежать на сиденье запрещала дотошная Джулия, а томительное ожидание встречи с грубой, авторитарной тёткой братьев Валлара совсем не доставляло радости. Монотонное журчание двигателя погружало в дрёму. Наплевав на протесты компаньонки, я устроилась с ногами на бежевой коже салона, положила голову ей на колени и сразу уснула, измученная переживаниями.

Наверное, Анжело, находившийся в соседней машине, очень удивился обнаружив нас дремлющими в обнимку, когда открыл дверцу автомобиля по прибытии. Компания выгрузилась из черных машин и сиротливо жалась к транспорту в нерешительности.

Впереди открывался удивительной красоты вид. Холмистая местность, насколько было видно глазу, зеленела темными вихрами виноградников, обнесенных у самого начала пыльной просёлочной дороги низким, каменным забором. Словно громадные ворота в рай, прямо в центре панорамы, на возвышении, нависал над долиной большой, старомодный дом, пёстро украшенный разноцветными кустарниками и ло-

зами, усеянными мелкими цветами и листьями. Обширный двор, частично прикрытый брезентовым навесом красного цвета, давно выцветшим от солнца и дождя, пустовал, заполненный струящимися ручейками раскаленного воздуха.

Широкий, грубо сбитый из едва отесанных досок стол и обилие низеньких длинных лавок, говорили о наличии шумной компании, которая в это время дня, очевидно, трудилась на благо процветания виноградников.

Низкая, толстая, но при этом фигуристая, с миловидным лицом итальянка спешила навстречу, отирая широкие руки о полотняный передник. Копна ее смольных с проседью волос, собранных на затылке в неряшливый пучок, растрепалась, свидетельствуя о недавней, увлеченной работе.

– Анжелито! – она беззастенчиво притянула крупными ладонями синьора Валлара к себе и горячо расцеловала в обе щеки и лоб. – Как ты вырос, сорванец! Совсем позабыл свою старую тётушку.

– Франческа... Я скучал, – снисходительно похлопав фамильярную родственницу по спине, лидер влиятельной корпорации и безусловно, на данном этапе, король Неаполя, попытался высвободиться из родственных объятий.

– Ты посмотри на него, Винсенто! – женщина схватила льняное полотенце, висевшее на ее плече, и отвесила звонкий шлепок чуть ниже спины высокомерному племяннику, напрочь снижая его социальный статус до полного минимума. – Я помню, как ты бегал по этому двору без штанов!

Анжело поднял ладони вверх, признавая поражение и засмеялся: чисто, искренне; словно подобные речи совсем не были для него унижительными. Мудрый лидер Каморра склонял голову перед старой тётушкой, позволяя ей считать себя значимой, а может быть, просто семья в его жизни действительно значила больше, чем казалось со стороны.

– Кого ты привез мне, хулиган? Ах видела бы тебя твоя бедная мама... – Франческа поднесла полотенце к глазам. – Она так гордилась бы!

– Моя невеста, – Валлара вытянул руку в нашу сторону. Джулия выпрямилась, приосанившись, а я грустно опустила смущённый взгляд. – Паола Блэк.

– Итальянка? – с сомнением прищурилась женщина.

– Американка, – качнул головой Анжело, подзывая меня.

Смирить трепет смятения, поднимающийся в груди жаркой волной, стало почти невозможно. Почему своей суженой он представил меня, а не Джулию? Плохо справляясь с волнением, я подошла к ним и тут же широкая ладонь синьора опустилась на талию, подтверждая мою причастность.

– Здравствуйте, синьора Валлара. У вас чудесный дом.

Темные, блестящие глаза тётушки сверкнули одобрением. Она повернула лицо к племяннику и снисходительно улыбнулась.

– Вежливая и скромная. Это хорошо. Знает итальянский?

– Ещё плохо. Оставлю ей учителя, – Анжело указал на Рауля, сиротливо стоявшего в стороне.

– Не надо никаких посторонних мужчин в моем доме! – подняла тон красивого голоса Франческа и, взмахнув в воздухе рукой, по-хозяйски взяла меня за руку. – Я сама научу ее. И лепешки печь, те самые, что вы с братьями так любите с детства.

– Спасибо, синьора. Очень великодушно с вашей стороны, – я ненавязчиво отодвинулась от Анжело и сделала пару шагов в ее сторону.

– Не за что, милая. Ничего не бойся. Донья Валлара не даст тебя в обиду.

– С ней останутся Мигель и Диего, – безапелляционно заявил Анжело, внимательно глядя в суровое лицо женщины.

– Ну если тебе так спокойнее, пусть поживут здесь, – согласилась она и смерила неприязненным взглядом Джулию. – А эта кто такая?

– Моя подруга, Джулия. Очень хорошая девушка, – я несмело коснулась руки хозяйки.

– Ну что ж, – протянула с сомнением синьора, – проходите все в дом.

Валлара дал знак мужчинам занести вещи. Вокруг машин началось оживление, а Рауль послушно сел на переднее сиденье, закрывая за собой дверцу.

Просторный холл, большого дома являл иллюстрацию к книге о колониальной Европе времён первой мировой. На стенах в потертых рамках висели фотографии мужчин, женщин и детей, столы, тумбы и полки были застелены кружев-

ными салфетками. Донья Франческа бойко распоряжалась, обильно жестикулируя.

– Сейчас сядем за стол, все и расскажешь мне, Анжелито.

– Я поеду, Франческа.

– Это как же? А обед? Ты так долго не навещал нас.

Она явно расстроилась, опуская ладони на передник. Валлара примирительно обнял тетку и поцеловал в висок, утешая.

– Вернусь через пару недель.

– И Лучо с Валенсио привези, – оживилась бойкая итальянка. – Как раз будет праздник первого урожая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.